

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

INSTITUTION «BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE»

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 22

Minsk
2021

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА «БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ»

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 22

Мінск
2021

УДК 930.25(476)(058)

У дваццаць другім выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» змешчаны артыкулы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве і гісторыі дзяржаўных устаноў Беларусі. Публікуюцца дакументы па новай і найноўшай гісторыі Беларусі (XVI—XX стст.).

Прызначаны для археаграфіаў, архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філалагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
Р. С. ЖАЎНЯРКЕВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. В. КАРАЎ, С. М. КАШТАНАЎ,
В. А. КОСМАЧ, В. І. КУРАШ, М. В. ЛАРЫН, В. Л. НАСЕВІЧ,
Г. У. ПАПАКІН, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, С. В. КУЛІНОК, А. М. САРОКІН,
А. У. ХМЯЛЕЎСКАЯ, М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

АРТЫКУЛЫ

С. В. Жумарь,

заместитель директора по научной работе
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук

**ФОТОДОКУМЕНТЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ**

(к 80-летию архива)

Согласно одному из расхожих определений, фотодокумент — это изобразительный документ, фиксирующий «посредством фотографической техники события, явления и факты реальной действительности в виде отдельных или серии изображений, фотоочерков, связанных определенными признаками (хронологическими, тематическими, авторскими и др.)» [1, с. 22]. Осознание специфики фотодокументов в информационно-технологическом и социальном плане позволяет понять, что как исторический источник и как объект хранения они ассоциируются отнюдь не только с архивами, но, в не меньшей степени, с музеями, библиотеками, специализированными фототеками редакций газет и информационных агентств.

Однако относительно Беларуси можно безусловно утверждать, что фото как фундаментальный цельный информационный массив — это, прежде всего, Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (БГАКФФД) и его собрания, насчитывающие более 270 000 фотодокументов. Почти все они относятся к советскому периоду. Тем не менее, порой весомее как источник, интереснее и своеобразнее в эстетическом и событийном плане фотографии конца XIX — начала XX в. (единичные из них относятся к 60—70-м гг. позапрошлого века).

Среди наиболее значительных фондообразователей — знаменитый филокартист Н. С. Тагрин (основная часть его коллекции, 360 000 фотодокументов, хранится в Государственном музее истории Ленинграда); хирург, краевед, фотограф В. И. Коляда; искусствовед О. Г. Кукуня и др. Материалы некоторых из них достаточно известны, а порой носят хрестоматийный характер*. Архив занимается сбором фотодокументов с середины 1940-х гг., однако в ряде случаев источники поступления остались неизвестными, при этом в качестве таковых в учетных документах обозначен «ЦГАКФФД БССР». Из источников комплектования в Беларуси самыми значимыми «поставщиками» дореволюционных фото стали редакции творческого объ-

* Так, отдел рукописей Центральной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси презентовал часть наследия Я. Балзункевича в издании «Хрысціянскія храмы Беларусі на фотаздымках Яна Балзункевича. Пачатак XX стагоддзя» [2].

единения «Телефильм», бюллетеня «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», фототеки столь разнородных организаций как Специализированные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры БССР, Государственный музей БССР, Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, издательство «Белорусская советская энциклопедия», Белпромпроект, Белорусское театральное общество, Белорусское общество культурных связей с соотечественниками за рубежом, Белорусское телеграфное агентство и др. Значительный объем фотографий конца XIX — начала XX в. поступил из российских собраний — Государственного исторического музея СССР, Музея архитектуры СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) в г. Ленинграде, а также из Центрального государственного архива Литовской ССР.

Фотографии из фондов БГАКФФД неоднократно публиковались в тематических альбомах, каталогах выставок, научных и научно-популярных изданиях. Их значимость всегда адекватно оценивалась, хотя в суммарном плане дореволюционные фотографии составляют весьма незначительную часть общего массива фотодокументов архива — более 3000 единиц хранения. Это число нужно принимать как условную величину, обусловленную как несовершенством базы данных, так и учетом фотоизображений, текстовых документов, произведений живописи и графики.

В контексте данной информации следует отметить, что дореволюционные кино- и фонодокументы в БГАКФФД почти отсутствуют — их количество ничтожно. Оригинальные кинодокументы (без учета советской и постсоветской исторической документалистики) — это всего лишь документальный 150-метровый сюжет о параде войск в Бобруйске в присутствии Николая II (1916) [3, с. 22]. Что же касается фонодокументов, то это несколько грампластинок начала XX в. с записью исполнения известных оперных арий и романсов. Полную атрибуцию их еще предстоит сделать, но, по-видимому, в качестве нижней хронологической границы можно установить 1906 г., когда была выпущена грампластинка с исполнением ариозо Канио из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы» знаменитым тенором, солистом петербургского Мариинского театра А. М. Давыдовым [4, с. 5].

Возвращаясь к фотодокументам БГАКФФД и классифицируя их по тематике и объектному признаку, желательно, прежде всего, обратить внимание на панорамные фото. Панорамное фото как понятие в данном случае предполагает фотодокумент, созданный не с использованием широкоугольного объектива и специальных приемов съемки, а зафиксировавший вид на местность, открывающийся с удобной для обзора точки и характеризующийся как значительной глубиной обозреваемого пространства, так и относительно широким углом обзора. Таковы, например, панорамы Витебска с Духовской горы, Могилева с Заднепровья, Минска с левого берега р. Свислочи (вид с Троицкой горы), вид замка в Лиде со стороны Замковой улицы. Самый ран-

ний фотодокумент данного типа относится к 1889 г. Это фото восточной части Полоцка с колокольни Николаевского собора. Исходя из условности понятия «панорама» в данном конкретном случае и зыбкости межжанровых границ, можно привести лишь примерное количество подобных фотографий — 170—200 единиц хранения.

С панорамными фото в тематическом плане смыкаются архитектурные пейзажи как элемент жанра архитектурной фотографии. Порой их сближает и техника исполнения, и композиционное решение. В архитектурных пейзажах отражена архитектура населенных пунктов (главным образом городов) не по объектному принципу, а как застройка, как серия образов города, городского ландшафта. Понятие «городская застройка» в предложенном контексте здесь предполагает изображение среды — улиц, площадей, рынков, парков и прочих комплексных, многообъектных «элементов города» с их неповторимыми особенностями, спецификой стили и антуража, гармонией и эстетикой пространства. Условное количество этих фото в фондах архива — примерно 380—400 единиц хранения. Наиболее частое место съемки — Минск.

Значительно лучше в БГАКФФД представлена другая жанровая группа архитектурных фотографий, родственная предыдущей, — объектные фото (здания, сооружения, архитектурные комплексы, интерьеры). На указанных фотоизображениях, как правило, доминирует один архитектурный объект, на котором фотографом сделан явный акцент. Обычно такой объект единственный. В ходе систематизации, осуществляемой в рамках данной конкретной работы, целесообразно отдельно рассматривать объектные фото гражданской архитектуры и архитектуры конфессиональной, так как соответствующие объекты съемки слишком различаются и по стилистике, и по функциональности, и по архитектурным формам и объемам.

Объекты гражданской архитектуры — это административные здания, банки, усадьбы, жилые дома, гостиницы, училища, гимназии, театры, музеи, памятники и памятные знаки, почты, столовые, рестораны, производственные здания и сооружения, а также ворота, ограды, элементы внутренних помещений и их дизайна и т. п. Речь идет примерно о 350 фотографиях. Среди них как наиболее популярное место съемки вновь доминирует Минск и его архитектура (не менее сотни фотографий). В ряде случаев один и тот же объект зафиксирован на разных снимках, но в идентичных или сходных ракурсах.

Объекты конфессиональной архитектуры — это культовые объекты четырех конфессий (православного и католического христианства, иудаизма и ислама). В архиве выявлено не менее 450 объектных фото православных соборов, церквей, монастырей, часовен, колоколен. Фотофиксация почти всех объектов проведена после 1900 г. Самые ранние фотографии сделаны в 1889 г. в Полоцке: Софийский собор (XI—XVIII вв.), Преображенский собор (1161) Спасо-Евфросиньевского монастыря, Николаевский собор (1745) и

памятник героям Отечественной войны 1812 г. (1850), церковь св. Иоанна Богослова (1769) Богоявленского монастыря, а также в Полоцком уезде: Борисоглебская церковь (XII в.) в Борисоглебском монастыре в д. Бельчица, Успенская церковь в д. Казимирово, Крестовоздвиженская церковь (1808) в д. Струнье (Струни).

Значительно меньше фотографий католической архитектуры (не менее 270 единиц хранения). Но следует отметить, что, кроме зданий костелов и их интерьеров, монастырей, каплиц и т. п., сохранились и фото руин, фундаментов и даже мест, где ранее располагались соответствующие объекты. Все фотографии начала XX в. Практически отсутствуют фото протестантских памятников — выявлено только фото кальвинистского сбора XVI в. в д. Осташин Новогрудского уезда, датированное 1914 г.* Имеется только 16 фотографий синагог (в Минске, Несвиже, Могилеве, Мстиславле, Орше, Бресте, Гомеле, Пинске, Гродно, Лиде, в деревнях Гродненщины). Пять фотографий двух мечетей (в Минске и Слониме) завершают презентационный ряд культовых сооружений авраамических религий на территории Беларуси и архитектурных фото дореволюционного периода из фондов БГАКФФД.

Отдельная группа фотографий (примерно 160 единиц хранения) вполне гармонично объединяет изображения объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств и средств связи. На указанных фото представлены объекты и действия (события), связанные с транспортом (прежде всего железнодорожным) и транспортными путями. Это изображения железной дороги (паровозов и вагонов, рельсовых путей, вокзалов, станций, перронов, мостов), а также строительных работ, выполняемых при ее возведении. Значительно меньше фотографий, посвященных водному транспорту и городскому (конка). Средства связи представлены своеобразными техническими натюрмортами — изображениями телефонных и телеграфных аппаратов. Именно в этой группе самые ранние в хронологическом плане фотографии рассматриваемого собрания (датированы 1870 г.) — развязка путей при строительстве железной дороги, рабочие-костыльщики на укладке рельсов, земляные бараки рабочих-строителей Московско-Брестской железной дороги.

Отдельный сегмент собрания — документальные фото и группы фотографий, связанных единым сюжетом, местом действия. Документальная фотография — многозначное понятие, означающее прежде всего обращение к реальным событиям. В контексте настоящего исследования оно предполагает фотодокументы, для которых характерен сюжет, действие, движение реальное или потенциальное в отличие от противоположного состояния —

* Следует отметить, что именно анализ конфессиональной архитектуры в фотодокументах позволил установить, что в случае отсутствия датировки в фотодокументах, поступавших на хранение в ЦГАКФФД БССР в конце 1940-х—1950-х гг., при приеме устанавливалась произвольно выбранная дата 1914 г.

статки (объектных фотографий, портретов, пейзажей, натюрмортов и т. д.). В свою очередь, среди этих документов выделяются сюжетные внегрупповые фотографии 1898—1917 гг. и фотографии 1896—1917 гг., связанные единым местом действия, сюжетом (событием). Среди первых фото, отражающие повседневность, быт — богомольцы в Спасо-Евфросиньевском монастыре в г. Полоцке (1889); запуск воздушного шара в Губернаторском саду на берегу р. Свислочь в Минске (1899); лов рыбы на оз. Кузница в Сенненском уезде (1907); сенокос в Слуцком уезде (1912). Их совсем немного, примерно 100 единиц хранения. Что же касается вторых, то они распадаются на несколько тематических подгрупп.

Во-первых, это серия фотографий о царских охотах в Беловежской пушце. С 1888 г. Беловежская пушча принадлежала царской семье. Пребывание Александра III, Николая II, великих князей в знаменитых охотничьих угодьях хорошо документировано. Подгруппа фотографий о посещении Николаем II Беловежской пушчи, любимого места царской охоты, при превалировании документального начала, разножанровая, однако связана единой тематикой, местом и временем событий и спецификой сюжетов отдельных фотодокументов. Общее их количество не превышает сотню единиц учета. Ряд снимков, особенно пейзажных и объектных, однотипны. Данные материалы не являются оригинальными — документы были переданы в ЦГАКФФД БССР из ленинградского ЦГАОР, единичные экземпляры из Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина, дирекции Национального парка «Беловежская пушча». Фото неоднократно публиковались и использовались в кинопублицистике. Часть их представлена в сети Интернет.

Во-вторых, это подгруппа из трех десятков фотографий 1889 г. о Полоцком кадетском корпусе. Почти все фотографии — объектные архитектурные фото. Но их объединяет общее место съемки, одновременность съемки (1889) и единый источник — ЦГАОР г. Ленинграда. Автора фотодокументов отличает скрупулезность и внимание к деталям, что позволяет составить достаточно полное представление о комплексе зданий и сооружений, принадлежавших корпусу, и по сути составляющих его. На нескольких фотографиях представлены воспитанники корпуса (певчие, духовой оркестр и проч.).

В-третьих, это подгруппа с таким же количеством фотографий (30 единиц) о Минской болотной станции. Станция была создана в 1911 г. (этим же годом датированы и фото) по ходатайству Минского губернского комитета по делам земского хозяйства под покровительством графа Н. П. Игнатьева. В то время это было первое научное учреждение в России по изучению болот и перспектив их хозяйственного использования. Коллекция фотографий БГАКФФД отражает как комплекс гидрологических сооружений станции, включая технические детали, так и процесс осуществления научно-исследовательских работ. Фотодокументы передал в архив крупный

ученый в области мелиорации торфяных и минеральных почв, член-корреспондент АН БССР Андрей Игнатьевич Ивицкий.

В-четвертых, это «этнографическая» подгруппа (вернее, миниподгруппа — она включает лишь десяток фото). Она объединяет этнографические материалы и жанровые фото, отражающие жизнь и быт белорусов-сакунов — группы населения Полесья, проживавшей по верхнему течению р. Птичь и ее притоку Аресе. Фотографии сделаны одновременно, в 1915 г., и происходят из одного источника.

В-пятых, это фотодокументы о Первой мировой войне. Они весьма ярки и интересны как визуальный исторический источник и, зачастую, как акт искусства фотографии. Около 150 фотографий отражают боевые действия, эвакуацию, жизнь беженцев, солдатские будни. В рамках этой подгруппы выделяется три десятка фото о госпитале Гродненской крепости. Они сделаны одновременно (1 ноября 1914 г.). Тематика — крепостной госпиталь и его помещения, оказание помощи раненым в госпитале, его медперсонал, раненые бойцы. Эти фотографии были переданы из ленинградского ЦГАОР.

Значительную часть собрания составляют портретные фото. Среди них преобладают индивидуальные портреты. В основном это портреты участников революционного движения, членов РСДРП и ее структур разного уровня, членов Советов и их исполкомов, военнослужащие, чиновники, литераторы, крестьяне, учащиеся гимназий, училищ и т. д. — всего примерно 250 единиц хранения. Кроме индивидуальных портретов, имеется около сотни групповых. На них изображены лица, относящиеся к тем же социальным и профессиональным группам, а ряд фотодокументов классифицируются как семейные салонные фото.

Среди портретных фотографий выделяется несколько тематических групп. К ним относится коллекция семейных фото графов фон Гуттен-Чапских, основу которых составляют фото графа Ежи фон Гуттен-Чапского, его жены и детей. Кроме групповых и индивидуальных портретных фотографий, в данную группу входят объектные архитектурные фото недвижимости данного семейства в Прилуках, Станьково, Нарушевичах, включая фото архитектурных деталей и интерьеров. Большинство из четырех десятков фотографий относится к первому десятилетию XX в. Почти все они принадлежали О. И. Маслиеву, главному архитектору Минской епархии, научному руководителю Станьковского дворцово-паркового комплекса.

Далее следует отметить портретные фото великого белорусского поэта М. А. Богдановича, а также лиц (включая родственников), окружавших его в жизни. Фото на протяжении ряда лет поступали в БГАКФФД из Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства (ранее Центральный государственный архив-музей литературы и искусства БССР) как результат непрекращающегося собирания биографических материалов и сведений о жизни классика отечественной литературы. Результатом стало обра-

зование компактной тематической группы из 35 фотодокументов, датированных 1880—1917 гг. В ней представлены индивидуальные и групповые портреты, включая постановочные (студийные) фото. К данной группе примыкает небольшой блок портретных фотографий Янки Купалы и Якуба Коласа 1902—1917 гг., поступивших из разных источников, в основной массе — из Белорусского общества культурных связей с соотечественниками за рубежом и из Центрального государственного исторического архива БССР в Минске.

В архиве также имеется группа портретных фото М. В. Фрунзе — революционера, советского государственного и военного деятеля, одного из крупнейших военачальников Красной Армии. В группу включено около трех десятков единиц хранения, на которых М. В. Фрунзе представлен в различные периоды своей жизни, в том числе отражены его пребывание и работа в Беларуси. Источник почти всех материалов — школьный музей США № 16 г. Минска. Следует отметить, что в БГАКФФД имеется несколько фотокопий писем М. В. Фрунзе, датированных 1916 г. Они были предоставлены московским Музеем Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще до начала 1990-х гг., в доинтернетную эру, БГАКФФД принимал на хранение фотокопии отдельных текстовых документов — писем, листовок, прокламаций, рапортов, справок, докладных записок и т. д. В этом же ряду — первые страницы газет, обложки книг, брошюр, а также фотокопии живописных и графических произведений (всего более 100 единиц хранения). Большинство из них так или иначе иллюстрировали революционные события, происходившие на территории Беларуси, и были востребованы в советское время именно в качестве иллюстративного материала для тематических выставок документов.

Завершая краткий обзор дореволюционных фотодокументов БГАКФФД, следует отметить их тематическое разнообразие при сравнительно небольшом количестве, а также неоднородность ценности как оригинального визуального исторического источника. Тем не менее, с учетом того факта, что фотография в России как неперенный элемент цивилизации достигла определенного уровня распространенности примерно к 1880-х гг., значимость дореволюционного массива фотодокументов крупнейшей в Беларуси государственной фототеки весьма существенна. Лакуны же этого массива предстоит выяснить в будущем. Данной работой с начала 1990-х гг. с перерывами занимаются архивисты БГАКФФД, собирая информацию о зарубежной беларусике по документам, профильным архиву. Желательно осуществлять аналогичные исследования и в отечественных хранилищах, прежде всего, в музеях и крупнейших библиотеках Республики Беларусь с перспективой централизации и обобщения соответствующих данных.

Источники и литература

1. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. — М.: РГГУ, 2005. — 394 с., ил.

2. Хрысціянскія храмы Беларусі на фотаздымках Яна Балзункевіча. Пачатак XX стагоддзя / аўтар уступнага артыкула і подпісаў пад ілюстрацыямі А. М. Кулагін; укладальнікі: А. М. Кулагін, У. А. Герасімовіч. — 2-е выд. — Мінск: Ураджай, 2001. — 184 с.: іл.
3. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: Справочник. — Ч. 1. Кинодокументы / автор-составитель С. В. Жумарь. — Молодечно: Тип. «Победа», 2002. — 717 с.
4. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. Справочник. — Ч. 2. Фонодокументы / автор предисловия, составитель С. В. Жумарь. — Минск: Проф-Пресс, 2013. — 560 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.04.2021

Ю. Н. Петух,
*ведущий архивист отдела публикаций
Национального архива Республики Беларусь;
e-mail: petuchurij@tut.by*

**ДОКУМЕНТЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
О МЕРОПРИЯТИЯХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 1920-е гг.**

(к 100-летию новой экономической политики)

В 2021 г. исполняется ровно сто лет со дня важнейшего события в экономической жизни белорусских земель первой половины XX века — провозглашения перехода от политики «военного коммунизма» к НЭП, ознаменовавшему разрешение, пусть и частичное, на создание частновладельческих и кооперативных форм хозяйствования в таких областях экономики, как сельское хозяйство, промышленность, торговля и др.

НЭП как новый вектор развития народного хозяйства страны был провозглашен на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. Основными причинами отказа от предшествовавшей ему политики «военного коммунизма» были тяжелое экономическое положение страны, сложившееся после революции, Первой мировой и гражданской войн, поразившее в первую очередь промышленность и горнодобывающую отрасль, нарастающие политические и экономические разногласия в руководстве страны, а также недовольство значительной части крестьян аграрной политикой советской власти и, в первую очередь, практикой проведения продразверсток. В ряде регионов РСФСР это недовольство вылилось в серию крестьянских восстаний и бунтов. К 1921 г. стало окончательно понятно, что вывести страну из кризиса, следуя прежним курсом, невозможно [16, с. 198].

Развертывание новой экономической политики в Беларуси имело ряд особенностей. Во-первых, регион был опустошен боевыми действиями, проходившими на его территории во время Первой мировой и польско-советской войн. Во-вторых, белорусские земли не представляли собой единого целого в административно-территориальном плане: западная Беларусь была занята Польшей, Витебская и Гомельская губернии входили в состав РСФСР, провозглашенная в 1920 г. Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ) объединяла, таким образом, территорию только лишь 6 уездов бывшей Минской губернии. Все это приводило к тому, что в разных частях Беларуси внедрение нововведений НЭП протекало неравномерно и с некоторыми региональными различиями.

К столетию новой экономической политики Национальным архивом Республики Беларусь запланирован выпуск мультимедийного сборника документов в нескольких частях под рабочим названием «Новая экономическая политика в Беларуси: документы и материалы (к 100-летию НЭП)». Первый

из запланированных дисков серии будет посвящен реализации новой экономической политики в сфере сельского хозяйства.

Именно в области сельского хозяйства мероприятия, связанные с проведением новой экономической политики, были наиболее выраженными и полными. Так, первым решением советских властей в рамках НЭП стала замена с 1921 г. продразверстки продналогом, размер которого доводился до крестьян перед началом посевной кампании. Размер продналога был первоначально установлен на уровне примерно 20% от чистого продукта крестьянского труда, причем впоследствии его намечалось снизить до 10% урожая. С 1 января 1924 г. продналог был заменен единым сельхозналогом, исчисляемым в денежной форме в размере 5% дохода с одного двора [16, с. 199]. Следует заметить, что хоть в среднем размер продналога был меньше продразверстки, на территории Беларуси порой наблюдалось обратное, особенно в 1921 г., в первый год сбора продналога, когда план сбора продналога, принятый для ССРБ, практически вдвое превосходил размеры продразверстки [2, с. 16].

При этом размер продналога не был одинаков для разных категорий крестьян. В то время как бедняки и середняки получали льготы по продналогу, зажиточные крестьяне облагались налогом по повышенным ставкам. Таким образом, с одной стороны, крестьянам была предоставлена возможность улучшать благосостояние, но, с другой стороны, у них не было стимула слишком разворачивать свое хозяйство.

В ходе кампании по землеупорядочению сельскохозяйственных угодий производилась отрезка земли у семей, имевших наделы, размеры которых превышали установленный законами предел. Одновременно осуществлялось наделение земель малоземельных крестьян. Все это привело к увеличению доли крестьян-середняков.

Вторым мероприятием на селе в ходе реализации новой экономической политики стало предоставление крестьянам свободы в выборе форм землепользования. Так, основным закон ССРБ от 2 августа 1927 г. «О трудовом землепользовании» предусматривал три способа землепользования:

подворно-участковый (индивидуальное пользование землей с череполосным, отрубным или хуторским участком);

товарищеский (совместное пользование земельными угодьями членами сельскохозяйственной артели, коммуны или товарищества по совместной обработке земли);

смешанный (с разными формами пользования по разным видам угодий) [10, л. 316]. При этом государством стимулировались и поощрялись в первую очередь коллективные и кооперативные формы землепользования, роль которых в расширяемый период времени была не слишком весомой.

Еще одним новшеством стало разрешение аренды земли и найма рабочей силы крестьянскими хозяйствами, введенное с определенными огра-

ничениями. Так, применение наемного труда допускалось только при условии, если хозяйство не в состоянии было самостоятельно выполнить необходимые сельхозработы. При этом все трудоспособные члены хозяйства были обязаны работать наравне с наемными работниками [10, л. 318 об.].

Крестьянские хозяйства имели право сдавать в аренду всю или часть своей земли, но только при условии, что оно ослаблено стихийным бедствием или убылью рабочей силы (смерть или отход из хозяйства его членов), на срок не более одного севооборота, с возможностью продления с разрешения волостного исполкома на срок не свыше 2-кратного севооборота. В свою очередь арендатор не имел права брать количество земли большее, чем он в состоянии обработать самостоятельно вместе со своим собственным наделом [10, л. 318].

Вопросам осуществления новой экономической политики в сфере сельского хозяйства Беларуси посвящено большое количество научных работ. В первую очередь обращают на себя внимание монографии М. А. Беспалой «Беларуская вёска ў першыя гады НЭПа (1921—1923 гг.)» [1] и «Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921—1927)» [2]. В своих работах автор всесторонне и весьма подробно разбирает изменения, произошедшие в период осуществления НЭП в сельском хозяйстве, при этом довольно критично оценивая ход реализации НЭП в белорусской деревне, указывая на многочисленные перегибы на местах при ее проведении, а также на сопутствующие ей меры принуждения к некоторым категориям крестьян.

Также большое внимание введению НЭП на селе уделяется в работе С. Н. Ходина «Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921—1939)» [15]. Этой теме, в частности, посвящен раздел 2 монографии «Дынаміка і формы савецкай мадэрнізацыі беларускай вёскі». Автор дает развернутую оценку происходившим процессам в жизни белорусских крестьян в контексте дальнейшего перехода к сплошной коллективизации, справедливо отмечая как сильные, так и слабые стороны новой экономической политики.

Некоторые аспекты новой экономической политики в сельском хозяйстве Беларуси освещены в коллективной монографии Академии наук БССР «Развитие экономики Белоруссии в 1921—1927 гг.» [14] и в сборниках документов «Восстановление народного хозяйства Белорусской ССР (1921—1925 гг.)» [4] и «Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР (1917—1927 гг.)» [6].

Налоговой политике государства в отношении крестьян в годы НЭП посвящена статья С. В. Вайтовича «Источники по налогообложению крестьянских хозяйств БССР в 1920-х гг.» [3]. Автор рассматривает не только существовавшие в тот период виды сельскохозяйственных налогов, но и те налоги, которыми могли облагаться крестьянские хозяйства в связи с осу-

ществованием ими вспомогательных видов хозяйственной деятельности (ремесленные промыслы, торговля и т. д.). При этом автор делает основной акцент на налогах, взимавшихся в денежной форме, практически не затрагивая существовавшие в первые годы НЭП натуральные налоги и повинности (продналог, трудгужналог и т. д.). Также в статье дается характеристика основным видам статистических материалов в области налогообложения сельского населения. Тема новой экономической политики в сельском хозяйстве Беларуси освещается также в работах таких авторов, как В. Г. Гусаков [5], Д. В. Перевозчиков [12], Т. О. Пугач [13] и др.

В фондах Национального архива Республики Беларусь материалы, касающиеся положения и развития сельского хозяйства республики в период проведения новой экономической политики, рассредоточены по фондам различных учреждений. В первую очередь это высшие партийные и советские органы власти (ЦК КП(б)Б, ЦИК БССР, СНК БССР), органы управления экономикой (Госплан БССР, Экономическое совещание (ЭКОСО) при СНК БССР) и отраслевые ведомства и объединения (наркоматы земледелия и продовольствия, Белорусский центральный союз сельскохозяйственных и кредитных кооперативов (Белсельсоюз) и др.). Ниже приведен краткий анализ основных типов и видов документальных материалов, содержащих информацию по данной теме.

В первую очередь следует сказать о фонде высшего партийного органа БССР — Центрального Комитета КП(б)Б (ф. 4п) (до 1924 г. — Белорусское бюро РКП(б)). Будучи одним из крупнейших фондов архива, он тематически охватывает широчайший спектр вопросов политики, экономики и социальной сферы, в том числе сельского хозяйства. Материалы этого фонда имеют исключительную важность для изучения настоящего вопроса, так как именно партия задавала основные векторы развития страны в рассматриваемый период. Основными видами документов, затрагивающих вопросы НЭП, следует признать стенограммы, протоколы и резолюции партийных съездов, протоколы заседаний ЦК КП(б)Б, его президиума, бюро и секретариата, постановления, циркуляры и инструкции ЦК, переписка с ЦК РКП(б) и ВКП(б), ЦИК, Наркомземом БССР и иными ведомствами, отчеты уездных и окружных комитетов КП(б)Б и т. д.

Важнейшими фондами по данной проблематике являются фонды ЦИК (ф. 6) и СНК БССР (ф. 7), как высших органов власти республики. В фондах данных учреждений отложились не только законодательные акты (законы, декреты и др.) и распорядительная документация, регламентирующая проведение мероприятий НЭП в сельском хозяйстве, но и переписка с вышестоящими (союзными) и нижестоящими органами власти (докладные записки, отчеты, циркуляры и т. п.), отражающие ход их исполнения, а также возникающие при этом недочеты и перегибы на местах.

Также важным источником по экономическому развитию БССР в целом и ее сельского хозяйства в частности следует признать фонд Экономического совещания при СНК БССР (ф. 18). ЭКОСО являлось органом, координирующим работу всех учреждений, отвечающих за управление различными отраслями экономики республики: ВСНХ, Госплана, наркоматов финансов, земледелия и др. Соответственно в его фонде отложилось много материалов по всем сферам народного хозяйства, включая сельское хозяйство. Среди них протоколы заседаний ЭКОСО, его постановления и распоряжения, а также постановления и распоряжения вышестоящих органов власти. Также в фонде имеются проекты законов, постановлений и распоряжений, разработавшихся ЭКОСО для дальнейшего утверждения ЦИК и СНК БССР. Рассматривая данные проекты, некоторые из которых сохранились в нескольких редакциях, можно проследить изменения, вносившиеся в ходе работы над ними и обсуждения их в различных инстанциях.

В фонде Государственной плановой комиссии БССР (ф. 31) в первую очередь обращают на себя внимание материалы сельскохозяйственной секции Госплана. Несмотря на то что большая часть вопросов, рассматривавшихся на заседаниях секции, касается работы совхозов и общей стратегии развития сельского хозяйства, некоторые из пунктов повестки дня, так или иначе, касаются внедрения НЭП на селе. Так, одно из дел фонда целиком сформировано из документов по вопросу изменения системы взимания единого сельскохозяйственного налога на 1925/26 гг. [8].

Из отраслевых органов власти в первую очередь обращает на себя внимание Наркомат земледелия БССР (ф. 48). Материалы его фонда охватывают широкий спектр вопросов сельского хозяйства: землеустройство, кооперация, сбор единого продуктового и иных натуральных налогов, сдача в аренду сельскохозяйственных угодий, снабжение республики и отдельных ее регионов семенами, удобрениями, сельскохозяйственными машинами и орудиями, организация прокатных пунктов. Разнообразны также виды документов, содержащихся в фонде: приказы и циркуляры Наркомзема БССР и его управлений, приказы, постановления и распоряжения вышестоящих органов власти, протоколы заседаний коллегии наркомата, комиссий при нем, а также отраслевых съездов и совещаний, переписка с местными (районными, уездными, окружными и т. д.) земельными органами. Особый интерес представляют материалы Комиссии по рассмотрению арендных договоров учреждений при наркомате земледелия БССР, сосредоточенные в отдельной описи № 6 вышеупомянутого фонда. По его материалам возможно проследить, кому, в каком порядке и на каких условиях сдавались в аренду земельные и иные угодья.

Говоря об одном из первых нововведений НЭП, которым являлся единый продналог, нельзя обойти вниманием фонд Народного комиссариата продовольствия БССР (ф. 43) — учреждения, непосредственно отвечавшего

за его сбор. В нем отложились такие источники по истории вопроса, как план проведения кампании взимания единого натурального налога на 1922 г. [9, л. 18—19], переписка с вышестоящими инстанциями (ЦИК и СНК БССР, ЭКОСО БССР, Наркомпрод РСФСР и СССР) о ходе продналоговой кампании, размерах продналога и о льготах по нему, протоколы заседаний троек по установлению урожайности, одного из факторов, влиявших на размер продналога для каждого конкретного хозяйства, переписка с местными заготовительными органами о ходе сбора продналога и о привлечении к ответственности лиц, уклоняющихся от его уплаты.

Несмотря на то что в годы НЭП была провозглашена свобода выбора форм землепользования, приоритет государство отдавало развитию различных форм сельскохозяйственной кооперации — коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли и т. д. Направлять и координировать работу в этом направлении был призван Белсельсоюз, созданный в октябре 1919 г. орган с правлением в г. Минске. Основными задачами союза были провозглашены: организация переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства, снабжение членов союза сельскохозяйственными машинами и орудиями, содействие развитию производительной кооперации путем организации сельскохозяйственных товариществ на местах. В связи с этим изучение вопроса развития сельскохозяйственной кооперации в годы НЭП не будет всесторонним без рассмотрения фонда данного учреждения (ф. 334). Фонд содержит такие материалы, как постановления, приказы и резолюции вышестоящих союзных и республиканских органов власти, циркуляры Белсельсоюза, протоколы заседаний правления, а также съездов и совещаний представителей сельхозкооперации, планы развития сельхозкооперации в БССР, переписка по разным вопросам с Наркомземом БССР, Белорусским центральным союзом потребительских обществ (Центробелсоюзом) и сельскохозяйственными кооперативами, доклады инспекторов союза о результатах обследования сельскохозяйственных товариществ, документы об организации новых сельхозкооперативов и о вступлении их в союз, материалы о работе окружных и районных союзов сельскохозяйственной кооперации.

Остановимся теперь на некоторых ключевых документах, важных для понимания процессов введения новой экономической политики в сельском хозяйстве Беларуси.

Одним из основополагающих документов в этой области является Основной закон ССРБ «О трудовом землепользовании» [10, л. 316—318]. Закон определял правила и условия трудового землепользования, а также основания для отчуждения земельных наделов, провозглашал свободу выбора форм землепользования, регламентировал порядок аренды земли и найма рабочей силы, устанавливал порядок решения земельных споров. В то же время закон запрещал куплю, продажу, отдачу в залог или дарение земли. Таким образом, закон регламентировал не только порядок пользования земельными

угодьями, но и значительную долю общественно-правовых взаимоотношений крестьян в рассматриваемый период времени.

Важным документом, регулирующим сферу землепользования, являются правила «О порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» [7, л. 26—28 об.]. Правила дают определение государственных земельных имуществ, определяют основные принципы управления ими и сдачи их в аренду. Согласно ним в БССР создавался государственный свободный земельный запас, который разрешалось использовать для следующих целей:

для наделения безземельных и малоземельных граждан в трудовое пользование;

для организации новых совхозов и доходных статей (земельных угодий, предназначенных для сдачи в аренду);

для целей переселения и расселения;

для сдачи концессионным порядком;

для отвода ведомствам и учреждениям участков специального назначения;

для извлечения доходов по билетам на право побочного пользования (выпас и прогон скота, сбор гальки, песка и т. д.) [7, л. 28—28 об.].

С целью стимулирования развития в республике коллективных форм землепользования было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г. [11, л. 193—195], которое регламентировало порядок создания, деятельности, слияния и ликвидации кооперативных объединений, сельскохозяйственные кооперативы получили право создавать районные, губернские и иные союзы и открывать отделения с целью лучшей организации своей деятельности. Постановление провозглашало как право свободного вступления в кооперативные объединения новых членов, так и выхода из них.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в фондах Национального архива Республики Беларусь содержится достаточно обширный материал по теме проведения новой экономической политики на белорусских землях, в том числе и в сельском хозяйстве. Он представлен широким спектром документов, описывающих различные аспекты НЭП в белорусской деревне. Материалы по настоящей теме рассредоточены по нескольким фондам архива и представляют собой важный источник по истории экономического развития Беларуси 1920-х годов.

Литература и источники

1. Бяспалая, М. А. Беларуская вёска ў першыя гады НЭПа (1921—1923 гг.) / М. А. Бяспалая. — Мінск: Беларускі ўніверсітэт культуры, 1999. — 253 с.
2. Бяспалая, М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921—1927) / М. А. Бяспалая. — Мінск: БДУКіМ, 2009. — 324 с.

3. Вайтович, С. В. Источники по налогообложению крестьянских хозяйств БССР в 1920-х гг. / С. В. Войтович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2015. — Вып. 16. — С. 125—132.
4. Восстановление народного хозяйства Белорусской ССР (1921—1925 гг.): сб. документов и материалов / Гл. арх. упр. при СМ БССР [и др.]. — Минск: Беларусь, 1980. — 270 с.
5. Гусаков, В. Г. НЭП: необходимость, проблемы, решения, противоречия / В. Г. Гусаков. — Минск: БелНИИЭИ АПК, 1999. — 167 с.
6. Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР (1917—1927 гг.): сб. документов и материалов / Гл. арх. упр. при СМ БССР [и др.]. — Минск: Наука и техника, 1980. — 320 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 7. Оп. 1. Д. 41.
8. Там же. — Ф. 31. Оп. 1. Д. 81.
9. Там же. — Ф. 43. Оп. 1. Т. 2. Д. 477.
10. Там же. — Ф. 48. Оп. 1. Д. 327.
11. Там же — Ф. 334. Оп. 1. Д. 235.
12. Перевозчиков, Д. В. Белорусская Советская Социалистическая Республика в годы новой экономической политики / Д. В. Перевозчиков // Белорусская государственность: истоки, становление, развитие. IX—XXI вв. (к 100-летию провозглашения БССР): материалы II Республиканской научно-теоретической конференции, Минск, 21 декабря 2018 г. / редкол.: А. В. Касович (ответственный редактор) [и др.]. — Минск, 2019. — С. 130—133.
13. Пугач, Т. Налогообложение крестьянских хозяйств в первые годы новой экономической политики (по документам заготовительной конторы Минского района) / Т. Пугач // Архівы і справядства: навукова-практычны ілюстраваны часопіс / заснавальнік Дэпартамент па архівах і справядству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь. — 2019. — № 2. — С. 120—124.
14. Развитие экономики Белоруссии в 1921—1927 гг. / под ред.: Ф. С. Мартинкевича и В. И. Дрица. — Минск: Наука и техника, 1973. — 336 с.
15. Ходзін, С. М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921—1939) / С. М. Ходзін. — Мінск: БДУ, 2014. — 240 с.
16. Экономическая история Беларуси: учеб. пособие: 5-е изд. / В. И. Голубович [и др.]; под ред. проф. В. И. Голубовича. — Минск: Современная школа, 2007. — 392 с.

Арткул паступіў у рэдакцыю 01.07.2021

Л. Ч. Дрожжа,
*старший научный сотрудник
отдела автоматизации архивных технологий
Белорусского научно-исследовательского центра
электронной документации;
e-mail: l_drojja@tut.by*

В. И. Бричковский,
*старший научный сотрудник
отдела информационно-компьютерных технологий
Белорусского научно-исследовательского центра
электронной документации,
кандидат технических наук;
e-mail: viat_britch@tut.by*

Ю. Э. Прозорович,
*директор Белорусского научно-исследовательского центра
электронной документации;
e-mail: j.prazarovich@gmail.com*

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОГРАММНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Отличительной чертой сегодняшнего этапа развития информационного общества является представление информации не только в традиционной печатной, но и в цифровой форме, что позволяет более эффективно создавать, хранить, организовывать доступ и использовать информацию для конечных пользователей, проектировать современные сервисы для оказания электронных услуг.

В то же время гигантские объемы уже существующей информации, непрерывно продолжающийся рост ее количества, разнородный и разобценный по многим признакам характер методов хранения и распространения, отсутствие унифицированного доступа к ней создают существенные и все возрастающие проблемы ее эффективного использования.

В настоящее время в государственных архивных учреждениях Республики Беларусь накоплены значительные объемы документальных ресурсов в электронном виде. Используемые технологии организации хранения, поиска и доступа к цифровым копиям и описаниям архивных документов не позволяют в полной мере реализовать потенциал современных программно-технических решений, необходимость ее последующего хранения и эффективного распространения. Цифровыми объектами могут быть как документы, изначально созданные в электронном виде, так и цифровые копии документов, полученные в результате оцифровки бумажных и иных аналоговых носителей информации.

Период 2010—2020 гг. характеризовался цифровой трансформацией в различных отраслях мировой экономики и научно-информационной деятельности, сопровождавшейся значительным ростом общемирового объема и интенсивности обмена данных, дальнейшим развитием технологий в сфере программного обеспечения.

В рамках 7-й Рамочной программы Европейского Союза финансировался целый ряд крупномасштабных проектов, которые были направлены на проведение научных исследований и разработку стратегий, технологий, стандартов и практических рекомендаций по сохранению цифрового наследия из широкого спектра прикладных областей (APARSEN, ARCOMEM, BlogForever, DPE — Digital Preservation Europe, CASPAR, ENSURE, KEEP, LiWA, PLANETS, PrestoPRIME, PROTAGE, SHAMAN, SCAPE, TIMBUS, Wf4Ever и др.).

В результате реализации этих проектов создана технологическая база для осуществления общеевропейских и национальных стратегий сохранения цифровых информационных ресурсов. Ряд технологий и сервисов уже опубликован на отдельных интернет-ресурсах.

Так, Европейской комиссией в 2006 г. были приняты к реализации четыре проекта по сохранению цифрового наследия [3]:

DPE (Digital Preservation Europe) — проект, направленный на развитие координации, сотрудничества и согласование деятельности по сохранению цифровых ресурсов в Европе;

CASPAR (Cultural, Artistic and Scientific Knowledge Preservation, for Access and Retrieval) — проект, направленный на разработку новых технологий сохранения цифровых ресурсов по культуре, искусству и науке;

PLANETS (Preservation and Long-term Access to our Cultural and Scientific Heritage) — проект, направленный на разработку комплексных технологий для управления процессами сохранения цифровой информации, ориентированной на потребности организаций, главной функцией которых является сохранение социальной и культурной информации [4];

PRESTOSPACE (Preservation towards storage and access. Standardised Practices for Audiovisual Contents in Europe) — продолжение проекта PRESTO, законченного в 2002 г., сохранение аудиовизуального наследия: теле-, радиоархивов, музеев, библиотек.

В 2009 г. в рамках 7-й Рамочной программы ЕС была начата реализация еще пяти крупномасштабных проектов [3]:

PROTAGE (Preservation Organizations Using Tools in Agent Environments) — проект, направленный на сохранение цифровой информации с использованием агентов. В рамках проекта PROTAGE разработаны и протестированы программы-агенты, которые обеспечат долговременное сохранение цифровой информации и доступ к ней. Агенты могут быть интегрированы в

существующие и разрабатываемые программные средства для сохранения цифровых ресурсов [5];

SHAMAN (Sustaining Heritage Access through Multivalent Archiving) — проект, который должен обеспечить устойчивый доступ к наследию путем мультивалентного архивирования. В его рамках разработаны и протестированы технологии долговременного (более 100 лет) сохранения цифровой информации нового поколения, в том числе средства анализа, загрузки, управления, доступа и повторного использования информационных объектов и данных распределенных хранилищ, библиотек и архивов;

KEEP (Keeping Emulators Portable) — проект, направленный на создание портативных эмуляторов. Охватывает проблемы преобразования цифровых объектов, хранящихся на устаревших компьютерных носителях, для использования в современных устройствах путем создания портативных эмуляторов для точных преобразований статических и динамических цифровых объектов;

PrestoPRIME (Keeping Audiovisual Content Alive) — проект, созданный для поддержки жизнеспособности аудиовизуального контента. Является продолжением проектов PRESTO и PRESTOSPACE и имеет целью обеспечение сохранения и долговременного доступа к аудиовизуальной информации путем интеграции медиаархивов с европейскими цифровыми библиотеками on-line;

LiWA (Living Web Archives). В рамках этого проекта разработаны и продемонстрированы технологии архивирования Интернета, которые охватят информационные ресурсы из самых разнообразных источников, улучшат процесс архивирования и сохранения аутентичности ресурсов и обеспечат возможности долговременной интерпретации контента.

Интернет-архив www.archive.org с 1995 г. собирает, сохраняет и предоставляет доступ к ресурсам Интернета по науке, культуре и образованию. В Германии создана экспертная библиотечная сеть NESTOR для разработки методик и рекомендаций по сохранению цифрового наследия и обучению работников библиотек. В Новой Зеландии создается Национальный архив цифровой информации.

В США Библиотекой Конгресса разработана и принята Программа сохранения цифрового наследия. Созданием корпоративных хранилищ цифровых материалов занимаются Литва, Чехия, Скандинавские страны, Австралия и многие другие страны мира.

Чаще всего функции сохранения цифрового наследия возлагаются на национальные библиотеки или национальные архивы с использованием эталонной модели архивной системы OAIS.

Все современные подходы и решения в области долговременного хранения цифровых документов базируются на понятиях и функциональных модулях в рамках эталонной модели архивной информационной системы,

сформулированной в стандарте ISO 14 721:2012 «Системы передачи данных и информации о космическом пространстве — Открытая архивная информационная система — Эталонная модель» (Space data and information transfer systems — Open archival information system (OAIS) — Reference model). Данный стандарт создан в развитие первой его редакции 2003 г. [6; 7].

Данный стандарт определяет эталонную модель открытой архивной информационной системы. Модель OAIS устанавливает терминологию и концепцию цифрового хранения, определяет ключевые компоненты и процессы, присущие большинству архивов, предлагает информационную модель описания цифровых объектов и соответствующих метаданных. Она включает полный диапазон архивных функций обработки информации, в том числе и подготовку информации к архивированию, архивирование информации, архивное сохранение, управление информацией, управление доступом и распространение. Она также описывает миграцию цифровой информации на новые носители и в новые форматы, модели данных, используемые для представления информации с помощью программного обеспечения, а также обмен цифровой информацией между архивами.

Архивная информационная система должна содержать модули, обеспечивающие выполнение следующих функций:

формирование из исходных файлов электронных документов источника комплектования так называемого сдаточного пакета, содержащего файлы документов и необходимый набор метаданных;

формирование так называемого архивного пакета, в том числе специальных метаданных архивного хранения, а также нормализацию форматов и группировку документов по форматам;

поддержание собственно процесса архивного хранения, включая обеспечение неизменности документов и, в случае необходимости, миграцию в более устойчивые во времени форматы;

формирование так называемого дистрибутивного пакета, содержащего информацию по запросам потребителей (для решения этой задачи в архивной системе предусматриваются инструменты поиска и извлечения информации).

В рамках модели OAIS используются наиболее часто используемые открытые стандарты метаданных: дублинское ядро — популярный формат метаданных ресурсов, применяемый как базовый для электронных документов; стандарт кодированного описания архива — EAD — XML-формат архивных справочников; стандарт кодирования и передачи метаданных — METS — XML-спецификация метаданных, необходимых для управления цифровыми документами в хранилище; иерархический формат упаковок файлов для хранения и передачи пакетов произвольного цифрового контента и, наконец, словарь метаданных для обеспечения долговременного архивного хранения электронных документов — PREMIS (он специально разработан

для описания событий/действий с документом в течение архивного хранения).

Вместе с тем модель OAIS не специфицирует способ конкретной аппаратно-программной реализации архива и не определяет физические устройства и системы хранения. Она является теоретической основой создания и функционирования любого цифрового архива.

Концептуальной структурой информации, необходимой для выполнения функций OAIS, является информационный пакет (контейнер).

Есть несколько типов информационных пакетов, которые используются в архивных процессах. Эти пакеты могут быть использованы [6]:

для хранения цифровых объектов и соответствующих метаданных в OAIS (AIP — архивные информационные пакеты);

для передачи информации от производителя до OAIS (SIP — сдаточные информационные пакеты);

для передачи запрашиваемой информации между OAIS и потребителями (DIP — дистрибутивные информационные пакеты / пакеты распространения информации).

В основу практики цифрового сохранения документов положены принципы, опубликованные в 2008 г. в рамках одного из проектов международной исследовательской программы InterPARES (International Research on Permanent Authentic Records in Electronic Systems) / (Международные исследования о постоянстве подлинности документов в электронных системах) [8]:

1. Цифровой объект имеет фиксированную форму, если передаваемое им сообщение может быть отображено в том же внешнем представлении, какое оно имело на экране в момент первоначального сохранения. Поскольку одно и то же внешнее представление документа может быть получено на основе различных двоичных кодов, то фиксированная форма не предполагает неизменности во времени потоков битов, составляющих форму внутреннего представления документа. Другими словами, можно изменить способ, которым документ зафиксирован в компьютерном файле, не изменяя при этом сам документ. Например, если электронный объект, созданный первоначально в виде файла Word, позднее сохраняется в виде pdf-файла, то его отображение на экране, его форма внешнего представления не меняются. Поэтому можно сказать, что данный объект имеет фиксированную форму.

2. Преобразование документа в целях его сохранения рассматривается как аутентичная копия документа, потому что она никогда не использовалась в такой форме в деятельности самого создателя. Изначальные документы и их аутентичные копии, созданные в целях хранения, предлагается считать теми же самыми документами, но в разных фазах их жизненного цикла [9].

DPSP (Digital Preservation Software Platform) — комплекс программных средств для обеспечения сохранения цифровых объектов путем преоб-

разования запатентованных форматов файлов в форматы файлов, основанных на открытых стандартах.

DPSP состоит из следующих приложений [10]:

Xena — преобразует запатентованные форматы файлов цифровых объектов в форматы файлов, основанных на открытых стандартах;

Manifest Maker — создает список файлов цифровых объектов с указанием контрольной суммы, пути и имени файла;

Digital Preservation Recorder (DPR) — обеспечивает сохранение файлов цифровых объектов через автоматизированные рабочие процессы:

перемещение файлов цифровых объектов из карантина на хранение в цифровой архив;

преобразование файлов цифровых объектов в формат сохранения, используя Xena;

хранение каждого оригинала цифрового объекта и его нормализованной версии в цифровом архиве;

доступ к записям, хранящимся в цифровом архиве;

аудит информации о каждой передаче;

выдачу отчетов по пользователям, перемещениям и цифровым объектам, хранящимся в цифровом архиве.

Checksum Checker — является частью программного обеспечения, которое используется для контроля содержания цифрового архива, предотвращения потери или искажения данных.

Процесс цифрового сохранения включает четыре шага [10]:

1. Манифест — создается список всех файлов цифровых объектов, которые должны быть сохранены.

2. Карантин — цифровые объекты проверяются на наличие вирусов и целостность.

3. Сохранение — цифровые объекты преобразуются в форматы сохраняемых файлов.

4. Хранение — файлы цифровых объектов сохраняются (записываются) в цифровой архив.

Кроме того, DPSP собирает данные об основных элементах цифровых объектов, позволяет извлекать цифровые объекты из цифрового архива в любое время, постоянно проверяет целостность объектов в цифровом архиве.

PLANETS (Preservation and Long-term Access to our Cultural and Scientific Heritage / Сохранение и долговременный доступ к нашему культурному и научному наследию) — проект, направленный на разработку комплексных технологий для управления процессами сохранения цифровой информации, ориентированной на потребности организаций, главной функцией которых является сохранение социальной и культурной информации (финансирование от Комиссии Европейского Сообщества — 8 млн 600 тыс. евро) [4].

В результате реализации этого и ряда аналогичных проектов создается технологическая база для осуществления общеевропейских и национальных стратегий сохранения цифровых информационных ресурсов. Ряд общедоступных технологий и сервисов уже опубликован на отдельных интернет-ресурсах.

Архивными службами разных стран накоплен уже значительный (и во многом поучительный) опыт организации архивного хранения и использования коллекций цифровых копий и описаний архивных документов. Для этого или специально разрабатывается соответствующая информационная система, или используется тиражируемое, «коробочное» решение.

Национальный архив Австралии сам разрабатывает и поддерживает свои системы, и так же поступают региональные архивы штатов Виктория и Новый Южный Уэльс. Электронный архив штата Виктория, по оценке специалистов, представляет собой дольше всего работающий в штатном режиме и, вероятно, наиболее глубоко концептуально проработанный проект [10].

В Польше информационная система электронного архива также создается без использования готовых решений, силами исключительно польского IT-сектора. Реализуемая в настоящее время система предполагает трехступенчатое взаимодействие архива с организациями: сначала в архив по каналам связи пересылаются описи и другие сопроводительные документы, затем значения контрольных характеристик файлов и лишь затем сами электронные документы — также по каналам связи либо на съемных носителях [11].

Проект федерального правительства США по созданию Архива электронных документов (ERA) при Национальном архиве является самым масштабным из всех существующих. Первоначально планировалось создать систему, способную решать все возможные задачи — начиная от электронного согласования сроков хранения и автоматизации процесса сдачи электронных документов и заканчивая постоянным хранением (с проведением по мере необходимости миграции) документов всех ветвей власти и предоставлением оперативного доступа к этим документам федеральным органам власти, организациям и гражданам. Однако сроки реализации проекта сильно затянулись: этапы создания и развертывания системы длились с 2005 по 2011 г., стоимость оказалась огромной даже по меркам такой богатой страны, как США. За указанный срок было истрчено 383 млн долларов, после чего дальнейшая разработка проекта силами компании Локхид Мартин была прекращена, и 30 сентября 2011 г. был заключен контракт с фирмой ИВМ на поддержку эксплуатации и техническое обслуживание системы в течение 10 лет, на сумму в 240 млн долларов [12].

За это время успели смениться два поколения компьютерных технологий, появились новые концепции, на которые проект изначально рассчитан не был. Когда в 2010 г. наступил предписанный законом срок приема на хране-

ние президентских документов администрации Дж. Буша-младшего, пришлось в срочном порядке задействовать резервный вариант и дополнительно закупать коробочную систему. Но поскольку развертывание и этой системы запаздывало, архивистам пришлось погрузить в грузовик, перевезти в архив и больше года поддерживать сервера с унаследованными системами, обеспечивавшими оперативное хранение документов в администрации. Показательно, что эти аварийные меры оказались на порядок дешевле стоимости основного проекта.

Проект создания электронного архива штата Вашингтон оказался гораздо более экономичным: его первоначальная реализация обошлась штату в 4 млн долларов и 2 млн долларов затрачивается ежегодно на поддержание его деятельности. Первичное развертывание заняло менее года, во многом благодаря использованию коробочных продуктов компании Microsoft [12].

Целый ряд архивов использует систему SDB (Safety Deposit Box / Сейф) компании Tessella [13]. SDB представляет собой готовое (коробочное) решение для цифрового архивного хранилища, полностью соответствующее эталонной модели OAIS. Этот продукт в настоящее время используется или внедряется национальными архивами Великобритании, Швейцарии, Дании, Нидерландов, Малайзии, Австрии, Венгрии, Финляндии, Британской библиотекой. Стоимость собственно программного продукта SDB Tessella — порядка 600—900 тыс. долларов, без учета дорогостоящих систем хранения и обработки, а также технической поддержки.

При этом хранилище SDB не содержит средств, автоматизирующих взаимодействие архива с источниками комплектования, включая и формирование сдаточного пакета SIP. Для этого требуется приобретение или разработка собственными силами отдельного продукта. В ряде случаев для этого используется программный комплекс scoreArchiv — немецкоязычный швейцарский продукт, предназначенный для управления архивными документами [14].

В Эстонии для подготовки цифровых документов, извлеченных из систем электронного документооборота, и передачи их в хранилище на базе SDB Tessella был разработан модуль UAM (Universal archiving module — универсальный модуль архивирования). Он позволяет автоматизировать некоторые рутинные и ресурсоемкие процессы [15]:

составление иерархии архивного описания и ее повторное использование;

импорт данных из СЭД для архивной обработки;

использование импортируемых данных для построения иерархии описания вручную и автоматически;

обработка уровней и иерархии описания;

автоматизация сбора метаданных (например, метаданных о файлах);

автоматическая проверка наличия обязательных метаданных;

автоматическое формирование различных отчетов (например, описи, проверка имеющихся файлов);

проверка форматов файлов;

создание документных контейнеров SIP.

Конечная стоимость создания электронного архива в рамках Национального архива Эстонии составила 2,2 млн евро, из них 500 тыс. — на аппаратное обеспечение, 1,2 млн — на основное программное обеспечение и 500 тыс. — на средства доступа [15].

Национальный архив Дании в дополнение к пакету SDB Tessella разработал программный продукт SABA — инструмент с функциями, аналогичными эстонскому модулю UAM. Он может быть использован как архивистами, так и фондообразователями для проведения экспертизы и отбора файлов документов и создания копии отобранных файлов для передачи в архив, где с ними будут выполняться дополнительные работы по каталогизации и миграции / обеспечению долговременной сохранности [16; 17].

На платформе SDB Tessella основана также облачная технология Preservica, появившаяся в 2012 г. По заверениям производителя, это — пока единственное облачное решение на рынке. Preservica предлагает легкую загрузку и доступ к цифровым объектам через интернет-браузер, а также предоставляет самые современные инструменты цифровой сохранности, позволяющие обеспечить доступ к важнейшим знаниям в долговременной перспективе. Preservica в настоящее время используется в ряде американских библиотек и архивов, таких как музей и библиотека Хегли, колледж Колби-Сойер, департамент архивов и библиотек штата Кентукки, архив штата Мичиган [13; 18].

Preservica имеет встроенную систему «Active Preservation» (активное сохранение). Она использует самые лучшие доступные на сегодня инструменты для преобразования файлов в читаемые форматы и осуществляет это автоматизированным и контролируемым способом, позволяющим сохранять не только внешний вид цифрового объекта, но и все его характеристики. Информация пользователей содержится под защитой в высоконадежном центре данных на избранной территории. Географически сервис Preservica размещен на Amazon Web Services, крупнейшем поставщике облачных технологий в мире (Восточный регион США). В ближайшем будущем планируется запустить площадки, размещенные в Европейском союзе согласно Правилам по защите данных ЕС.

Система не требует установки и настройки программного обеспечения на местном уровне и не требует услуг системного администратора, что должно обеспечивать значительную экономию средств по сравнению с другими инструментами. Однако стоимость пользования облачным сервисом довольно высока: для небольших организаций она начинается примерно с 20 тыс. долларов в год.

Доминирующим подходом в рамках активного сохранения является миграция — набор организованных задач, направленных на достижение периодической передачи цифровых материалов из одной аппаратной / программной конфигурации к другой или от одного поколения компьютерных технологий для последующего поколения, включая и преобразование (конвертацию) форматов данных.

В Российской Федерации в целях автоматизации деятельности организаций системы Федерального архивного агентства разработана ведомственная Единая Автоматизированная Информационная система (ЕАИС) по учету документов Архивного фонда Российской Федерации. ЕАИС состоит из трех самостоятельных программных комплексов [19]:

программный комплекс «Архивный фонд» предназначен для использования непосредственно в государственных архивных учреждениях;

программный комплекс «Фондовый каталог» предназначен для использования отделами (управлениями, агентствами) по делам архивов регионального уровня;

программный комплекс «Центральный фондовый каталог» предназначен для использования непосредственно в Федеральном архивном агентстве.

Ведомственный программный комплекс «Архивный фонд» используется в 14 федеральных и в большинстве региональных архивов. Помимо данного программного комплекса используются и другие автоматизированные системы государственного учета документов, предназначенные в основном для обслуживания читальных залов.

В качестве заключения вышеизложенного материала можно констатировать следующее. В рамках выполнения НИР в 2021 г. коллективом сотрудников БелНИЦЭД [2] были проведены исследования возможностей применения современных программных средств с открытым исходным кодом для организации долговременного хранения и использования цифровой информации и сделаны следующие выводы:

1. Все рассмотренные программные продукты работоспособны, их функциональность в целом отвечает требованиям, заявленным разработчиками.

2. Инструменты и сервисы для выполнения планирования сохранности и действий по сохранению цифровых объектов, а также предоставляемая ими информация практически в полном объеме могут быть использованы как архивными организациями, обеспечивающими сохранность цифровых объектов, так и организациями — разработчиками цифровых архивов.

3. Продукты Preservica, Planets и DPSP содержат много интересных решений, которые могут быть использованы в собственных разработках для нужд белорусских архивов. Достоинством таких решений является то, что они базируются на сервис-ориентированной архитектуре (SOA), используют API-интерфейсы, распространяются как в виде дистрибутивных пакетов (исходного кода), так и в виде кросс-платформенных виртуальных машин.

Все они могут быть доработаны, адаптированы и использованы в качестве собственного готового продукта.

Разработка и последующее внедрение опытного образца ИР будет способствовать рациональному использованию ресурсов архивных учреждений при внедрении современных информационных технологий для хранения и использования коллекций цифровых копий и описаний архивных документов; их эффективной интеграции с действующими архивными информационными системами; популяризации ресурсов государственных архивов среди исследователей и широкого круга общественности; совершенствованию системы предоставления информационных услуг и упрощению процедур доступа потенциальных пользователей к коллекциям цифровых копий и описаний архивных документов и т. д.

Источники и литература

1. Исследование возможностей применения современных архивных технологий для организации одновременного хранения цифровой информации: отчет по НИР (закл.); рук. Ковтун В. В. — Минск: БелНИЦЭД. — 51 с. (№ госрегистрации 20130267).
2. Использование программных средств с открытым исходным кодом для организации хранения и использования коллекций цифровых копий и описаний архивных документов в государственных архивных учреждениях Республики Беларусь; рук. Бречковский В. В. — Минск: БелНИЦЭД. — 47 с. (№ госрегистрации 20210274).
3. Результаты исследований CORDIS EU [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cordis.europa.eu/>. — Дата доступа: 12.02.2021.
4. Planets-suite/ planets [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://planets-project.eu/>. — Дата доступа: 12.02.2021.
5. PROTAGE (Preservation Organizations Using Tools in Agent Environments) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.protage.eu>. — Дата доступа: 12.02.2021.
6. Reference Model for an Open Archival Information System (OAIS) / CCSDS [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://public.ccsds.org/publications/archive/650x0m2.pdf/>. — Дата доступа: 15.02.2021.
7. The OAIS Reference Model — / Digital Preservation Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.digitalpreservationeurope.eu/preservation-training-materials/files/oais-reference-model.pdf>. — Дата доступа: 15.02.2021.
8. The Inter PARES Project (International Research on Permanent Authentic Records in Electronic Systems) [Электронная публикация]. — Режим доступа: <http://www.interpares.org/>. — Дата доступа: 15.02.2021.
9. Дуранти, Л. Европейские требования к управлению электронными документами и их практическое применение в международном проекте InterPARES / Доклад на VII Всероссийском конгрессе-практикуме «Эффективный документооборот в органах государственной власти и местного самоуправления». Москва, 15—17 апреля 2009 г. [Электронная публикация]. — Режим доступа: [http://www.interpares.org/display_file.cfm?doc=\(DURANTI\)infodocum_moscow.pdf](http://www.interpares.org/display_file.cfm?doc=(DURANTI)infodocum_moscow.pdf). — Дата доступа: 15.02.2021.
10. Храмовская, Н. А. Зарубежный опыт создания государственных электронных архивов // Документация в информационном обществе: международный опыт

- управления документами: докл. и сообщ. на XVII Междунар. науч.-практ. конф., 25—26 нояб. 2010 г., г. Москва / Росархив, ВНИИДАД. — М., 2011. — С. 120—128.
11. Носевич, В. Архивисты Европы в мире информационных технологий // Архивы і справаводства. — 2013. — № 4. — С. 98—112.
 12. Блог Н. Храмовской «Кто не идет вперед, тот идет назад» [Электронная публикация]. — Режим доступа: <http://rusrim.blogspot.com/2011/10/ibm.html>. — Дата доступа: 15.02.2021.
 13. Информацию о SDB / Tessella можно найти по адресу: <http://www.digital-preservation.com/solution/safety-deposit-box/sdb-key-features> (дата доступа: 15.02.2021).
 14. Информацию о scopeArchiv можно найти по адресу: <http://www.scope.ch/en/scopeArchiv/SystemArchitecture.aspx> (дата доступа: 18.02.2021).
 15. Блог Н. Храмовской «Кто не идет вперед, тот идет назад» [Электронная публикация]. — Режим доступа: http://rusrim.blogspot.com/2012/10/2012_22.html. — Дата доступа: 18.02.2021.
 16. SABA Copying Program / Practical E-Records [Электронная публикация]. — Режим доступа: <http://e-records.chrisprom.com/saba-copying-program/>. — Дата доступа: 15.02.2021.
 17. Strategy for archiving digital records at the Danish National Archives / [Электронная публикация]. — Режим доступа: http://www.sa.dk/media%284826,1033%29/Strategy_for_archiving_digital_records.pdf. — Дата доступа: 15.02.2021.
 18. Блог Н. Храмовской «Кто не идет вперед, тот идет назад» [Электронная публикация]. — Режим доступа: http://rusrim.blogspot.com/2012/09/i_10.html. — Дата доступа: 15.02.2021.
 19. Юмашева, Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991—2015 гг.): научные исследования в области применения информационных технологий / Ю. Ю. Юмашева. — М., 2016. — 355 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 12.05.2021

Л. Ч. Дрожжа,
старшы навуковы супрацоўнік
аддзела аўтаматызацыі архіўных тэхналогій
Беларускага навукова-даследчага цэнтра
электроннай дакументацыі;
e-mail: l_drojja@tut.by

Ю. Э. Празаровіч,
дырэктар Беларускага навукова-даследчага цэнтра
электроннай дакументацыі;
e-mail: ed@archives.gov.by

К. І. Мяцеліца,
навуковы супрацоўнік
аддзела інфармацыйна-камп'ютарных тэхналогій
Беларускага навукова-даследчага цэнтра
электроннай дакументацыі;
e-mail: miatselitsa.kiryl@gmail.com

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ АРХІЎНЫХ ДАКУМЕНТАЎ ПРАЗ ІНТЭРНЭТ-ВЫСТАЎКІ

На сучасным этапе ва ўмовах інтэнсіўнага развіцця інфармацыйнага грамадства актуальнай з'яўляецца праблема інавацыйных падыходаў пры рэалізацыі праектаў па стварэнні сістэмы адкрытага доступу да дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь (далей — САДД НАФ). На дадзены момант стаіць пытанне не толькі пра напаўненне НАФ дакументамі ў электронным выглядзе і лічбавымі копіямі папяровых дакументаў, але і рэалізацыю электроннага абмену інфармацыяй, і рэпрэзентацыю яго фондаў у Інтэрнэце сродкамі інфармацыйных тэхналогій.

На думку айчыннага даследчыка Ю. У. Несцяровіча, сярод дакументальна-інфармацыйных навук (далей — ДІН), з улікам існуючых сучасных інфармацыйных тэхналогій, назіраецца тэндэнцыя трансдысцыплінарнасці, звязаная з тэорыяй электроннага абмену інфармацыяй. Так, сама тэорыя распрацавана на стыку дакументалістыкі, дакументальнай інфарматыкі, архівазнаўства, кіравання данымі і ахоплівае вывучэнне апрацоўкі дакументаабароту, яго пераўтварэнне і ахову ў кантэксце ўзаемадзеяння з электронна-праграмным асяроддзем. Дысцыпліна «дакументальная інфарматыка» ў навуковым дыскурсе да сістэмы ДІН часцей абазначаецца як «дакументальная камунікацыя». Зыходзячы з навуказнаўчага аналізу і крытэрыяў характару праектаў дзейнасці, вывучаемых у ДІН, вышэйзгаданыя дысцыпліны магчыма ідэнтыфікаваць як «навукі аб дакументацыйнай і інфармацыйна-забяспечваючай дзейнасці» [1].

Неабходна адзначыць, што адным са сродкаў рэпрэзентацыі дакументаў НАФ (ад англ. дзеяслова *represent* — уяўляць, прадстаўляць) і праявай архіўнага менеджменту з'яўляецца інтэрнэт-выстаўка (віртуальная выстаўка)

архіўных дакументаў дзяржаўных архіўных устаноў краіны. Асноўнай мэтай дадзенай формы архіўнай выстаўкі з'яўляецца прыцягненне да карыстання САДД НАФ як мага большай колькасці прафесійных даследчыкаў, зацікаўленых аматараў, а таксама ўсталяванне сучасных форм зваротнай сувязі паміж дзяржаўнымі архівамі, зацікаўленымі спецыялістамі і шырокім колам грамадства.

Аktуальныя праблемы выкарыстання айчыннымі архіўнымі ўстановамі інтэрнэт-выставак для рэпрэзентацыі сваёй дзейнасці

У выніку праведзенай аўтарамі артыкула навукова-даследчай працы па згаданай тэматыцы магчыма адзначыць, што айчынныя архіўныя ўстановы на сённяшні дзень выкарыстоўваюць інтэрнэт-выстаўкі для рэпрэзентацыі сваёй дзейнасці і дакументаў НАФ не ў поўнай меры. Пра што красамойна сведчыць малая колькасць саміх віртуальных выставак. Гэта звязана з праблемамі як аб'ектыўнага (абмежаванасць бюджэту, адсутнасць неабходнай тэхнічнай базы і IT-спецыялістаў), так і суб'ектыўнага (фармальны падыход) характару. Пры стварэнні віртуальных выставак беларускія архівісты недастаткова ўлічваюць спецыфіку інтэрнэт-аўдыторыі і не выкарыстоўваюць сучасныя тэхнічныя рашэнні, якія маглі б надаць інтэрнэт-выстаўкам неабходную ў сучасных умовах дынаміку, відовішчнасць, інтэрактыўнасць і налагодзіць сувязі з патэнцыйнымі карыстальнікамі.

У дадзенай сітуацыі архіўным установам неабходна рухацца ў напрамку ўдасканалення працэсу стварэння і прадстаўлення віртуальных экспазіцый архіўных дакументаў, што ў сваю чаргу будзе садзейнічаць фарміраванню больш поўнай і аб'ектыўнай інфармацыйнай карціны, а таксама садзейнічаць павелічэнню цікавасці да нашай краіны за мяжой.

Магчыма сцвярджаць, што асноўнай аб'ектыўнай праблемай дзяржаўных архіўных устаноў з'яўляюцца цяжкасці, звязаныя з абмежаванымі фінансамі і тэхнічнай базай. Нягледзячы на тое, што ў апошнія гады віртуальныя выстаўкі выконваюць функцыю важных сродкаў папулярызавання архіўных дакументаў НАФ, на сённяшні дзень з 31 архіўнай установы ўласныя сайты маюць толькі 7 (4 рэспубліканскія архівы і 3 абласныя і занальныя). На кожным з якіх, аднак, прысутнічае асобны раздзел, прысвечаны інтэрнэт-выстаўкам.

Неабходна адзначыць, што нацыянальныя архіўныя ўстановы, якія маюць уласныя сайты, выкарыстоўваюць патэнцыял інтэрнэт-выставак не на пастаяннай аснове, а толькі для падрыхтоўкі серыйных тэматычных праектаў у гонар юбілейных падзей альбо дзяржаўных мерапрыемстваў.

Напрыклад, на сайце Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) размешчана 17 віртуальных выставак. Практычна ўсе яны, за выключэннем выстаўкі «Под знаком Красного Креста. К 95-летию образования Белорусского общества Красного Креста и Красного Полумесяца» [2], маюць прагмаву, якая спрыяе больш лёгкаму ўспрымання іх зместу. У выстаўцы

«95 лет со дня рождения Машерова Петра Мироновича» [3] прадстаўленыя архіўныя матэрыялы суправаджаюцца тлумачальнай інфармацыяй, якая спрыяе больш поўнаму раскрыццю тэмы. Усе электронныя копіі архіўных дакументаў сістэматызаваны ў храналагічным парадку.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) падрыхтаваў і размясціў на сваім сайце 28 віртуальных выставак, некаторыя з якіх складаюцца з некалькіх частак. Вялікую цікавасць выклікае выстаўка да 200-годдзя з дня нараджэння Яўстаха Тышкевіча [4] і інш. У межах гэтых праектаў прадстаўлены лічбавыя копіі архіўных дакументаў і тэматычныя каталогі выставачных матэрыялаў з указаннем загалова, даты і пошукавых даных (фонд, вопіс, справа, аркуш) дакумента. Выстаўкі прадстаўлены на сайце ў выглядзе вэб-галерэй (сродкі прэзентацыі фотадакументаў, якія дазваляюць бачыць адразу ўсе фотаздымкі, а не па адным, як у вэб-фотаальбомах), якія спрашчаюць прагляд як мініяцюр выяў (прэв'ю) дакументаў, так і іх павялічаных копіі.

На сайце Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва (БДАМЛІМ) прадстаўлена 13 віртуальных выставак, сярод якіх вылучаюцца выстаўкі да 90-годдзя з дня нараджэння Васіля Быкава «Па той бок рукапісу» [5], да 100-годдзя народнага паэта Беларусі Пімена Панчанкі «Адданы праўдзе жыцця» [6] і інш.

Частка архіваў размяшчае на сваіх сайтах выстаўкі ў выглядзе вэб-галерэй (НАРБ, БДАМЛІМ, Дзяржархіў Мінскай вобласці — выстаўка, прысвечаная 250-годдзю заснавання Губернатарскага парка ў Мінску), частка — у выглядзе фотаальбомаў (БДАКФФД — выстаўка ў гонар 90-годдзя У. Караткевіча), у адзінкавых выпадках можна сустрэць выстаўкі ў выглядзе скампанаваных у PDF-файл дакументаў. Да пэўных мінусаў можна аднесці і ігнараванне сучасных ІТ-тэхналогій, якія маглі б надаць інтэрнэт-выстаўкам неабходную ў сучасных умовах дынаміку, відовішчнасць, інтэрактыўнасць, наладзіць сувязі з патэнцыйнымі карыстальнікамі, а таксама забяспечыць рэпрэзентацыю выстаўкі ў рэжыме анлайн.

Неабходна адзначыць, што некаторыя абласныя і занальныя архівы, якія не маюць уласных сайтаў, размяшчаюць віртуальныя выстаўкі як на сайтах органаў выканаўчай улады, так і розных медыяпраектаў.

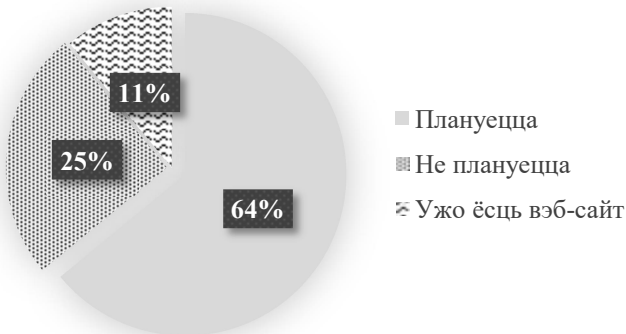
Па выніках маніторынгу, праведзенага калектывам аўтараў у межах навукова-даследчай работы, у адказе на пытанне анкеты аб прычынах, якія перашкаджаюць распрацоўцы сайта, архіўнымі ўстановамі былі адзначаны наступныя: немэтазгоднасць (26%), недахоп фінансавання (33%), адсутнасць спецыялістаў па распрацоўцы і суправаджэнні вэб-сайта (41%) (малюнак 1). Адсюль у сваю чаргу вынікаюць адзначаныя ў анкетах адмоўныя адказы на пытанне аб планах распрацоўкі ўласнага інтэрнэт-сайта архіва (малюнак 2).

У гэтых абставінах частка беларускіх архіўных устаноў знайшла выйсце ў размяшчэнні даведччай і іншай інфармацыі (у тым ліку і інтэрнэт-экспізіцыі) на сайтах мясцовых органаў выканаўчай улады. Такія старонкі маюць

13 абласных і занальных беларускіх архіваў. Іншым вырашэннем праблемы, якое не патрабуе сур'ёзных матэрыяльных выдаткаў, магло б стаць актыўнае выкарыстанне сацыяльных сетак, аднак уласныя старонкі на такога кшталту анлайн-платформах маюць толькі 6 нацыянальных архіўных устаноў (яны прысутнічаюць у Facebook і YouTube). Аднак у дадзеным выпадку можна гаварыць ужо не столькі пра аб'ектыўны, колькі пра суб'ектыўны фактар — агульны інэртнасць і фармалізм айчыннага архіўнага асяроддзя.

Малюнак 1. Прычыны, якія перашкаджаюць архіўным установам распрацаваць уласны вэб-сайт

Малюнак 2. Паны архіўных устаноў па распрацоўцы ўласных вэб-сайтаў

Пэўны фармалізм можна адзначыць і ў рэалізацыі праектаў віртуальных выставак тых архіўных устаноў, якія маюць адпаведныя магчымасці. Айчынныя інтэрнэт-экспазіцыі дакументаў НАФ значна саступаюць аналагічным архіўным праектам іншых краін у тэхнічным плане, што характарызуець

да не падыходзячым для анлайн-выставак дызайнам сайтаў са звужаным праглядавым полем, дробным шрыфтам, а таксама адсутнасцю інтэрактыўных інтэрфейс-сродкаў (навучальных праграм, праграм для анлайн-трансфармацыі фотадакументаў, магчымасці спампоўкі неабходнага дакумента ў тым ці іншым фармаце, лакальных пошукавых праграм) і г. д.

Тым не менш, ва ўмовах абмежаванай матэрыяльна-тэхнічнай базы гэта можна ўспрымаць як непазбежнасць (пры гэтым пра сур'ёзнае тэхнічнае адставанне можна гаварыць толькі ў параўнанні з сайтамі заходніх краін). На постсавецкай прасторы сайты айчынных архіўных устаноў выглядаюць аднымі з лепшых.

Куды больш складанай праблемай з'яўляецца нераспрацаванасць неабходнай для паспяховай рэалізацыі віртуальных праектаў па рэпрэзентацыі НАФ метадалагічнай базы, у выніку адсутнасці якой мы назіраем выкладанне ў сетцы Інтэрнэт лічбавых копіяў дакументаў, якія не суправаджаюцца даведачнымі тэкстамі, а часам нават і архіўнымі пошукавымі данымі.

Такім чынам, можна адзначыць, што айчынныя архіўныя ўстановы хача і выкарыстоўваюць інтэрнэт-выстаўкі для рэпрэзентацыі сваёй дзейнасці, але рэалізуюць гэтую магчымасць не ў поўнай меры.

Па-першае, далёка не ўсе яны маюць свае ўласныя сайты, што на сённяшні дзень непрымальна. Пры гэтым некаторыя архівы выходзяць з гэтага палажэння праз размяшчэнне віртуальных выставак на іншых інтэрнэт-пляцоўках (на сайтах як розных медыяпраектаў, так і органаў выканаўчай улады).

Па-другое, тыя архіўныя ўстановы, якія маюць уласныя сайты, выкарыстоўваюць патэнцыял інтэрнэт-выставак не на пастаяннай аснове. Акрамя таго, не ўсе архівы суправаджаюць матэрыялы выставак неабходнымі апісаннямі дакументаў і пошукавымі звесткамі. Частка архіваў размяшчае на сваіх сайтах выстаўкі ў выглядзе вэб-галерэй, частка — у выглядзе фотаальбомаў, у адзінкавых выпадках можна сустрэць выстаўкі ў выглядзе скампанаваных у PDF-файл дакументаў. Да пэўных мінусаў можна аднесці і недастатковае выкарыстанне ІТ-тэхналогій, якія маглі б надаць інтэрнэт-выстаўкам неабходную ў сучасных умовах інтэрактыўнасць, наладзіць зваротныя сувязі з патэнцыяльнымі карыстальнікамі і прамоўшэн самой віртуальнай выстаўкі ў сацыяльных сетках. У выніку чаго можна канстатаваць, што на сённяшні дзень у айчыннай архіўнай галіне не створана метадалагічная база для рэалізацыі праектаў інтэрнэт-выставак.

Актуальныя праблемы выкарыстання вопыту замежных архіўных устаноў для падрыхтоўкі айчынных інтэрнэт-выставак

На сучасным этапе эфектыўна выкарыстоўваюцца пры рэпрэзентацыі дакументаў НАФ SEO-тэхналогіі (Search Engine Optimization, далей — SEO-тэхналогіі). У іх асноўныя функцыі ўваходзіць павелічэнне прэзентацыі / бачнасці інтэрнэт-праекта па выніках запытаў у пошукавых сістэмах пры дапамозе ўжывання адмысловых тэхналогій пошукавай аптымізацыі.

Эфектыўнымі для рэпрэзентацыі архіўных фондаў праз віртуальныя выстаўкі з'яўляюцца SMM-тэхналогіі (Social Media Marketing, далей — SMM-тэхналогіі), якія накіраваны на набор метадаў і тэхнік прыцягнення ўвагі да праекта праз выкарыстанне іх падтрымкі на старонках сацыяльных сетак. SMM-тэхналогіі выкарыстоўваюцца для сацыяльных пляцовак і медыя ў якасці каналаў для прамоўшэна і прасоўвання праектаў віртуальных выставак тэхналогіі маркетынгу ў сацыяльных сетках, накіраваных Facebook [7].

Між іншым, комплекс мерапрыемстваў у рамках SEO-падтрымкі праекта віртуальнай выстаўкі з'яўляецца больш складаным і маладаступным для бюджэтных дзяржаўных архіваў. Пры гэтым SMM-падтрымка праектаў з'яўляецца не толькі даступнай для малабюджэтных праектаў, але і дазваляе пры гэтым дасягаць плённых вынікаў у рабоце па рэпрэзентацыі дакументаў НАФ, а таксама гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі.

Аналіз міжнароднай і айчынной практыкі стварэння і дзеяння інтэрнэт-выставак вызначыў шэраг абставін, якія перашкаджаюць паспяховай рэалізацыі такога кшталту праектаў айчынным архіўным установам.

Архіўныя сайты такіх краін, як ЗША, Вялікабрытанія і іншых маюць больш складаную структуру, якая ў значнай ступені арыентавана на дыялог з карыстальнікамі (аж да ўзроўню анлайн-замовы алічбаваных дакументаў у розных фармаатах). На іх усебакова прадстаўлены даведачныя архіўныя матэрыялы, пошукавыя базы даных і каталогі, якія дзейнічаюць у рэжыме рэальнага часу і дазваляюць ажыццяўляць пошук на ўзроўні асобных дакументаў. На іх фоне заўважана адставанне ў гэтай галіне архіўных сайтаў краін СНД (за выключэннем, магчыма, партала «Архівы Расіі») і блізкага замежжа.

Напрыклад, расійскі партал «Архівы Расіі», на якім у раздзеле «Архивные online проекты» [8] прадстаўлена 40 анлайн-выставак, прысвечаных значным гістарычным падзеям і выдатным дзесячам расійскай гісторыі, якія падзелены на чатыры тэматычныя блокі (Вялікая Айчынная вайна, дзяржаўнасць Расіі, савецкая эпоха, пакаранне космасу). Усе прадстаўленыя ў раздзеле экспазіцыі ўмоўна падзелены па відах публікацыі: віртуальная выстаўка, калекцыя дакументаў, міжархіўны праект. Віртуальныя выстаўкі маюць свае асобныя дызайн і структуру і размешчаны на паддамене. У сваю чаргу калекцыі дакументаў размешчаны ў раздзеле «Архивные online проекты». У абодвух выпадках кожны дакумент (у тым ліку і кіна-, фона- і фотадакументы) суправаджаецца гістарычнай даведкай і архіўнымі пошукавымі данымі. Пры гэтым варта адзначыць, што пры стварэнні пераважнай большасці з прадстаўленых на сайце «Архівы Расіі» віртуальных выставак былі адначасова задзейнічаны фонды некалькіх архіваў (і іншых устаноў).

Традыцыйнай формай рэпрэзентацыі архіўных дакументаў замежных архіваў, у тым ліку краін СНД, у Інтэрнэце з'яўляюцца арганізацыя і правядзенне мультымедычных анлайн-выставак. Выставачныя праекты прывабліваюць наведвальнікаў інтэрнэт-пляцовак і даюць магчымасць прагляду лічба-

вых копіі архіўных дакументаў, архіўных фатаграфій; праслухоўванне і прагляд старых запісаў у сетцы здольныя зацікавіць шырокую мэтавую аўдыторыю. Важна, каб інтэрнэт-выстава была сістэмна арганізаванай і датычылася канкрэтнай тэмы. Тэматычная прэзентацыя выставы праз Інтэрнэт спрашчае выбар разнастайнага архіўнага матэрыялу і дазваляе арганізаваць аб'яднанне фота- і візуальнага матэрыялу.

Напрыклад, адным з найбольш яркіх прыкладаў стварэння віртуальных выставак у краінах Заходняй Еўропы з'яўляецца вопыт Нацыянальнага архіва Вялікабрытаніі [9], на сайце якога ў раздзеле «Online exhibitions» размешчаны больш за 60 тэматычных выставак, прысвечаных розным гістарычным падзеям, асобам і тэмам (Першая сусветная вайна, Віктарыянская эпоха, правы чалавека, трагедыя «Тыганіка», дакументы Кабінета міністраў і г. д.). Усе выстаўкі адрозніваюцца па дызайне і змесце, размеркаваны па тэматычных і структурных падраздзелах (уступ, біяграфія, умоўныя абзначэнні, бібліяграфія, гласарый, храналогія падзей, віктарына, сканы дакументаў і г. д.). Яны могуць размяшчацца на асобных паддаменах (а часам і даменах) у форме прэзентацыі, адукацыйнага анлайн-семінара і інш. або на сайтах партнёраў і іншых арганізацый. Звычайна на гэтых выстаўках прадстаўлена параўнальна невялікая колькасць дакументаў, але пры гэтым найбольш цікавых і важных, высака якасця выкананых, з магчымасцю прагляду ў бібліятэцы малонкаў, капіравання ў розных фарматах, заказу і дастаўкі друкаванай копіі, платнай ці бясплатнай паслугі. Кожны лічбавы дакумент мае архіўны шыфр, падрабязнае апісанне, гісторыю стварэння, а пры неабходнасці і пераклад на сучасную мову.

У ЗША выстаўкі архіўных дакументаў прадстаўлены як на партале Нацыянальнага архіва, так і на асобных сайтах тэрытарыяльных архіваў. На сайце Нацыянальнага архіва ЗША [10] у раздзеле «Online exhibits» размешчана звыш 40 выставак дакументаў па рознай тэматыцы (правы і свабоды, канстытуцыя, касмічная праграма, Уотэргейцкі скандал, вайна ў В'етнаме і інш.), якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве або яго тэрытарыяльных філіялах па ўсёй Амерыцы. Выстаўлена шмат важных дзяржаўных дакументаў (Дэкларацыя незалежнасці, Канстытуцыя, Біль аб правах і г. д.). Асобнымі блокамі выдзелены патэнцыйна найбольш папулярныя дакументы (дакумент дня, гістарычныя дакументы, значныя дакументы). Усе выстаўкі прадстаўлены ў выглядзе пераліку з кароткай анатацыяй і іконкай для кожнай выстаўкі. Агульныя функцыі для ўсіх выставак: пошук дакумента (па тэматыцы і ключавым слове); дазвол на выкарыстанне выяў; спасылкі на сацыяльныя сеткі і інш. Кожная выстава мае меню (гісторыя калекцыі, тэматычныя падраздзелы, карта сайта, аўтарскае права, даведка, абрэвіятуры, іншыя рэсурсы і г. д.). На ўзроўні асобнага дакумента — назва (год, аўтар), кароткае апісанне дакумента (гісторыя стварэння), заказ дакумента анлайн, запампоўка ў розных фарматах і г. д. Тэхнічныя функцыі ўключаюць наступныя магчымасці:

- павелічэнне разрознення;
- прагляд у палепшанай праграме;
- спампоўка ў PDF;
- анлайн заказ друкаванай копіі дакумента.

Такім чынам, з улікам замежнага вопыту айчынным архіўным установам для паспяховага запуску і рэалізацыі праектаў віртуальных выставак па рэпрэзентацыі НАФ сродкамі сучасных ІТ-тэхналогій патрэбны наступныя мерапрыемствы:

- высокага ўзроўню матэрыяльна-тэхнічная база;
- узаемадзеянне як навуковых супрацоўнікаў-архівістаў, так і ІТ-спецыялістаў;
- наяўнасць асобных анлайн платформ (накшталт сайта «Архівы Беларусі»).

Аднаведнай анлайн платформай у перспектыве можа стаць сайт «Архівы Беларусі» (<http://archives.gov.by>) пасля яго мадэрнізацыі разам з афіліяванымі з ім старонкамі ў сацыяльных сетках, а таксама праект САДЦ НАФ, якія маглі б выконваць ролю галоўнай архіўнай платформы / партала-мадэратара, прызначанага для пошуку архіваў, абмену інфармацыяй і папулярызацыі архіўных фондаў Беларусі.

Такім чынам, можна канстатаваць, што ў эпоху інфармацыйнага грамадства роля вэб-сайтаў будзе пастаянна расці. Архівы, калі яны жадаюць існаваць у сучасным свеце і актыўна ўвайсці ў інфармацыйнае грамадства, павінны мець не толькі інтэрнэт-сайты, але і развіваць самыя розныя сучасныя ІТ-праекты. Прымяненне сучасных тэхналогій у прэзентацыі архіваў і рэпрэзентацыі архіўных фондаў павінна прывесці да змены ўспрымання архіваў у грамадстве як устаноў для механічнага захоўвання дакументальных збораў. Вэб-тэхналогіі пры параўнальна нізкіх выдатках даюць магчымасці для прыцягнення вялікай колькасці карыстальнікаў. Кожны архіўны праект павінен суправаджацца дадатковай кампаніяй падтрымкі ў рамках яго рэалізацыі. Найперш такія праекты павінны быць забяспечаны SEO і SMM-суправаджэннем.

Замежныя краіны прытрымліваюцца розных падыходаў да арганізацыі віртуальных выставак. У электронных экспазіцыях могуць быць прадстаўлены як копіі асобных архіўных дакументаў, так і цэлыя калекцыі алічбаваных дакументаў і фондаў (груп дакументаў). У мэтах узмацнення візуальнай прывабнасці экспазіцыі, акрамя архіўных дакументаў, на выставе могуць быць прадстаўлены спецыяльна вырабленыя ілюстрацыйныя матэрыялы: схемы, дыяграмы, графікі, а таксама друкаваныя выданні. Віртуальныя выстаўкі дакументаў могуць быць прадстаўлены на архіўных сайтах пад рознымі назвамі (анлайн-выстаўка, віртуальная галерэя, лічбавыя калекцыі, анлайн-праекты, анлайн-публікацыі і г. д.) і могуць размяшчацца ў розных

раздзелах сайта (архіўныя дакументы, інфармацыйныя рэсурсы, калекцыі і фонды, для карыстальнікаў і г. д.).

Аналіз міжнароднай і айчынной практыкі стварэння і вядзення інтэрнэт-выставак вызначыў шэраг абставін, якія перашкаджаюць паспяховай рэалізацыі такога кшталту праектаў айчыннымі архіўнымі ўстановамі. Адзначаныя праблемы можна ўмоўна падзяліць на дзве групы: аб'ектыўныя (абмежаваная матэрыяльна-тэхнічная база, запозненая інфарматызацыя галіны, адсутнасць кваліфікаваных тэхнічных спецыялістаў) і суб'ектыўныя (фармальны падыход, традыцыйная зачыненасць архіваў для грамадства, інэргія архіўнага асяроддзя).

З улікам усяго вышэйадзначанага бачыцца мэтазгоднай і своєчасовай практычнай распрацоўка адпаведных метадычных рэкамендацый па стварэнні і выкарыстанні інтэрнэт-выставак у якасці сродкаў рэпрэзентацыі дакументаў дзяржаўных архіўных устаноў Рэспублікі Беларусь.

Крыніцы і літаратура

1. Нестерович, Ю. В. Значимые особенности архивоведения и документоведения на стадии развитой науки в условиях тенденции трансдисциплинарности (эпистемологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 20. — Мінск: БелНДЦДАС, 2019. — С. 94—105.
2. Выстаўка Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) «Под знаком Красного Креста. К 95-летию образования Белорусского общества Красного Креста и Красного Полумесяца» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: http://narb.by/rus/details/chyrvonyu_kryzh. — Дата доступу: 01.12.2020.
3. Выстаўка Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) «95 лет со дня рождения Машерова Петра Мироновича» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: http://narb.by/rus/gallery/~group_id_n26=2~page_n26=3~csort_n26=date~csortorder_n26=1~id_n26=241. — Дата доступу: 01.12.2020.
4. Выстаўка Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) да 200-годдзя з дня нараджэння Яўстаха Тышкевіча [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://niab.by/newsite/by/content/all/к-200-летию-со-дня-рождения-евстафия-тышкевича>. — Дата доступу: 01.12.2020.
5. Выстаўка Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, падрыхтаваная да 90-годдзя з дня нараджэння Васіля Быкава «Па той бок рукапісу» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.bdamlm.by/gallery/pa-toy-bok-rukapisu-virtualnaya-vystava-da-90-goddzya-z-dnya-naradzhennya-vasilya-bykava>. — Дата доступу: 01.12.2020.
6. Выстаўка Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, падрыхтаваная да 100-годдзя народнага паэта Беларусі Пімена Панчанкі «Алданы праўдзе жыцця» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://bdamlm.by/gallery/addany-praudze-zhыssya>. — Дата доступу: 01.12.2020.
7. Разработать принципы использования новых информационных технологий для развития репрезентации в интернете Национального архивного фонда Республики Беларусь: Справоздача аб навукова-даследчай рабоце (закл.) / ДУ «БелНДЦЭД»; навук. кіраўнік Г. А. Сівохін. — Мінск, 2018. — 52 с. № ГР 20180123.

8. Портал «Архівы Расіі», раздзел «Архивные online проекты» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.rusarchives.ru/arhivnye-online-proekty>. — Дата доступу: 01.12.2020.
9. Нацыянальны архіў Вялікабрытаніі, сайт раздзела «Online exhibitions» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.nationalarchives.gov.uk/online-exhibitions>. — Дата доступу: 01.12.2020.
10. Нацыянальны архіў ЗША, сайт раздзела «Online exhibits» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.archives.gov/exhibits/>. — Дата доступу: 01.12.2020.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.01.2021

В. С. Іванова,

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

ЭВАЛЮЦЫЯ ТЭАРЭТЫЧНЫХ І ПРАВАВЫХ ПРЫНЦЫПАЎ ДОСТУПУ ДА АРХІВАЎ

Польская архівазнаўца Агнэшка Роса вылучае некалькі этапаў у эвалюцыі адносін да архіўнага доступу. Першы этап — да канца XVIII ст., калі ў Францыі ўпершыню быў створаны гістарычны архіў, а кожнаму грамадзяніну надавалася права доступу да дакументаў. Так была рэалізавана ідэя аб тым, што архівы належаць грамадству. Пэрыяд лібералізацыі доступу адносіцца да працэсаў, што адбываліся ў XIX—XX стст., калі грамадзяне шэрагу краін паступова пачалі дапускацца ў архівы. З другой паловы XX ст. доступ наўпрост звязваецца з публічнай дзейнасцю архіваў і закранае кожны аспект узаемадзеяння з навакольным асяроддзем, архівы становяцца на службу грамадства, на той момант яшчэ індустрыяльнага [1, с. 45—55]. Сёння архівы прэтэндуюць на тое, каб стаць часткай грамадства інфармацыйнага. Змены сучаснай архівазнаўчай парадыгмы, звязаныя з працэсамі інфарматызацыі, глабалізацыі, дэмакратызацыі і антрапалагізацыі, актуалізуюць і пытанне забеспячэння свабоднага, хуткага і безбар’ернага доступу да архіваў. Змяніліся маркеры адкрытасці архіваў, надаючы гэтаму паняццю значэнне зручнасці і эфектыўнасці выкарыстання. Доступ шырока трактуецца як паслуга, якую архівы прадстаўляюць сучаснаму грамадству ведаў, дзе кожная архіўная функцыя заклікана зрабіць архіўныя зборы зразумелымі для карыстальніка, а не падпарадкоўваць працу архіваў задачам дзяржаўнага ці арганізацыйнага кіравання, што было характэрна для індустрыяльнага грамадства.

Асноўныя этапы трансфармацыі ў адносінах да архіўнага доступу кожная краіна праходзіць па-свойму з улікам гістарычных і сацыяльна-палітычных асаблівасцей. Можна казаць і аб рэгіянальных рысах гэтых працэсаў на прыкладзе СССР і краін сацыялістычнага блока. Тэма доступу да архіваў, расакрычвання, гісторыі гэтых працэсаў перыядычна ўзнімалася на старонках беларускіх выданняў [2], але комплекснага тэарэтычнага асэнсавання ў беларускай гістарыяграфіі пакуль не атрымала.

Стварэнне Адзінага дзяржаўнага архіўнага фонду ў першыя гады існавання савецкай дзяржавы мела асновай ідэю цэнтралізацыі, закладзеную ў часы французскай рэвалюцыі разам з прынцыпам публічнага доступу. Але, як адзначаюць даследчыкі, у савецкім падыходзе гаворка пра адкрыты доступ да дакументаў для грамадзян не ішла, а дамінавала тэорыя класовай барацьбы ў рознасці яе праяў. Доступ да архіваў маглі мець толькі пэўныя катэгорыі грамадзян, а самі архіўныя дакументы часта выкарыстоўваліся ў якасці ідэалагічнай зброі [3]. Архіўная сістэма фарміравалася не як адкрытая да доступу

карыстальнікаў, а як частка сістэмы дзяржаўнага кіравання, задачай якой было ахоўваць свае сакрэты ад «класавых ворагаў». Гэта замацоўвалася ў савецкім архіўным заканадаўстве*.

У 1920—1930-я гг. агулам склалася сістэма рэгулявання доступу да архіўных дакументаў. Распрацоўвалася яна на ўзроўні СССР і выкарыстоўвалася ў саюзных рэспубліках. У дзяржаўных архівах ствараліся спецыяльныя сховішчы (спецсховы), устанаўліваліся грыфы «абмежаваны доступ», «для службовага карыстання», «канфідэнцыйна», асабліва значныя дакументы часта прыраўноўваліся да сакрэтных. Асобны статус мелі партыйныя архівы, большасць дакументаў з якіх былі даступныя толькі для асобных катэгорый навуковых супрацоўнікаў. Абмежаванне адбывалася і праз працэдурны карыстання архіўнымі дакументамі прадстаўнікамі грамадства і дзяржавы — працу чыгальных залаў, выкананне запытаў і атрыманне даведкаў, публікацыю найбольш значных для дзяржавы дакументаў. На архівістаў была ўскладзена задача забеспячэння функцыянавання рэжыму абмежавання доступу. Да пачатку 1930-х гг., па ацэнках некаторых даследчыкаў, амаль трэцяя частка ўсіх архіваў у СССР знаходзілася на сакрэтным захоўванні [4]. А да пачатку 1990-х гг. — да 90% партыйных і 50% дзяржаўных [5, с. 11].

На працягу 1990-х гг. адсотак сакрэтных дакументаў у дзяржаўных архівах былых савецкіх рэспублік знізіўся ў сярэднім да 1—3%, але архівы Міністэрства абароны, Міністэрства замежных спраў, КДБ і іншых ведамстваў па-ранейшаму не перадалі дакументы савецкага перыяду на дзяржаўнае захоўванне і доступ да іх заставаўся абмежаваным [6, с. 191]. З іншага боку, шэраг краін, такіх, як Літва, Латвія, Эстонія, а таксама былыя краіны сацыялістычнага лагера — Польшча, Венгрыя, Румынія, Германія і інш., цалкам адкрылі ведамасныя архівы, Украіна — часткова. 1990-я гг. расійскі акадэмік А. А. Чубар'ян слухна назваў сапраўднай «рэвалюцыяй у доступе да архіваў», але адзначаў і пэўны «забараняльны сіндром» з боку архівістаў, якія прывыклі працаваць у сістэме, дзе адной з асноўных іх задач доўгі час было абмежаванне доступу да дакументаў [7, с. 8].

* Палажэнне аб архіўным упраўленні БССР (1930); Інструкцыя аб прыёме і захоўванні сакрэтных архіўных матэрыялаў ва ўстановах ЦАУ БССР (1932); Правілы захоўвання і карыстання архіўнымі партыйнымі і камсамольскімі дакументамі ў партархіве Інстытута гісторыі партыі (1936); Інструкцыя ГАУ НКУС СССР аддзелам сакрэтных фондаў дзяржаўных архіваў па ўліку асоб, што праходзяць па кампраметуючым архіўным матэрыялам (1939); Пастанова Савета Міністраў СССР «Аб мерах па ўпарадкаванні рэжыма захоўвання і лепшым выкарыстанні архіўных матэрыялаў міністэрстваў і ведамстваў» (1956); Інструкцыя аб працы дзяржаўных архіваў СССР з сакрэтнымі матэрыяламі (1966); Інструкцыя па забеспячэнні захаванасці дзяржаўнай тайны і рэжыма сакрэтнасці прац ва ўстановах і на прадпрыемствах СССР (1972) і інш.

У гэты перыяд перад архівістамі стала даволі шмат тэарэтычных, прававых, этычных і практычных пытанняў. Ці могуць дзяржаўныя архівы захоўваць сакрэтныя дакументы? Якімі метадамі можа адбывацца рассакрэчванне дакументаў? Ці ўваходзіць у абавязкі архівіста абмежаванне доступу да дакументаў? Якімі прававымі нормаўмі можа абмяжоўвацца доступ да архіваў?

Вядомы савецкі і расійскі архівазнаўца А. В. Елпацьеўскі ў сваёй публікацыі 1992 г. вылучыў два асноўныя падыходы ў дачыненні да магчымасці захоўвання сакрэтных дакументаў у дзяржаўных архівах. Адзін з іх заключаецца ў тым, што архівы мусяць быць агульнадаступнымі і не могуць захоўваць сакрэтныя дакументы. Гэта ідэя закладзена ў канцэпцыі Нацыянальнага архіўнага фонду, даступнага для ўсіх грамадзян, сфармуляванага, як адзначалася, у канцы XVIII ст. і атрымаўшага развіццё ў розных краінах на працягу апошніх двух стагоддзяў. Другі — заключаецца ў тым, што пэўную колькасць сакрэтных дакументаў дзяржаўныя архівы мусяць захоўваць, каб пазбегнуць іх знішчэння ў ведамствах, для якіх яны страцілі аператыўную значнасць [8].

Многія аўтары адзначалі таксама канфлікт паміж карыстальнікамі і архівістамі ў пытанні доступу да дакументаў [4]. Архівіст доўгі час успрымаўся як службовая асоба, якая «абараняе» дакументы ад грамадства і дзейнічае толькі ў інтарэсах пэўных груп ці ведамстваў. Пачынаючы з 1990-х гг., разам з «рэвалюцыйй доступу да архіваў» пачала адбывацца і змена свядомасці архівіста, асноўнай задачай якога на сённяшні дзень з'яўляецца служэнне грамадству і забеспячэнне максімальнага доступу да архіўнай інфармацыі.

Распрацоўка і ўвядзенне новага нацыянальнага заканадаўства ў пост-савецкіх краінах, што фарміравала сістэму доступу і абмежаванняў доступу да дакументаў, закладвала новую сістэму ўзаемасувязей і ўзаемадзейненняў у гэтым пытанні. Яна складалася з асноўных законаў: архіўнага, аб інфармацыі, аб дзяржаўных сакрэтах, аб абароне персанальных даных, аб аўтарскім праве, і ў шэрагу краін — аб архівах былых савецкіх спецслужбаў. Гэта сістэма павінна была быць несупярэчлівай і выбудоўвацца на пэўным наборы тэарэтычных прынцыпаў, выпрацаваных навуковай супольнасцю.

Адна з найбольш значных тэарэтычных распрацовак гэтага пытання была распачата ў 1994 г. Міжнародным саветам архіваў (МСА) і ЮНЕСКА. Намаганнямі гісторыкаў, спецыялістаў у галіне інфармацыйнага права і архівістаў планавалася стварыць агульны для краін Еўропы стандарт доступу да архіваў. Па даручэнні МСА член яго Юрыдычнага камітэта француз Эрве Бастыян падрыхтаваў першапачатковы варыянт дакумента, названы «Рэкамендацыі для выпрацоўкі мінімальнага стандартнага правілаў доступу да архіваў», у якім вызначалася наяўнасць тэрмінаў абмежавання доступу да дакументаў (20—30-х гг.) і спецыяльных механізмаў доступу да закрытых дакументаў, т. зв. «даваральны доступ» ці «выключны дазвол» для пэўных катэгорый карыстальнікаў да закрытай архіўнай інфармацыі пры адказнасці карыстальніка за яе распаўсюджванне.

У студзені 1997 г. у Страсбургу рэгіянальная група экспертаў абмеркавала першы варыянт задуманага стандарту, вылучыўшы асноўныя прынцыпы:

роўнасць доступу да дакументаў грамадзян краіны і грамадзян іншых краін;

роўнасць доступу грамадзян да любых архіваў краіны; свабодны і бясплатны доступ да навукова-даведачнага апарату архіваў;

палітыка пераканання і падтрымкі ў дачыненні да ўладальнікаў прыватных архіваў для выканання вышэйазначаных прынцыпаў;

навукова-даведачны апарат павінен утрымліваць звесткі аб усіх абмежаваннях доступу да дакументаў для таго, каб карыстальнік мог ужыць магчымасць давяральнага доступу;

права давяральнага доступу да сакрэтных архіўных дакументаў на аснове спецыяльнага дазволу;

наяўнасць працэдур абскарджвання адмовы ў доступе да дакументаў [4].

У ліпені 2000 г. гэтыя прынцыпы былі пашыраны, дапрацаваны і нарматыўна зафіксаваны Камітэтам міністраў Савета Еўропы, які прыняў першы міжуродавы стандарт адносна архіўнай палітыкі і практыкі ў Еўропе. Гэты стандарт вядомы як Рэкамендацыя № R (2000) 13. Ён падкрэслівае важнасць ролі архіваў ва ўмацаванні культурнай ідэнтычнасці і дэмакратыі і вызначае еўрапейскую палітыку доступу да архіваў. Згодна з ім нацыянальнае заканадаўства краін-членаў павінна забяспечваць ці адкрыццё дзяржаўных архіваў без асаблівых абмежаванняў, ці агульны перыяд закрыцця. Выключэнні з гэтага агульнага правіла і абмежаванне доступу можа адбывацца ў двух выпадках: калі яно тычыцца захавання важных грамадскіх інтарэсаў, якія патрабуюць абароны (напрыклад, як нацыянальная абарона, знешняя палітыка і грамадскі парадак) і распаўсюджвання інфармацыі, якая тычыцца асабістага жыцця грамадзян [9, с. 63—65].

Засноўваючыся на гэтых прынцыпах, у 2015 г. была праведзена шырокамашапная архіўная рэформа ва Украіне. Заканадаўства распрацоўвалася з 2010 г. і ўтрымлівала наступныя нормы:

адкрыты і свабодны доступ да архіваў савецкіх органаў, якія не маюць правапераемнікаў;

аўтаматычнае здыманне ўсіх грыфаў сакрэтнасці, пастаўленых у савецкі час;

магчымасць абмежавання доступу да інфармацыі асобамі, якія згадваюцца ў дакументах (абмежаванні асоба магла ўнесці на працягу года пасля прыняцця закону, але не больш чым на 25 гадоў);

прававы падзел паміж паняццем дакумент і інфармацыя — можа быць абмежаваны доступ да інфармацыі, але не дакумента;

адказнасць за распаўсюджванне і выкарыстанне інфармацыі перанесена з архівіста на карыстальніка;

свабоднае капіраванне архіўных дакументаў без аплаты [10].

Другі падыход да доступу да архіваў сфармуляваны ў гэты ж час расійскім архівазнаўцам, кіраўніком архіўнай службы Расіі У. П. Казловым [4]. Ён заснаваны на крытычным асэнсаванні еўрапейскіх прынцыпаў і ацэнцы магчымасці іх дастасавання для расійскіх архіваў. Гэты падыход можна ахарактарызаваць як эвалюцыйны — паступовае рассакрэчванне дакументаў па меры неабходнасці. Менавіта ў межах гэтага падыходу ў 2011 г. краінамі СНД было падпісана пагадненне аб парадку перагляду ступені сакрэтнасці звестак, засакрэчаных у перыяд існавання СССР. Згодна з ім кожная краіна — удзельнік пагаднення пры вырашэнні пытання аб рассакрэчванні дакументаў на нацыянальным узроўні накіроўвае свае прапановы ўсім дзяржавам — удзельнікам пагаднення, якія прымаюць рашэнне аб наяўнасці ці адсутнасці шкоды для ўласных нацыянальных інтарэсаў у адпаведнасці з заканадаўствам [11].

У Беларусі першы архіўны закон, прыняты ў 1994 г., засноўваўся на канцэпцыі Нацыянальнага архіўнага фонду, якая, як ужо адзначалася, па сваёй сутнасці прадугледжвала права свабоднага доступу да дакументаў усіх грамадзян, а таксама не прадугледжвала наяўнасць у дзяржаўных архівах сакрэтных дакументаў. Тым не менш, невялікі адсотак такіх дакументаў (у т. л. былога партыйнага комплексу) не быў рассакрэчаны, а дзеючыя «Правілы працы дзяржаўных архіваў» (2005, арт. 55, 242—248) прадугледжваюць нормы захоўвання і доступу да сакрэтных і «часткова сакрэтных»* дакументаў у дзяржаўных архівах.

Дзеючы закон «Аб архіўнай справе і справаводстве» (2011, арт. 29) прадугледжвае абмежаванне доступу да архіўных дакументаў у наступных выпадках: калі гэта парушае дзяржаўную, камерцыйную ці іншую тайну**, якая ахоўваецца законам, правы грамадзян ці можа нанесці шкоду бяспецы архіўных дакументаў. Парадак доступу да архіўных дакументаў, што ўтрымліваюць асабістую тайну грамадзян (можа дасягаць 75 гадоў), вызначаецца кіраўніцтвам архіва. Але ў беларускім заканадаўстве адсутнічае дакладнае вызначэнне паняцця «асабістая тайна» і катэгорыі тых дакументаў, якія могуць быць да яе аднесены. Канкрэтызавалася яно толькі ў «Інструкцыі аб рэжыме доступу да дакументаў, што ўтрымліваюць звесткі, якія адносяцца да асабістай тайны грамадзян» (1996), і «Рэспубліканскім пералікам звестак абмежаванага распаўсюджвання» (1999). На іх падставе А. Я. Рыбакоў прапа-

* Паняцце «часткова сакрэтны дакумент» у сучасным беларускім заканадаўстве адсутнічае і з'яўляецца спадчынай практычнага падыходу да захоўвання дакументаў у савецкі перыяд.

** Службовая, урачэбная, адвакацкая, натарыяльная, банкаўская, падатковая тайна.

наваў працэдуру аднясення дакументаў дзяржаўных архіваў да катэгорыі тых, што ўтрымліваюць тайну асабістага жыцця [12].

На сённяшні дзень абодва гэтыя дакументы не з’яўляюцца актуальнымі пасля ўвядзення новых нарматыўных актаў. Дзеючая «Інструкцыя аб парадку доступу да архіўных дакументаў, што ўтрымліваюць асабістую тайну грамадзян» (2012, п. 8) не мае такіх вызначэнняў, а пералік звестак, якія могуць адносіцца да асабістай тайны грамадзян, прыведзены толькі ў адпаведных метадычных рэкамендацыях (п. 8) [13] і з’яўляецца дастаткова шырокім і нарматыўна не зафіксаваным, што ўскладае вялікую адказнасць на архівістаў і кіраўнікоў архіваў, без вызначэння дакладных прававых і арганізацыйных механізмаў [14].

Законам «Аб інфармацыі, інфарматызацыі і абароне інфармацыі» (2008, арт. 17) вызначаюцца катэгорыі інфармацыі, доступ да якой абмежаваны. Гэта інфармацыя аб прыватным жыцці асобы — даныя, што складаюць асабістую і сямейную тайну, тайну тэлефонных перамоў, паведамленняў, стану здароўя (арт. 28 Канстытуцыі), не могуць выкарыстоўвацца насуперак волі асобы. Арт. 40 Закона «Аб сродках масавай інфармацыі» кажа аб неабходнасці атрымання згоды асобы на выкарыстанне асабістай інфармацыі. Такім чынам, адной з асноўных характарыстык канфідэнцыяльнасці асабістай інфармацыі з’яўляецца воля асобы за забарону ці дазвол яе выкарыстання. Да інфармацыі абмежаванага выкарыстання адносяцца згодна закону таксама — персанальныя даныя, інфармацыя, што ўтрымлівае дзяржаўную, камерцыйную, прафесійную і іншую тайну, інфармацыя абмежаванага распаўсюджвання з грыфам «для службовага карыстання» [15], інфармацыя судовых спраў да сканчэння судавытворчасці.

Закон «Аб дзяржаўных сакрэтах» (2010, арт. 22) усталёўвае максімальны тэрмін сакрэтнасці — 30 гадоў, што адпавядае тэрмінам часовага захоўвання дакументаў у арганізацыях згодна арт. 20 Закона «Аб архіўнай справе і справаводстве» (2011). А рассакрэчванне дакументаў адбываецца органамі, якія маюць права на іх засакрэчванне — дзяржаўныя архівы да іх не адносяцца.

Такім чынам, паняцце доступу да архіваў перажыло некалькі эвалюцыйных этапаў, а ў былых савецкіх краінах мае шэраг асаблівасцей, якія да сённяшняга дня ўплываюць на практыку працы і развіццё архіўнай галіны, што служыць пераважна інтарэсам дзяржаўных органаў і арганізацый. Сучаснае беларускае заканадаўства пакідае шэраг пытанняў і дазваляе казаць аб неабходнасці дапрацоўкі як у кірунку вырашэння супярэчнасцей паміж рознымі актамі, так і эвалюцыі ў бок адпаведнасці сучасным тэарэтычным падходам.

Лі т а р а т у р а

1. Rosa, A. Funkcja edukacyjna archiwów / A. Rosa. — Warszawa, 2012. — 317 s.

2. Жумарь, С. Рассекречивание документов в государственных архивах Беларуси: исторический аспект / С. Жумарь // *Архівы і справаводства*. — 2007. — № 1. — С. 88—95; Федоренко, А. Рассекречивание документов партийного комплекса: гомельский опыт / А. Федоренко // *Архівы і справаводства*. — 2009. — № 2. — С. 86—90; Меломед, Т. Рассекречивание документов партийного комплекса: гомельский опыт / Т. Меломед // *Архівы і справаводства*. — 2010. — № 3. — С. 104—106; Гужалоўскі, А. Сакрэтнасць архіваў у БССР / А. Гужалоўскі // *Беларускі гістарычны часопіс*. — 2014. — № 17. — С. 31—36.
3. Старостин, Е. В. Архивы и революция / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина. — М.: РГГУ, 2007. — 180 с.; Корнеев, В. Е. Архивы на службе тоталитарного государства (1918—1940-х гг.) / В. Е. Корнеев, О. Н. Копылова // *Отечественные архивы*. — 1992. — № 3. — С. 13—24.
4. Козлов, В. П. Российские архивы: проблемы доступа и использования / В. П. Козлов // *Делопроизводство* [Электронный ресурс]. — 2011. — № 1. — Режим доступа: <https://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?144>. — Дата доступа: 24.04.2021.
5. Пихоя, Р. Г. Размышления об архивной реформе / Р. Г. Пихоя // *Археографический ежегодник за 1994 г.* — М., 1996. — С. 3—17.
6. Савин, В. А. Архивное наследие России: Государственный архивный фонд РСФСР: управление и коммуникации: 1918—1941 / В. А. Савин. — Кн. 2. — М.: РГГУ, 2009. — 350 с.
7. Ожидание перемен в деле рассекречивания документов КПСС: мнения хранителей и пользователей // *Отечественные архивы*. — 2001. — № 5. — С. 3—10.
8. Елпатьевский, А. В. О рассекречивании архивных фондов / А. В. Елпатьевский // *Отечественные архивы*. — 1992. — № 5. — С. 15—20.
9. Кечкеметі, Ш. Доступ до архівів. Путівник для імплементації Рекомендації № R (2000) 13 щодо Європейської політики доступу до архівів / Ш. Кечкеметі, І. Секей. — Харків, 2010. — 144 с.
10. Про доступ до публічної інформації: Закон України від 9 квітня 2015 року № 319-VIII: за змінами ад 2015; Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917—1991 років: Закон України від 09.04.2015 № 316-VIII.
11. О порядке пересмотра степени секретности сведений, засекреченных в период существования Союза Советских Социалистических Республик: Международное соглашение от 18 октября 2011.
12. Рыбаков, А. Е. Тайна личной жизни граждан в документах: понятие, требования к ее охране, ответственность за нарушение / А. Е. Рыбаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.kulichki.net/dop/otdk/otdk1307.htm>. — Дата доступа: 24.04.2021.
13. Методические рекомендации по работе с архивными документами, содержащими сведения, относящиеся к личной тайне граждан. Утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь 28.12.2015 № 50.
14. Жолнеркевич, Г. Расширение доступа к документам государственных архивов Республики Беларусь: проблемы и пути решения / Г. Жолнеркевич // *Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.)* / рэдкал.: В. І. Кураш (старшыня) [і інш.]. — Мінск:

БелНДДАС, 2019. — С. 265—271; Агеева, Т. Проблемы использования баз данных в контексте защиты личной жизни и персональных данных в Беларуси / Т. Агеева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bydc.info/analytics/66-problemy-ispolzovaniya-baz-dannykh-v-kontekste-zashchity-lichnoj-zhizni-i-personalnykh-dannykh-belarusi-2>. — Дата доступа: 24.04.2021; Саванович, М. К вопросу о соотношении информации о частной жизни и персональных данных / М. Саванович [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/informatsii-ochastnoy-zhizni-i-personalnykh-dannykh/>. — Дата доступа: 24.04.2021.

15. Положение о порядке проставления ограничительного грифа «Для служебного пользования», грифа «Коммерческая тайна» и ведения делопроизводства по документам, содержащим служебную информацию ограниченного распространения и информацию, составляющую коммерческую тайну. Утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 12.08.2014 № 783.

Артъкул паступіў у рэдакцыю 16.07.2021

*С. У. Грунтоў,**старишы навуковы супрацоўнік аддзела народазнаўства
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: szereszew@gmail.com*

ПАХАВАЛЬНЫЯ ФОТАЗДЫМКІ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ Вывучэння МЕМАРЫЯЛЬНЫХ ТРАДЫЦЫЙ БЕЛАРУСАЎ

Беларускія аўтары, якія займаліся вывучэннем пахавальнай абраднасці, для напісання сваіх прац выкарыстоўвалі пераважна тэкставыя крыніцы і матэрыялы расшыфроўкі палявых этнаграфічных і фалькларыстычных запісаў. Такая каштоўная і шматлікая крыніца як пахавальныя фотаздымкі, якія адлюстроўваюць развіццё традыцый развітання з нябожчыкам на ўсім працягу XX ст., апынулася па-за фокусам іхняй увагі [9; 12 і інш]. Адзінае выключэнне складае альбом Міхася Раманюка «Беларускія народныя крыжы» (2000) [10], дзе апублікавана восем такіх фотаздымкаў, але ён пераважна абмяжоўваецца толькі подпісамі і кароткім каментарыем да выяў, не памяшчаючы іх у русла навуковага аналізу і не паглыбляючыся ў суаднесенне з пахавальнымі традыцыямі беларусаў, верагодна таму, што гэта разыходзілася з заяўленай тэмай і фарматам кнігі. Адзінае выключэнне складаюць прадстаўленьня ім у малюнках варыянты трун з мястэчка Давыд-Гарадок, пра што будзе сказана ніжэй.

Практыка фатаграфавання нябожчыка і розных этапаў пахавальнай цырымоніі з'яўляецца ў XIX ст. і спачатку пераважна прымяняецца ў дачыненні да вядомых асоб, такім чынам падкрэсліваючы значнасць і статус падзеі. У 20—30-я гг. XX ст. яна пашыраецца і на звычайныя сем'і. Пік папулярнасці гэтай традыцыі прыходзіцца на 70—80-я гг., што было звязана з пашырэннем прыватнага выкарыстання і даступнасцю аматарскай фатаграфіі, але ўжо цягам наступнага дзесяцігоддзя яна практычна цалкам знікае.

Па пахавальных фотаздымках можна прасачыць практычна ўсе асноўныя змены, якія напаткалі абрад апошняга развітання з блізкім цягам XX ст. Асаблівую цікавасць уяўляюць фотаздымкі 30—60-х гг., калі само фатаграфаванне фактычна становілася часткай абрада: сваякі, блізкія і суседзі, часта ў прысутнасці святара, становіліся перад труною і так разам з нябожчыкам пазіравалі фатографу. Пасля, у 70—80-я гг., гэта частка традыцыі знікае, а пахавальны фотаздымак набывае рэпартажны характар: фатограф фіксуе розныя часткі абраду, пераважна ніяк не арганізуючы яго ўдзельнікаў. Большасць змен, якія мы можам назіраць на пахавальных фотаздымках, адлюстроўваюць не толькі змены ў абрадзе, але і ў сацыяльнай гісторыі беларусаў. Развіццё культуры гарадскога тыпу, секулярызацыя, прафесіяналізацыя сферы паслуг, распад вялікай сям'і і многія іншыя з'явы знаходзяць тут свой адбітак. Гэту

падвойную опытку варта захоўваць у памяці, аналізуючы пахавальныя фотаздымкі.

Недахоп ці амаль поўная адсутнасць даследчай увагі да пахавальнага фотаздымка суадносіцца з яго маргінальным статусам у сучасным грамадстве. З’ява, якая яшчэ пяцьдзесят гадоў таму была вельмі пашыранай і суправаджала значную частку пахаванняў, сёння выклікае непаразуменне і нават забабонны страх, так што ад пахавальных фотаздымкаў многія імкнуцца пазбавіцца [1; 2]. У 2021 г. праект veha.by, частка якога была прысвечана збору пахавальных фотаздымкаў, завяршыўся выданнем альбома «Апошні фотаздымак». Магчыма, гэта дапаможа частковай рэабілітацыі пахавальных фота [1]. Прапанаваны ўвазе артыкул мае на мэце разгледзіць асноўныя зместавыя элементы пахавальных фотаздымкаў, якія могуць быць карыснымі для вывучэння пахавальнай абраднасці беларусаў і, шырэй, іх сацыяльнай гісторыі. У ім вакарыстана калекцыя фотаздымкаў Савы Сіўко з фондаў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, электронны архіў праекта veha.by, матэрыялы палявых этнаграфічных экспедыцый аўтара.

Самарэпрэзентацыя сям’і і лакальнай супольнасці. Пастановачны пахавальны фотаздымак класічнага перыяду (30—60-я гг.) — гэта заўсёды не толькі фіксацыя нябожчыка, звычайна ў труне перад домам ці храмам, але і вялікай колькасці ўдзельнікаў пахавання — часам да 70 і больш чалавек [11, с. 262—263]. Пахаванне было значнай падзеяй у жыцці ўсёй супольнасці, на яго прыходзілі ў лепшым адзенні, адзінай пазнакай жалобы на фотаздымках доўгі час былі толькі белыя хусткі на галовах. Аднак ужо ў 50-я гг. на той жа Наваградчыне мы можам бачыць людзей у цёмных строях і жанчын у чорных хустках [3, LP-S-04-066-20-000544]. Гэта відавочная праява ўплыву гарадской культуры, якая трактавала чорны колер як жалобны. Дынаміка і лакальная спецыфіка гэтых і падобных змен добра прасочваецца на пахавальных фотаздымках.

Удзельнікі пахавання свядома пазіруюць перад фатографам у сваім лепшым, фактычна, святочным адзенні, пакуль яго замяніць больш фармальны траурны строй у пазнейшыя дзесяцігоддзі. Гэтыя раннія фотаздымкі 30—50-х гг. (залежна ад рэгіёна і тыпу населенага пункта) найбольш цікавыя ў сэнсе магчымасці прасачыць за зменамі моды, сувязню адзення і сацыяльнага статусу. Асаблівую цікавасць уяўляе дзіцячае адзенне, якое дагэтуль застаецца ў нас малавывучаным.

Само запрашэнне фатографа на пахаванне сведчыла пра адпаведнасць сям’і пэўным сацыяльным стандартам свайго часу, якія былі даступныя не для ўсіх. Пра гэта ж сведчыла і адзенне сабраўшыхся блізкіх сваякоў: у адных выпадках яно мае відавочна вясковы характар [4], у іншых — гарадскі [11, с. 265]. Сам культурны ўзаемаабмен паміж беларускімі горадам і вёскай, рухомая мяжа паміж двума тыпамі культуры з’яўляецца адной з ключа-

вых з'яў для разумення сацыяльнай гісторыі беларусаў у XX ст. Пахавальныя фотаздымкі даюць для гэтага багаты матэрыял.

Святары і секулярызацыя пахавання. На многіх фотаздымках, асабліва тых, што паходзяць з міжваеннай Заходняй Беларусі, прысутнічаюць святары — важнейшыя ўдзельнікі традыцыйнай пахавальнай цырымоніі. Звычайна разам з імі на фотаздымках праваслаўных пахаванняў бачны царкоўныя харугвы, ліхтары, а таксама працэсійны крыж. Ужо самі па сабе гэтыя атрыбуты разам з кананічным адзеннем могуць быць каштоўнай крыніцай для вывучэння беларускага сакральнага мастацтва.

Не менш цікавая тэма — гэта секулярызацыя беларускага грамадства ў XX ст. і выжыванне царквы і рэлігіі ў савецкія часы. На пахавальных фотаздымках паваяннага часу святар прысутнічае параўнальна рэдка, асабліва ў 60—80-я гг. Напрыклад, на фотаздымку з пахавання Філімона Ануфрыевіча Шкляра ў в. Сенна Наваградскага раёна (першая палова 60-х) бачны крыж, пастаўлены каля хаты — але гэта адзіны рэлігійны «атрыбут» на ўсім фота [7]. Памерлы быў бацькам любчанскай настаўніцы географіі, а людзі гэтай прафесіі ў перыяд хрушчоўскай антырэлігійнай кампаніі знаходзіліся пад асобым ціскам і маглі страціць працу за кантакты з царквой [11, с. 297].

На разгледжаным матэрыяле бачна і некаторая канфесійная спецыфіка праходжання секулярызацыі ў савецкі час. У 60—80-я гг. праваслаўныя святары амаль цалкам знікаюць з фотаздымкаў, у той жа час у каталіцкіх рэгіёнах усё яшчэ можна ўбачыць ксяндзоў, якія ўзначальвалі пахавальныя працэсіі, як, напрыклад, на пахаванні ў Лужках Шаркаўшчынскага раёна (1964 г.), Будславе Мядзельскага раёна (1977 г.), Крэва Смаргонскага раёна (1985—90-я гг.) і інш. [3, LP-S-02-036-20-00386; LP-S-05-088-20-00051; LP-S-04-074-20-00277].

Матэрыяльная атрыбутыка пахавальнага абраду. З-за таго што вывучэнне беларускай пахавальна-памінальнай абраднасці заснавана пераважна на пісьмовых і вусных, а не на візуальных крыніцах, нам прасцей давацца пра аспекты вырабу труны і звязаныя з гэтым забавоны, чым пра тое, як яна выглядала ў пэўны час у канкрэтнай мясцовасці. **Труна**, прынамсі, у народнай культуры ўяўляецца, такім чынам, рэччу малазменнай, прыкладна аднолькавай па канструкцыі і аздабленні. Вывучэнне пахавальных фотаздымкаў пераконвае, што канструкцыя трун і сапраўды мала змянялася ў часе — прынамсі, у звычайных вясковых і месчачковых пахаваннях. Асноўныя іх формы былі выпрацаваны яшчэ да пачатку XX ст. — ад сялянскай труны самай простага канструкцыі да трун са складаным выгнутым профілем і накладнымі металічнымі элементамі [11, с. 260].

А вось аздабленне іх магло адрознівацца заўважнай разнастайнасцю. Самыя простыя труны былі збітыя са светлых непафарбаваных дошак. Ужо ў 20—30-я гг. многія труны пачынаюць фарбаваць. Пры гэтым фотаздымкі захавалі для нас існаванне цікавай традыцыі — аздабляць труны знакамі і літарамі. На фотаздымку Савы Сіўко з мястэчка Любча (1932—1939 гг.) бач-

на труна цёмнага колеру з выявамі зорак на ёй, а таксама двума крыжамі з літарамі «В. П. і Р. Б.» каля кожнага з іх [11, с. 264]. Цікавы матэрыял па давід-гарадоцкіх трунах з 1943—1961 гг. прыводзіць Міхась Раманюк. Ён паказвае дзевяць варыянтаў аздаблення векаў трун — усе яны, відавочна, узяты з выяў на пахавальных фотаздымках, адзін з якіх прыведзены на суседняй старонцы [10, с. 14—15].

Традыцыйна дэкараванне трун маляванымі крыжамі, зоркамі і галінкамі страчвалася ў 60-я гг. XX ст. На змену ёй прыходзяць больш уніфікаваныя труны з фарбаваных дошак, а пасля — абітыя тканінай, якія шырока ўжываюцца і сёння. У наш час пра яе мы ведаем толькі дзякуючы фотаздымкам, і яна заслугоўвае больш пільнага вывучэння з боку навукоўцаў.

Пахавальныя фотаздымкі таксама даюць вычарпальнае ўяўленне пра тое, як развівалася папулярнасць іншага такога важнага атрыбута пахавальнай цырымоніі, якім з'яўляецца **вянок**. Ён атрымаў папулярнасць яшчэ ў XIX ст. у пахаваннях заможных людзей — прадстаўнікоў шляхты, чыноўнікаў, гараджан. Папулярнасць дасягнула такіх маштабаў, што ў 1903 г. Аляксандр Ельскі нават выпусціў асобную брашуру-памфлет супраць, як ён назваў гэта, «венкаманіі» [13]. Пра маштаб гэтай з'явы магчыма атрымаць уяўленне дзякуючы, напрыклад, фотаздымку надмагілля Элізы Ажэшкі на гарадзенскіх могілках у міжваенны перыяд [15]. Для таго каб захоўваць і дэманстраваць прынесены ёй вянкi, за помнікамі была зроблена драўляная канструкцыя вышынёй каля чатырох метраў, якая дазваляла развесіць іх у некалькі ярусаў адзін над адным. З улікам таго што вырабляліся яны з металу, верагодна, частка з іх выкарыстоўвалася яшчэ ў час пахавання пісьменніцы [14].

Аналіз пахавальных фотаздымкаў дазваляе нам даведацца, як пашыралася мода на выкарыстанне вяноў у пахаванні сярод менш заможнага насельніцтва. У 20—30-я гг. вянкi застаюцца параўнальна рэдкай з'явай у пахаваннях у вёсках і мястэчках. З калекцыі фотаздымкаў Савы Сіўко за гэты перыяд мы можам убачыць, як выглядалі іх першыя прыклады ў любчанскім краі ў 30-я гг. На пахаванні Іосіфа Скарбца ў Любчы мы бачым сплечены з яловых лапак вянок са стужкамі з надпісам, які ляжыць на веку труны [11, с. 265]. На фота з іншага пахавання з таго ж мястэчка мы бачым хваёвы вянок, упрыгожаны белымі кветкамі, падобнымі на астры ці хрызантэмы, але без стужак. У 50-я гг. вянкi са штучных матэрыялаў становяцца звычайным, а пасля і абавязковым атрыбутам пахавання [8].

Акрамя вяноў, пахавальныя фотаздымкі зафіксавалі кветкавыя ўпрыгожанні трун і нябожчыкаў, якія сёння цалкам выйшлі з ужытку. У першую чаргу, гэта кветкавыя гірлянды, якія адмыслова пляліся ў цёплы сезон. У некааторых выпадках яны цалкам акружалі нябожчыка, які ляжаў у труне [11, с. 261]. Склад гэтых гірлянд, якія часам замькаліся ў імправізаваныя вянкi, вельмі залежыў ад сезона — увосень яны маглі амаль цалкам складацца з розных галінак з лісцем [11, с. 265]. Галінкі квітнеючай вішні выкарыстоўва-

ліся ў адпаведны сезон — гэта добра бачна на яшчэ адным фота Савы Сіўко, дзе бацька стаіць над цэлам немаўляці, і мы выразна пазнаём вішнёвыя лісты і кветкі вакол яго [6].

Прыведзеныя прыклады, якія датычацца трун, вяноў і кветкавых аздоб, можна чытаць як цікавыя дэталі, якія дапаўняюць нашы ўяўленні пра матэрыяльны бок пахавальнага абраду ў беларусаў. Але ў іншым прачытанні — гэта і маркеры сацыяльнай гісторыі, якія дакладна фіксуюць пранікненне гарадской культуры ў вёску, тэя глыбінныя трансфармацыі, якія апошняя зазнала ў XX ст.

Жалобныя працэсіі. Пахавальны фотаздымак фіксаваў не толькі памерлага са сваякамі навокал яго, якія замерлі для фотаздымка перад царквой ці хатай нябожчыка, але і розныя этапы пахавальнай цырымоніі. Адным з найболей цікавых тут былі жалобныя працэсіі. Гэта традыцыя, якая налічвае стагоддзі, сёння імкліва знікае. Часам яе яшчэ магчыма ўбачыць у малых населеных пунктах, ці наадварот — у большых, пры пахаванні вядомых асоб. Пахавальныя працэсіі найлепш зафіксаваны ў «рэпартажны» перыяд пахавальнай фатаграфіі, у 70—80-я гг., хоць вядомыя яны ва ўсе дзесяцігоддзі XX ст.

На фотаздымках мы можам убачыць усе тыпы працэсіі. Да традыцыйных можна аднесці тэя, дзе памерлага блізкія неслі на руках [3, LP-S-05-094-20-00425; LP-S-01-003-20-00371], ці ў больш раннім варыянце — на ручніках [10, с. 18, 43]. Савецкая жалобная працэсія звычайна адбывалася з выкарыстаннем аўтатранспарту. Звычайна, за поўнай адсутнасцю спецыяльных аўтамабіляў-катафалкаў, гэта былі грузавыя машыны з адкінутымі бартамі. Часам на іх побач з памерлым сядзелі найбольш блізкія сваякі. Такога кшталту працэсіі мы бачым на фота як у вясковым, так і ў гарадскім краявідзе. Трэба адзначыць, што не існуе якой-небудзь яснай карэляцыі паміж тыпам працэсіі і месцам ці часам пахавання. Ёсць фотаздымкі, якія фіксуюць савецкі тып працэсіі ў вёсках у 60-я гг. і традыцыйны тып працэсіі ў гарадах у 80-я гг. Можна меркаваць, што ўсё тут залежала ад матэрыяльных магчымасцей, аддаленасці могілак, жаданняў сваякоў. Нельга забывацца, што існавалі і змяшаныя варыянты, дзе адна частка дарогі магла пераадольвацца на руках, а другая — на машыне.

У перспектыве сацыяльнай гісторыі трэба памятаць, што цягам XX ст. адбываўся не толькі працэс пранікнення гарадской культуры ў вёску, але і вясковай у горад. Верагодна, немагчымаць прасачыць заканамернасці ў прынцыпах выбару таго ці іншага тыпу жалобнай працэсіі з'яўляецца, у тым ліку наступствам двух гэтых складаных працэсаў.

Могілікі. Пахавальныя фотаздымкі з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння беларускіх могілак. Культурны ландшафт гістарычных могілак імкліва змяняецца ў нашы дні з-за вырубкі дрэў; істотныя змены ён перажыў і цягам XX ст. з-за знішчэння помнікаў і сыходу ў нябыт традыцыі паста-

ноўкі драўляных надмагілляў. Усё гэта захоўваецца на фотаздымках, а разам з тым і многія дэталі памінальнай абраднасці ці асаблівасцей догляду за магіламі. Акрамя ўласна пахавальных фотаздымкаў, існавала традыцыя фатаграфавання з помнікамі сваіх блізкіх, якая таксама пакінула вельмі каштоўны пласт візуальнага матэрыялу.

Адным з ранніх узораў гэтай традыцыі з’яўляецца фотаздымак святара Паўла Вальнцэвіча каля магілы бацькі Канстанціна на пагосце царквы ў Вялікай Бераставіцы, зроблены ў 1908 г. [3, с. LP-S-04-059-20-00460]. Надмагілле яго выканана ў форме камля дрэва, помнікі такога тыпу дастаткова пашыраны ў Беларусі і ўбачыць іх можна і зараз. Для нас цікавей аздабленне надмагільнага насыпу: у галаве была пасаджана кветка, падобная на лілею, ніжэй драбнейшымі кветкамі высаджаны ўзор у форме праваслаўнага крыжа. Акрамя таго, на крыжы суседняга помніка мы бачым невялікі букецік кветак, прымацаваны да верхняй часткі перакладзіны. І першае, і другое — гэта забытыя сёння формы праявы жалобы і памяці пра пахаванага блізкага.

На іншых фотаздымках мы бачым, што гірлянды з галін і кветак, якімі ўпрыгожвалі труны з нябожчыкамі, таксама выкарыстоўвалі для аздаблення магіл — магільны насып акружалі імі так жа, як да гэтага акружалі труну [3, с. LP-S-05-094-20-00441]. Дзякуючы пахавальным фотаздымкам, мы маем лепшае ўяўленне пра спадчыну драўляных надмагільных помнікаў, колькасць якіх сёння імкніва скарачаецца. Яны традыцыйна прыцягвалі ўвагу даследчыкаў, чаго не скажаш пра драўляныя агароджы, якія амаль зніклі з беларускіх могілак [5]. Тут жа мы бачым і сляды традыцыйнай памінальнай абраднасці — яблыкі, прынесеныя на магілу.

У гэтым аглядзе пахавальных фотаздымкаў як крыніцы для вывучэння народнай культуры і сацыяльнай гісторыі беларусаў мы кранаем толькі найбольш яркавыя і заўважных момантаў, пра якія яны даюць інфармацыю. Побач з імі існуе незлічона колькасць дробных дэталю, якія ўзбагачаюць нашу разуменне азначаных тэм і чакаюць увагі пільнага даследчыка.

Высновы. Пахавальныя фотаздымкі з’яўляюцца найкаштоўнейшай крыніцай для вывучэння змен у пахавальных традыцыях беларусаў цягам XX ст. Яны захоўваюць многія дэталі, якія ці былі апісаны даследчыкамі ў агульных рысах, ці ўвогуле апынуліся па-за іхняй увагай. Паўнавартасная гісторыя пахавальных традыцый у Беларусі не можа быць напісана без гэтых візуальных крыніц, якія захоўваюць вялікі патэнцыял для будучых даследчыкаў. Разам з тым, пахавальныя фотаздымкі служаць каштоўнай крыніцай па сацыяльнай гісторыі беларусаў. Гэта крыніца для гісторыі сям’і і лакальнай супольнасці, ролі царквы ў грамадстве і працэсаў секулярызацыі, узаемапрапіннення вясковай і гарадской культуры і іншых аспектаў сацыяльнай культуры.

Літаратура і крыніцы

1. Апошні фотаздымак. — Мінск: Галіяфы, 2021. — 194 с.

2. Бойцова, О. «Не смотри их, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 327—352.
3. Калекцыя «Апошні фотаздымак» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://veha.by/lr>. — Дата доступу: 30.06.2021.
4. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь (далей — НГМРБ). — КП 53574/287. — С. Сіўко. На пахаванні маладой дзяўчыны. Любча. 1932—1939.
5. НГМРБ. — КП 54933/325. С. Сіўко. Група сваякоў каля пахавання Анастасіі Пахомаўны Белавусавай. Вёска Сенна. 1954—1956.
6. НГМРБ. — КП 54933/375. — С. Сіўко. Бацька каля труны з маленькай дачкой. Любча (?). 1939—1944.
7. НГМРБ. — КП 54933/380. — С. Сіўко. Група людзей рознага ўзросту на пахаванні Філімона Ануфрыевіча Шкляра. Вёска Сенна. 1961—1965.
8. НГМРБ. — КП 54933/393. — С. Сіўко. Група людзей на пахаванні жыхаркі в. Сенна Ганны Кандрацьёўны Каржанеўскай. 1961—1965.
9. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. — Мінск: Навука і тэхніка, 1986. — 613 с.
10. Раманюк, М. Беларускія народныя крывы / М. Раманюк. — Вільня: Наша Ніва, Дзяніс Раманюк, 2000. — 221 с.
11. Саўчанка, Н. І. Сава Сіўко. Фатаграф Любчанскага краю / Н. І. Саўчанка. — Мінск: Альціора Форте, 2019. — 312 с.
12. Сысоў, У. М. Духоўная спадчына Старадарожчыны: этнаграфічна-фальклорныя матэрыялы / У. М. Сысоў. — Мінск: Беларуская навука, 2006. — 150 с.
13. Jelski, A. «Wiankomania» i wogóle marnotrawstwo żałobne u nas / A. Jelski. — Petersburg: Drukarnia Edmunda Nowickiego, 1903. — 12 s.
14. Muzeum Narodowe w Warszawie. DI 34987. Meir, R. Katafalk z ciałem Elizy Orzeszkowej w saloniku jej mieszkania w Grodnie. 1910 r.
15. Narodowe archiwum cyfrowe. 1-U-1462. Grodno. Grób Elizy Orzeszkowej na cmentarzu katolickim. 1918—1939.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.07.2021

Ю. В. Нестерович,

старший научный сотрудник
Центра исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат исторических наук;
e-mail: nesterca.com@yandex.by

О РОЛИ И ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ НАУКАХ

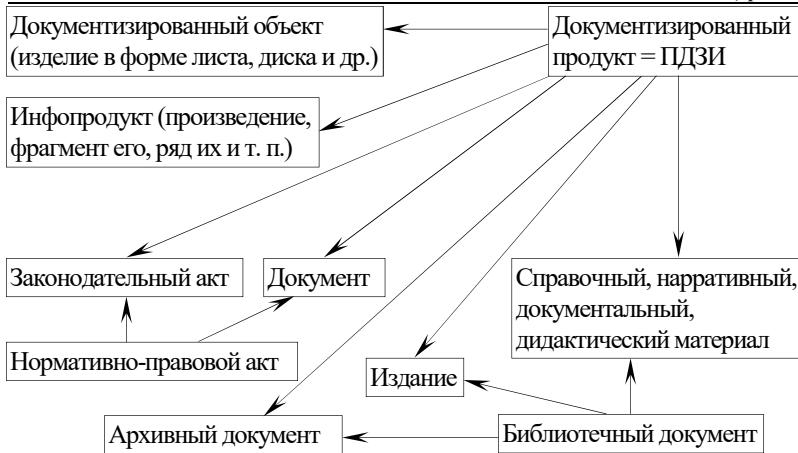
Ключевым аспектом в научном познании при формировании достоверных знаний является взаимосвязь результатов, полученных на эмпирическом и теоретическом уровнях исследования — выработка правил соответствия, системы конструктов для упорядочения эмпирического материала, совмещение эмпирических и теоретических понятий и т. д. В эпистемологии, логике, методологии науки обоснованы разные концептуальные вариации данного аспекта научного познания. Долгое время термин «конструкт (теории)» обозначал конструкт эпистемологии с «плавающим» объемом, употреблялся по отношению к терминам, высказываниям, ряду их. П. У. Бриджмен рассматривал теоретические конструкты моделями ситуаций, формируемыми через процедуры вывода. В. А. Штофф трактовал конструкт специфическим понятием, входящим в состав теории, играющим роль термина в ее высказываниях. Сегодня состояние трактовки конструкта в методологии науки остается далеким от экспликации понятия. Конструкты характеризуются «понятиями», формируемыми «в зоне перехода от эмпирического знания к концептуальному и обратно», выполняющими функцию «перевода между эмпирическим и теоретическими языками и логиками». Особенность их — отсутствие по отношению к ним требования «указания на конкретный денотат» [1]. В. С. Степин различает операциональные конструкты и конструкты, имеющие «внутритеоретические» связи, необходимые для построения теории, и «эпистемические» связи, «выходящие за пределы теоретического языка». В его концепции отсутствует определение конструкта; в ней четко проводится лишь одна эпистемологическая характеристика его — элемент теоретической схемы (причем им может являться и *эмпирический* конструкт), и логико-эпистемологическая характеристика — образуется относительно абстрактного объекта [2, с. 57—114].

В такой ситуации мы сформулировали определение понятия *конструкта теории и иной системы теоретических знаний*: представленная в теориях, теоретических основах элементарная единица научного познания, выступающая элементом БТС (базисной теоретической схемы) и моделей, выполняющая конструктивную роль (не смешивать с конструирующей) в

теории, функции связи между эмпирическими и теоретическими знаниями, достижения и сохранения целостности теории, формируемая преимущественно относительно не эмпирического объекта, представляющая собой: по глубине содержания — простое понятие, по степени определенности объема — недостаточно точное понятие (объем его не устоялся окончательно), по степени определенности содержания может иметь различную степень ясности. Признак репрезентирования и в теориях, и в теоретических основах области знаний выделяем *существенным* признаком понятия конструкта, поскольку в научном познании часто (это касается и ДИН (документально-информационных наук)) в отсутствии теории некоторого объекта, явления, процесса в системе знаний, терминируемой как «теоретические основы», предлагаются БТС и модели, формируемые посредством конструктов, связываемых с модельным объектом. При этом значимость логической функции конструктов возрастает по мере обобщения теоретических знаний, достигая предела при построении общих интертеорий. Параметр глубины содержания конструкта в дефиниции определен *предварительно* (но оставлен в силу существенности данного признака), уточнение его нуждается в весомом обосновании, коррелятивной оптимизации понятий простого и сложного понятия.

В плоскости использования конструктов в теоретических основах ДИН отметим широкое использование А. Е. Рыбаковым в теоретических основах архивоведения и документоведения инструментального конструкта ОАХ (объекта архивного хранения). Он обосновывает необходимость его использования *развитием понятийного аппарата* и релевантностью конструкта ОАХ описанию функционирования документов в условиях информатизации [3; 4; и др.]. Теоретическая продуктивность его введения вызвана недостаточностью использования в разрабатываемых в архивоведении теориях понятия архивного документа. Разработка теоретической модели, в которой модельным объектом выступает ОАХ, позволяет определять ПДЗИ (продукты деятельности с закрепленной информацией), выступающие *основным* ОАХ, а такая процедура практически продуктивна. Используемый А. Е. Рыбаковым конструкт ОАХ выполняет логическую функцию — дифференциации понятия архивного документа в целом. Из востребованности конструкта ОАХ для описания явлений и ориентирования в практической деятельности не вытекает, что он не может быть продуктивен и в не феноменологических (описательных) теориях.

В плоскости формирования конструктов в теоретических основах ДИН мы вводим конструкты ПДЗИ, документизированного объекта и продукта, инфопродукта [5]. Их введение позволяет сформировать БТС документологии — соотношения типов и видов ПДЗИ и его составных частей (представляем схематически):

В плоскости формирования конструктов в теориях ДИН отметим инструментальный объясняющий конструкт из концепции различения документа и записи, обосновываемой М. В. Лариным и О. И. Рысковым (которую они предполагают предпосылкой построения теории «документа организации» в рамках документационного менеджмента и, соответственно, управленческого документообращения) [6, с. 62—65]. Конструкт «являться доказательством деятельности организации или индивида в обществе» фундирует формирование теоретической модели документа, взятого модельным объектом при трактовке документа, релевантной дефиниции документа в ГОСТ Р ИСО 9000. Выходя при изложении за пределы данной концепции — в теоретические основы знаний о документальном фонде и в теорию документации, они дополняют понятие документа признаками «документы организации образуют документальный фонд», «группируются в дела». При переходе в плоскость теории электронного обмена информацией (понятийный аппарат ее представлен в ГОСТ Р 52292-2004) возникает необходимость (метатеоретическая задача) соотнесения теоретической модели документа в рассматриваемой концепции с моделью его в данной теории, а в ней документ определяется объектом информационного взаимодействия в социальной среде, предназначенным для формального выражения социальных отношений (по ГОСТ Р 52292). Такое соотнесение принимает вид позитивной теоретической схемы, учитывая возможность *частичного совмещения* данных моделей, поскольку в дефиниции документа в ГОСТ Р ИСО 9000 отражен *социотехнологический* аспект функционирования документа организации (по терминологии научного и нормативного дискурса Украины: служебного документа), а в теории электронного обмена информацией отражены *социальный* и *технологический* аспекты его (и это подчеркивают М. В. Ларин и О. И. Рысков).

В научном дискурсе представляются и «сырые» конструкты, имеющие логически (не фактически) пустое содержание, либо конструкты, языковое выражение которых нуждается в переформулировании. В теоретических основах документалистики В. Л. Носевич «ИР (информационный ресурс)» — база данных, веб-сайт и т. п. характеризуется «специфическим документом» — подвижным. «Состав информации» ИР «может произвольно изменяться (дополняться, удаляться)». При этом в состав ИР входят *отдельные документы*, характеризующиеся как «объекты документированной информации» [7]. Такой конструкт нерелевантен аппарату инфоресурсоведения (см. [8]). В словаре [9] употребляется оборот «целостный объект документированной информации» в качестве предметной характеристики в дефиниции документа. Документ предстает целостным объектом зафиксированной на носителе данных информации с идентифицирующими реквизитами. Такое изложение аналогично изложению о человеке (который полагается комплексом организма и личности) как целостном объекте личности. Полагаем конструкт «объекта документированной информации» сырым, не проясняющим, а затемняющим соотношения базисных понятий. Если согласовывать ее с концепцией различения документа и записи, обосновываемой М. В. Лариным и О. И. Рысковым [6], то документ (исходя из трактовки его в ГОСТ Р ИСО 9000, которой они придерживаются) — комплекс носителя данных и документированных данных (данных, значимых в процессе документирования), выступающих единством (пусть мысленно расчленимым) в документационных процессах.

В пояснении «делопроизводства» «циклическим технологическим процессом, объектом которого является служебный (организационно-распорядительный) документ, реализующий ту или иную управленческую функцию» [10], в наличии описательный конструкт, выражаемый оборотом «циклический технологический процесс» и формируемый относительно теоретического объекта, формируемого в результате изолирующего абстрагирования. Делопроизводство выступает *эмпирическим* объектом в качестве совокупности работ, процедур, актов деятельности специальной службы, либо системы их (исходя из того, что такие системы возникают при применении системного подхода к данным совокупностям). При пояснении делопроизводства технологическим процессом оно предстает уже теоретическим объектом. Поскольку этот процесс мыслится не просто совокупностью работ, а исходя из оптимальной предметной характеристики термина «инфотехнология» — комплексом методов, приемов и технических средств. Приведенное пояснение соответствует конституированию ДД (документной деятельности) составной частью технологии управления учреждением/организацией, но не процессом *производства*. Оно неточно, объектом документационных процессов выступает и информация, документация, документопоток.

В ГОСТ Р 7.0.8-2013 внесены дефиниции, охватывающие по одному существенному отличительному признаку каждого понятия: «документаци-

онное обеспечение, ДОУ — деятельность, целенаправленно обеспечивающая функции управления документами», «управление документами — деятельность, обеспечивающая реализацию единой политики и стандартов по отношению к документному фонду организации». Такой охват и краткий формат дефиниции не дает даже краткого представления о БТС и моделях и многообразии конструктов, используемых в ТУДО (теории управления документацией в организациях). Допустим, выбор взятых признаков в них принципиально значим и удачен для практики документационного менеджмента. Однако формулировки дефиниций далеко не безукоризненны. В первой дефиниции даже второй дефиниендум — «ДОУ» — усечение, поскольку из дефиниенса в ней *однозначно* вытекает необходимость взятия полным вариантом термина «ДОУ документами». Взятые в ГОСТ Р 7.0.8 *усечения вуальруют противоречивость концептуализации* (по ГОСТ получается: такая — управленческообслуживающая ДД — обеспечивает выполнение именно администрированием ДД его функций и, прежде всего, реализацию единой политики документообразования; между тем, такая ДД, хотя отчасти и обеспечивает процесс администрирования ДД, но в целом она обеспечивает управление деловой деятельностью организации, а администрирование ДД обеспечивает плановность и эффективность такой ДД). Выделенный нами полный вариант термина, напротив, рельефно выражает данную противоречивость. Неточным является использование термина «документальный фонд», который отсылает к БТС фондообразования в архивоведении.

М. В. Ларин при раскрытии «перехода к концептуально новому способу работы с документами в организациях — управлению документацией» выделяет «систему управления полным комплексом инфо-документационных ресурсов» [11]. Функционирование документации — «ресурса управления» — в условиях информатизации основано на широком использовании АСУ документацией. В ИСО 15489-2001 излагается: СУД (система управленческой документации) позволяет создать *инфоресурс* деловой деятельности. Изъяном выступает взятие к понятиям ДОУ и управления документацией *предельно далекого* логического рода, выраженного термином «деятельность», хотя в литературе по документоведению используется ряд характеристик, выражающих близкие логические роды, в том числе не предполагающие отнесение к делопроизводству и ДОУ лишь процессуальных элементов: «специфическая сфера в инфосреде» (А. Н. Сокова), «отрасль, сфера практической деятельности» и др.

А. Е. Рыбаков, обходясь без применения системного подхода, выделяет частями и элементами делопроизводства документирование, документооборот, средства, методы, способы документирования [12, с. 16—17]. Тем самым, он исходит из характеристики делопроизводства *сферой* практической деятельности. Конструкты средств, методов, способов документирования — инструментальные конструкты, востребованные для формирования

теоретической модели делопроизводства. В [13] основными элементами «системы делопроизводства, системы ДОУ» выделяются нормативно-методическая база, персонал, инфомассивы (базы данных архива учреждения и др.), техника и технология работы с документами. Делопроизводство здесь моделируется не только *социоинфотехнологической, а и технико-технологической системой*. Мы полагаем в рамках метатеоретического трансдисциплинарного анализа, что выделение элементом делопроизводства *технических* средств документирования методологически продуктивно в рамках теории делопроизводства, но при переходе к экстенсивно более общей теории, увеличивающей методологическую общность исследования (а такой теорией выступает ТУДО), в которой модельным объектом выступает не только делопроизводство, а и проектируемая документная система, такое включение ведет к несоразмерности включения одного модельного объекта теории — документной системы — в состав других модельных ее объектов — систем ДД, по характеру — социоинфотехнологических систем, в том числе системы, в которой на первый план выходит управление документацией в качестве администрирования ДД. Исходя из наиболее влиятельной теории управления, разрабатываемой А. Файолем (в ней выделяется шесть групп операций, выполняемых на предприятии, в том числе административные (они составляют особую функцию управления) и технические, а администрирование составляет особую область управления — управление персоналом, но касается и иных областей), администрирование ДД охватывает не только распределение полномочий, распространение указаний и т. п., но и администрирование специализированных систем и т. п. Однако и при такой трактовке предметное значение «администрирования ДД» уже объема понятия управления документами в ИСО, ГОСТ Р ИСО, СТБ ИСО; в них в его объем включена и обслуживающая деятельность — «по предоставлению ряда услуг».

Междисциплинарная проекция формирования БТС, соотносящей понятия этих систем, охватывающая знания документоведения, документалистики, инфоменеджмента, теории управления, системологии, показывает, что выделение элементом делопроизводства *технических* средств документирования методологически продуктивно в *рамках теории делопроизводства, но при переходе к экстенсивно более общей теории, увеличивающей методологическую общность исследования — ТУДО*, в которой модельным объектом выступает не только делопроизводство, а и проектируемая документная система, такое включение ведет к несоразмерности включения одного модельного объекта теории — документной системы — в состав других модельных ее объектов — систем ДД.

М. В. Ларин в его варианте ТУДО использует для обозначения технико- и инфотехнологической системы, автоматизирующей процессы ДД, термин «система управления документооборотом». Ближайший род к понятиям делопроизводства и ДОУ он выражает термином «СРД (система работ с

документами)»; к понятию администрирования ДД, обозначаемому «управление документацией», ближайшим родом он упоминает выражаемое оборотом «область общего административного управления» понятие из издания «Словарь международной архивной терминологии» (М., 1984). М. В. Ларин различает ДОО организацией и делопроизводство разными способами, в том числе и по степени использования «инфотехнологической составляющей при работе с документами». Данный критерий и системный конструкт «инфотехнологического» компонента (аспекта) ДД выполняют в ТУДО логическую функцию. Ключом для устранения противоречий описания явлений ДД представляется дополнение ТУДО онтолого-теоретическими знаниями: системы ДД в форме делопроизводства, ДОО, СУД, СУДР (системы управления документационными ресурсами) по характеру *социоинфотехнологические* — в них использование инфотехнологий в практической деятельности направлено на обеспечение социоуправления, а системы, терминируемые в ИСО, ГОСТ Р, СТБ «документная система» и синонимично с этим «СУД», по характеру *техничко-инфотехнологические* — они интенсифицируют, автоматизируют процессы ДД. Исходя из этого, включение технических элементов в модель документной системы делает несоразмерным включение их и в состав системы ДД. Документная система (СУД) в ИСО и ГОСТ Р ИСО 15489 — объект документационного менеджмента, который по своей сущности инфотехнологической и технико-технологической СУД (на это явно указывает п. 8.3.5, в котором ДС целиком отождествляется с автоматизированной инфосистемой). М. В. Ларин по отношению к *системе ДД*, приходящей на смену делопроизводству и ДОО, употребляет и *термин «СУД»*, а не только вводящую в полисемию терминоподдиницу «управление документами», которая выступает при обозначении системы ДД *усечением* последнего термина. На предельном уровне теоретических обобщений в ТУДО применение системного подхода становится методологически мощным и необходимым. Вместе с этим системный подход необходим в практике инфоменеджмента для осуществления «целостного системно ориентированного» процесса обработки информации [11, с. 155, 193—194, 233—239, 258—263].

В ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 термин «СУД» употребляется омонимично по отношению к значению его новой системы ДД, необходимой в условиях информатизации. Из дефиниции: «документная система, СУД — инфосистема, обеспечивающая сбор документов (включение документов в СУД), управление документами и доступ к ним в течение времени» (кстати, это *противоречивая формулировка; непротиворечивая достигается* заменой «СУД» в дефиниенсе на слово «система», что сделано в СТБ ISO 15489-1-2016) не вытекает наличие *социоуправленческого* аспекта документной системы. Тем самым, в двух стандартах — ГОСТ Р 7.0.8 и ГОСТ Р ИСО 15489 в наличии *омонимия* термина «управление документами», а в последнем сверх этого и полисемия его. В стандартах ИСО серии 9000 «управление докумен-

тацией» характеризуется «частью системы менеджмента качества, самостоятельным процессом организации», выполняющим «основную функцию менеджмента», полагается системой взаимосвязанных процессов по документированию и организации работ с документами.

Изучая развитие ТУДО, М. В. Ларин выделяет две основные трактовки управления документацией:

1. В работах Ф. Хортона, К. Леннона, К. Хара, Д. Маклеода и др. это — функция менеджмента в организациях, распространяемая на весь жизненный цикл документов, т. е. администрирование ДД.

2. В работах М. Бакленда, Д. О. Стефенса, Дж. Роудза и др. это — практическая ДД, т. е. создание, хранение документов, передача их на постоянное хранение и его обеспечение.

Такая полисемия модифицируемого термина «управление документацией» закрепляется и в стандарте ИСО 15489-2001: в дефиниции управления документами он обозначает ДД, обеспечивающую деловую деятельность организации, а в разделе 4 «Преимущества управления документами» обозначает администрирование ДД в форме ее регулирования.

В советском документоведении в рамках документной систематики А. Н. Сокова полагала «целесообразной замену понятий «делопроизводство», «делопроизводственное обслуживание» и т. п. понятиями «управление документацией», «документационное обслуживание» (здесь несоразмерное изложение, соразмерно говорить о трансформации СРД, замене термина в новом стандарте). При этом основное отличие управления документацией от делопроизводства она обосновывала в введении механизма контроля за объемом и качеством создаваемых документов. Используя объясняющий конструкт, она поясняла; что «работы с документацией» выполняют функцию «организации процессов управления». Вследствие *расплывчатости* конструкта функции организации процессов управления он не мог выполнять логическую функцию. Управление документацией представляло СРД, в которой значительно *усиливались управленческие функции*. М. В. Ларин показал противоречивость при такой модели характеристики «управления документацией» системой работ (при применении системного подхода — СРД). Когда «управление документацией» раскрывается им не СРД, а «системой управления полным комплексом инфо-документационных ресурсов на всех стадиях жизненного цикла документов при достижении стратегических и оперативных целей управления в любых организациях» [11, с. 152—153]. Использование им инструментального конструкта управления полным комплексом инфо-документационных ресурсов выполняет логическую функцию в ТУДО, позволяя устранять противоречия, связанные с демаркацией делопроизводства, ДОУ и управления документацией. При этом необходим ряд метатеоретических коррективов, устраняющих противоречия в изложении им ТУДО:

1. Понятие «системы управления полным комплексом инфо-ДР (документационных ресурсов) ...» соразмерно предметной характеристике объекта, «системой» следует терминировать «СУДР», а не «управление документацией», это заодно снимает полисемию последнего термина, которым обозначается именно администрирование ДД.

2. СУД охватывает техническую и административную деятельность учреждения, при этом управление документацией входит в систему управления учреждением (в отличие от СРД, в которой управление документацией не развилось до уровня необходимости такого вхождения).

3. Управление документацией рассматривается компонентом СУД при применении документного подхода (данный подход описывается Е. А. Плешкевичем); рассматривается частью системы управления учреждением при применении менеджментного подхода (придерживается его основ, обосновываемых Файолем).

Расплывчата характеристика делопроизводства «формой управления» [14, с. 26—28]. Объясняющий конструкт представлен при этом простым понятием. СРД оптимально характеризовать как подсистему управления деятельностью учреждения/организации. Инфотехноработы и процедуры представляются соразмерным рассматривать средством принятия и реализации управленческих решений, но не аспектом управления персоналом. Конституирование их аспектом УД (управленческой деятельности) противоречит характеристике делопроизводства как ДОУ. При конституировании аспектом УД («формой управления») не только организация, но и технология ДОУ, различение ноэм управления и УД нивелируется. Их соразмерно рассматривать формами управления организацией.

При выработке М. В. Лариным в рамках ТУДО модельного объекта, описываемого как «системы управления полным комплексом инфо-ДР ...» и обозначенного им «управление документацией» (который при непротиворечивой корреляции понятий следует терминировать «СУДР»), предпринимались попытки оптимизации термина «делопроизводство» через его модернизацию — «современное делопроизводство», замену его термином «управление документацией», введение нового термина — «система работ с документами». И в развитии, и в оптимизации понятия ДОУ через ряд СОП М. В. Ларин неоднократно исходит из разных соотношений рассматриваемых понятий. Характеризует «делопроизводство» как «технический термин». «ДОУ» поясняет как совпадающий с ним по объему термин, подчеркивающий не технический аспект СРД (системы работ с документами), выступающий синонимом «международного термина» «управление документами». Различает в соответствии с критерием уровня организации работы с документами обычай, делопроизводство, ДОУ, управление документами, инфоменеджмент. Поясняет «делопроизводство» как «систему норм и правил, по которым работает аппарат управления с документами», «систему инструк-

ций, нормативов, регулирующих процессы обработки документов». «ДОУ» — как «инфопроцесс», работу, «связанную с извлечением информации из документов и обеспечивающую выполнение управленческих функций с помощью этой документированной информации». При таком пояснении понятие ДОУ предстает контаминацией понятий инфообеспечения и документационного обслуживания управления. «Управление документами» раскрывает включающим в себя «комплекс операций в течение всего жизненного цикла документа» [11; 15; 16]. Данное раскрытие определенно противоречит развиваемому им концепту этапов делопроизводства (выделению историческими формами российского делопроизводства — приказного, коллежского, советского делопроизводства). Если исходить из того, что данное раскрытие дается им в рамках теории СУД, то в соответствии с ним термины «делопроизводство», «ДОУ», «управление документами» выступают меронимами по отношению к термину «СРД» (и «СУД»). Первый термин в его построениях наделяется различным значением, доходящим до омонимии; «гиперузкая» трактовка делопроизводства — «регламент, правила, условия, конструкции», «жестко определяющий порядок работы с документами» (при неясной *логической* характеристике понятия вследствие использования функтора «в большей степени»: оно «в большей степени формальное понятие»). Имеет место и маргинальная трактовка делопроизводства — «дела и документы» (т. е. даже не как ведение канцелярских дел). ДОУ обосновывается как СРД. Термин «ДОУ» «характеризует переходную стадию от традиционного делопроизводства к управлению документацией». Суть ДОУ заключается в «обеспечении процесса управления (принятия решения) документированной информацией». Тем самым, при данном обосновании ДОУ делопроизводство выступает уже не системой нормативов, а стадией СРД. С другой стороны, данное очерчивание сути ДОУ «не позволяет» конституировать его как СРД (оно предстает осуществляющимся документационным обеспечением (не обслуживанием) УД организации либо управления учреждением). Применяя функциональный подход, М. В. Ларин таксономически противопоставляет делопроизводство в качестве технической функции управления, и ДОУ в качестве обеспечивающей (иначе вспомогательной) функции управления.; управление документацией характеризует «полноценной управленческой функцией организации» [11, с. 156; 17], позднее — «основной функцией менеджмента» в условиях информатизации [18, с. 95]. Заметим, что управление документацией приемлемо рассматривать функцией учреждения/организации, если выделять функции менеджмента не в зависимости от составных частей любого процесса управления, а в зависимости от особенностей объекта управления, наряду с функциями управления трудом, управления персоналом и т. д. Использование им конструкта функции управления выполняет логическую функцию при моделировании делопроизводства, ДОУ и СУДР.

Оптимизация понятий и терминов и использование объясняющих конструкторов — «функция менеджмента» и другие понадобились М. В. Ларину для обоснования концепции системного усложнения ДООУ, и в целом для формирования БТС и моделей, составляющих основу ТУДО (имея потенциал построения более общей теории — теории СРД). Требование логической непротиворечивости является одним из основных требований, предъявляемых к научной теории. В рассматриваемой теории оптимизация терминов и понятий, использование конструкторов позволяют разграничивать объем и уточнять особенности делопроизводства, ДООУ и управления документацией в качестве СРД. Вместе с этим, придерживание формируемых БТС позволяет четко установить изменение задач и функций органов управления архивным делом в сфере делопроизводства и их переориентации в сфере управления документацией.

Развивая построения теории делопроизводства О. Загорейской, С. Г. Кулешова, А. Е. Рыбакова и ТУДО М. В. Ларина на основе междисциплинарного синтеза и построения общей интертеории, даем абрис теоретической модели систем ДД с онтолого-теоретическим компонентом: они являются социоинфотехнологическими системами, в них использование инфотехнологий в практической деятельности направлено на обеспечение социоуправления. В делопроизводстве и ДООУ управленческая функция реализуется на уровне (воспользовавшись оборотом А. Н. Соковой) «организации управления», а в СУДР на первый план выходит администрирование ДД.

Л и т е р а т у р а

1. Абушенко, В. Л. Конструктор // Социология. Энциклопедия / сост.: А. А. Грицанов [и др.]. — Минск, 2003.
2. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М.: Прогресс — Традиции, 2000. — 743 с.
3. Рыбаков, А. Трансформация представлений об объекте архивного хранения в условиях информационного общества / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2019. — № 4.
4. Рыбаков, А. Е. Международный форум по актуальным проблемам управления электронными документами / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 1.
5. Несцярковіч, Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Том I: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии / Ю. В. Несцярковіч. — Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2010. — 312 с.
6. Ларин, М. В., Рысков, О. И. Управление документами на основе международного стандарта ИСО 15489-2001. Метод. пос. — М.: ВНИИДАД, 2005. — 110 с.
7. Носевич, Л. Доказательная сила архивных электронных документов / В. Л. Носевич // Архивы и делопроизводство. — 2018. — № 3.
8. Несцярковіч, Ю. В. К оптимизации и экспликации понятия «информационный ресурс» в ракурсе развития документологии / Ю. В. Несцярковіч // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2020. — № 11. — С. 9—17.

9. Электронный документооборот: термины и определения. — Минск: БелНИИДАД, 2015. — 36 с.
10. Лихачев, М. Т. Методы совершенствования делопроизводственных процессов / М. Т. Лихачев // Советские архивы. — 1984. — № 3.
11. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин. — М.: Научная книга. 2002. — 288 с.
12. Рыбаков, А. Е. Основы делопроизводства. Учеб. пос. / А. Е. Рыбаков. — Минск, 2007.
13. Оксюта, А. А. Алгоритм разработки системы документационного обеспечения управления / А. А. Оксюта // Документация в инф. обществе: унификация и стандартизация межведомственного и корпоративного документооборота: Докл. и сообщ. на девятой междунар. науч.-практ. конф. 5—6 декабря 2002 г. — М., 2003.
14. Илюшенко, М. П., Кузнецова, Т. В., Лившиц, Я. З. Документоведение. Документ и система документации. Уч. пос. — М., 1977.
15. Ларин, М. В. Поиск оптимальной модели системы управления документацией в России / М. В. Ларин // Документация в инф. обществе. Междунар. опыт управления документами: Докл. и сообщ. на XVII междунар. науч.-практ. конф. 25—26 ноября 2010 г. — М., 2011.
16. Ларин, М. В. Государство и эволюция систем управления документацией / М. В. Ларин // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и тез. выст. на третьей Всерос. конф. 25—26 февраля 1999 г. — М., 1999.
17. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 05.25.02 / М. В. Ларин; ВНИИДАД. — М., 2000. — 37 с.
18. Ларин, М. В., Рысков, О. И. Электронные документы в управлении: науч.-метод. пос. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2008. — 110 с..

Артыкул поступил в редакцию 24.02.2021

С. А. Елизаров,
*профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого,
доктор исторических наук, профессор;
e-mail: sergeyelisarov@mail.ru*

ИСПОЛКОМЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ БССР 1943—1945 гг.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Вопросы структуры местных советских органов государственной власти и управления, ее динамики в зависимости от исторического времени и важнейших стратегических и тактических задач, определявшихся высшим союзным партийно-советским руководством, в белорусской историографии практически отсутствуют в отличие от подобных исследований в отношении органов республиканского уровня. Среди значимых работ можно только выделить подготовленное еще в 1970-е гг. белорусскими правоведами-историками двухтомное фундаментальное исследование «История государства и права Белорусской ССР». В частности, во втором томе, несмотря на разбросанность по тексту и фрагментарность изложения, в кратком виде перечисляются основные изменения в системе отделов, управлений и комитетов исполкомов местных Советов БССР после 1937 г., в том числе и в 1943—1944 гг. [1].

Между тем сама структура исполкомов местных Советов как непосредственных исполнителей всех решений вышестоящих партийных и государственных органов реально показывает основные сферы ответственности местной власти, а динамика изменений этой структуры — динамику изменений приоритетов развития советского общества. И сегодня степень важности той или иной сферы деятельности в представлениях тогдашнего высшего руководства СССР можно в значительной степени определить наличием (или отсутствием) специальных органов руководства ими (временных, чрезвычайных или постоянных).

Автор в представленной статье предпринял попытку показать изменения структуры исполкомов местных Советов БССР в 1943—1945 гг. в их связи с решением неотложных восстановительных задач на освобожденных белорусских территориях, а также выявить структуру областных, городских и районных исполкомов (отделов, управлений и комитетов).

Восстановление довоенной системы местных органов власти и управления проходило по мере освобождения территории БССР от нацистской оккупации. Первоначально эти функции выполняли областные, городские и районные оперативные партийно-советские группы, которые по мере продвижения линии фронта на запад передавали власть исполкомам Советов [1, с. 180]. Несмотря на то что структура исполкомов в основном сохранялась в довоенном виде, в ней в 1943—1945 гг. появились новые подразделе-

ния, напрямую связанные с восстановительными процессами в условиях продолжавшейся войны.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» в СССР начинают формироваться отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. ЦК ВКП(б) указывал на большое количество жалоб от семей военнослужащих на нарушения законов о порядке выплаты пособий и пенсий, о непредоставлении им предусмотренных законами льгот по налогам и по обязательным поставкам, жилищных льгот, а также «о фактах бездушно-бюрократического отношения местных партийных и советских органов к их материально-бытовым нуждам». Работе органов социального обеспечения и комиссий по назначению пособий при исполкомах была дана негативная оценка («безответственное отношение», «расхищение средств», «многочисленные нарушения» и т. п.).

Понимая огромное значение выполнения законов о пособиях и льготах семьям военнослужащих в вопросе укрепления боевого духа Красной Армии, функции государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих передавались новым специальным органам: при СНК союзных республик — управлениям, а при исполкомах областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся — отделам по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Они должны были заниматься обеспечением пособиями и пенсиями семей военнослужащих, их трудовым устройством, рассмотрением заявлений и жалоб и принятием по ним необходимых мер, следить за соблюдением установленных для них законом льгот [2, л. 6—9].

В БССР первоначально бюро ЦК КП(б)Б 27 июня 1943 г. приняло решение о создании до освобождения территории БССР только управления по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при СНК БССР (существенное дополнение, учитывая размах партизанского движения на белорусских территориях — «и партизан»). А уже по мере освобождения белорусских территорий 12 октября 1943 г. совместным постановлением СНК БССР и ЦК КП(б)Б отделы по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан создавались и при областных, городских и районных исполкомах, первоначально — в Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областях [3, л. 43, 167—169]. С завершением Великой Отечественной войны и демобилизацией военнослужащих, возвращением их в семьи к мирной жизни необходимость в таких специальных структурах ослабла, и в 1946 г. отделы вошли в состав областных и районных отделов соцобеспечения.

Крайне сложной была ситуация с жильем и культурно-бытовыми помещениями на селе. Нацистская оккупация, военные действия на террито-

рии Беларуси привели к огромным разрушениям: было сожжено и разрушено в сельских районах БССР 414 992 жилых домов и 533 тыс. хозяйственных построек колхозников, 154 900 производственных и хозяйственных построек колхозов, 23 тыс. административных и культурно-бытовых зданий [4, л. 53]. 14 ноября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О неотложных мерах помощи по восстановлению и строительству жилищ колхозников, рабочих и служащих освобожденных районов Могилевской, Гомельской, Полесской и Витебской областей Белорусской ССР» [5, с. 449—450].

На 1 мая 1945 г. в республике восстановили и построили около 130 тыс. жилых домов колхозников, рабочих и служащих, 10 462 средних и начальных школ, 2545 больниц и медпунктов. Вместе с тем ситуация оставалась крайне тяжелой: большое количество семей колхозников продолжало жить в землянках, сараях, подвалах и других временных сооружениях. Строительство на селе проводилось «неорганизованно, самотеком, без достаточного руководства, при отсутствии надлежащей системы управления сельским строительством». Местным руководством восстановление жилья колхозников считалось «делом только самих колхозников, которые лишились домов», а колхозы не оказывали «помощи застройщикам выделением рабочей силы, транспорта на строительство», созданием строительных бригад [4, л. 54—55].

13 июня 1945 г. СНК СССР одобрил постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по восстановлению и строительству жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах и культурно-бытовых зданий в селах Белорусской ССР» [3, л. 52—75]. «Восстановление и строительство жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах, а также культурно-бытовых зданий на селе и создание тем самым нормальных условий роста производительности труда и улучшения жизни населения» определялось «важнейшей государственной задачей». В качестве одной из мер по решению этой проблемы «для руководства работами по строительству производственных и культурно-бытовых зданий на селе, планировке и застройке сельских населенных пунктов» и стало образование при СНК БССР и облисполкомах управлений по делам сельского и колхозного строительства, а при райисполкомах — отделов сельского и колхозного строительства.

С выходом Красной Армии за пределы границ СССР и началом освобождения Европы от нацизма на Родину стали возвращаться сотни тысяч советских граждан, оказавшихся за границей. Постановлением СНК СССР от 4 октября 1944 г. эта работа возлагалась на Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран, которым был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков. 25 декабря 1944 г. Ф. И. Голиков указал председателям СНК союзных республик на необходимость организации областных и районных приемно-распределительных пунктов для приема и размещения репатриантов, обеспечения их питанием,

медицинским и санитарным обслуживанием, а особо нуждавшимся — обувью, одеждой, бельем и деньгами. После этого решением СНК БССР от 15 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан» ранее функционировавший при СНК БССР отдел по приему и трудовому устройству советских граждан был преобразован в отдел по делам репатриации при СНК БССР, а на местах создавались приемно-распределительные пункты [6, с. 55, 126—127, 369]. Одним из первых такой пункт из расчета пропуска в сутки 300 человек был образован решением Гомельского облисполкома от 5 февраля 1945 г. [7, л. 11].

Уже на основе этих приемно-распределительных пунктов в целях организованного приема и трудоустройства репатрируемых, налаживания учета угнанного и возвратившегося населения постановлением СНК БССР от 30 мая 1945 г. при облисполкомах летом 1945 г. стали создаваться отделы по делам репатриации граждан СССР. На 1 августа 1945 г. по предварительным данным из 399 374 граждан БССР, угнанных и добровольно выехавших на работы в Германию, возвратилось около 100 тыс. [6, с. 369—371]. Отделы (с 1946 г. — отделы по делам переселения и репатриации) были ликвидированы согласно постановлению Совета Министров СССР от 27 апреля 1953 г.

Для мобилизации населения на решение первоочередных задач восстановления народного хозяйства, набора рабочих для различных отраслей промышленности и сельского хозяйства постановлением СНК СССР от 5 ноября 1942 г. при СНК СССР создавался Комитет по учету и распределению рабочей силы, а СНК союзных республик разрешалось образовывать соответствующие бюро при СНК и облисполкомах [8]. В БССР такие бюро при облисполкомах стали создаваться после принятия постановления СНК БССР от 15 февраля 1944 г. [9, л. 12]. Они должны были заниматься организацией и проведением мобилизации трудоспособного населения для работы в различных отраслях народного хозяйства на основе заявок наркоматов, привлечением трудоспособного населения к трудовой повинности, перераспределением рабочей силы между отраслями народного хозяйства и наркоматами.

С необходимостью решения задач восстановления народного хозяйства республики с началом освобождения ее территории от нацистской оккупации было связано и образование специальных структур, регулирующих архитектурную сферу. В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 сентября 1943 г. при СНК СССР создавался Комитет по делам архитектуры, при СНК союзных республик — управления по делам архитектуры, при облисполкомах — отделы по делам архитектуры, в городах (по особому списку) вводились должности городских архитекторов [10].

Совместным постановлением ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 21 декабря 1943 г. «в целях повышения качества архитектуры и в особенности в целях обеспечения государственного руководства архитектурными и планировочными работами по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками

городов и населенных пунктов» такие органы руководства архитектурным делом создавались и в БССР. В сферу ответственности новых структур входило утверждение проектов планировки и застройки городов и населенных пунктов, государственный архитектурно-строительный контроль качества застройки городских поселений, а также разработка и утверждение типовых проектов для массового гражданского и жилищного строительства, руководство делом охраны и реставрации памятников архитектуры [3, л. 313—314].

Постановлением СНК СССР от 9 января 1944 г. «О транспортном освоении малых рек» «в целях развития судоходства на малых реках или обслуживания приречных колхозов, совхозов и промышленных предприятий» при СНК союзных республик и облисполкомах создавались управления по освоению и эксплуатации малых рек [11]. В БССР эти управления появились летом 1945 г. с задачей максимально задействовать для восстановления народного хозяйства потенциал малых рек, озер и искусственных водных путей [12, с. 23]. В 1953 г. облуправления вошли в состав облотделов дорожного и транспортного хозяйства.

С решением восстановительных задач также было связано появление новых органов государственного руководства полиграфией и издательствами. Постановлением СНК СССР от 22 июня 1944 г. «в целях обеспечения государственного руководства развитием издательского дела и восстановлением полиграфических предприятий в городах и районах БССР, освобожденных от немецких захватчиков» при СНК БССР создавалось Управление по делам полиграфии и издательств [13]. А уже решением СНК БССР от 27 декабря 1944 г. отделы полиграфии и издательств создавались и в облисполкомах.

Для улучшения снабжения городского населения продуктами питания постановлением СНК БССР от 29 июня 1945 г. при горисполкомах областных центров создавались сельскохозяйственные отделы, которым поручалось заниматься организацией подсобных хозяйств учреждений и предприятий, предоставлением земельных участков под огороды для городских жителей [9, л. 239].

Постановлением СНК СССР от 24 апреля 1945 г. в связи с необходимостью быстрее восстановления сети культурно-просветительных учреждений было разрешено создать при СНК БССР на правах наркомата Комитет по делам культурно-просветительных учреждений, при областных и городских исполкомах — отделы культурно-просветительной работы, при райисполкомах — штат инспекторов культурно-просветительной работы (с октября 1945 г. — райотделы). Эти новые структуры должны были осуществлять руководство всей сетью государственных культурно-просветительных учреждений (библиотеками, музеями, избами-читальнями, домами культуры, клубами, лекционными бюро, парками культуры и отдыха), контролировать учебные заведения, готовившие для них кадры, и работу библиотек и клуб-

ных учреждений всех ведомств [14]. Для реализации этого постановления было принято соответствующее постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 15 мая 1945 г. [1, с. 181; 7, л. 45].

В 1943—1945 гг. в БССР в структуру облисполкома входили: плановая комиссия, отделы — общий, организационно-инструкторский, секретный, финансовый, земельный, местной промышленности, местной топливной промышленности, коммунального хозяйства, торговли, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, дорожный, мелиорации, по делам искусств, полиграфии и издательств, по делам архитектуры, по делам репатриации граждан СССР, автомобильного транспорта, культурно-просветительной работы, по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан; управления — автомобильного транспорта, жилищное, по делам сельского и колхозного строительства, по транспортному освоению и эксплуатации малых рек, юстиции Наркомата юстиции БССР, по делам литературы и издательств Главного управления по делам литературы и издательств при СНК БССР, кинофикации Управления кинофикации при СНК БССР; комитеты — по делам физкультуры и спорта, по радиофикации и радиовещанию; бюро по учету и распределению рабочей силы, госарбитраж. В ряде случаев по необходимости создавались отделы или управления легкой, пищевой, лесной промышленности.

Кроме того, в областях и районах действовали различные органы, непосредственно подчиненные союзным и республиканским органам: областные управления (статистики ЦСУ Госплана СССР, трудовых резервов Белорусского республиканского управления трудовых резервов СНК БССР, НКВД и НКГБ), уполномоченные от Наркомсвязи СССР при СНК БССР, Наркомата заготовок СССР по БССР, по делам православной церкви, по делам религиозных культов и т. п.

В свою очередь сами структурные подразделения облисполкома сохраняли исключительную степень дробления и узкую специализацию. В наибольшей степени это касалось земельного отдела, в составе которого находились 8 управлений и 8 отделов. Каждое созданное в 1945 г. областное управление по делам сельского и колхозного строительства включало 6 отделов, секретную часть, облсельстройтрест со строительными бригадами, а также проектное бюро с выездными бригадами (на хозрасчете). Облторгдел торговли насчитывал 7 отделов, финансовый отдел — 7 секторов, народного образования — 4 сектора, областная плановая комиссия — 4 отдела [15, л. 60—75].

В структуру райисполкома входили плановая комиссия, отделы финансовый, народного образования, культурно-просветительной работы, здравоохранения, социального обеспечения, земельный, торговый, дорожный, коммунального хозяйства, гособеспечения и бытового устройства семей

военнослужащих и партизан, сельского и колхозного строительства, комитет по физкультуре и спорту, группа по мелиорации.

Аналогичным образом (вместо земельного отдела — жилищное управление) выглядела и структура городских исполкомов (с дополнением сельхозотделов в исполкомах областных центров). Исполкомы поселковых и сельских Советов состояли из председателей, секретарей и счетоводов.

Таким образом, в 1943—1945 гг. при сохранении в основном прежней структуры местных исполкомов создавались новые управления и отделы как средство для решения задач, порожденных войной, и восстановления экономики и социальной сферы. Эти меры соответствовали представлениям партийно-советского руководства об организационном факторе как обязательном и эффективном средстве успешной реализации партийно-государственных директив. Сохранялась высокая степень дробления аппаратов исполкомов местных Советов, их узкая специализация. Несмотря на дефицит финансовых средств, структура аппарата исполкомов была ориентирована на осуществление постоянного и всеобъемлющего контроля и строгую вертикальную подчиненность: чем более был узкоспециализирован орган управления, тем он (по господствовавшим тогда представлениям высших кругов партийно-советской номенклатуры) в большей степени был в состоянии этот контроль осуществлять.

Источники и литература

1. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / ред. кол.: С. П. Маргунский [и др.]; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. — Минск: Наука и техника, 1976. — Т. 2 (1937—1975). — 655 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). — Ф. 144. Оп. 1. Д. 8.
3. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 4.
4. ГАООГО. — Ф. 144. Оп. 1. Д. 29.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3. 1933—1945 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под ред. Г. Г. Бартошевича [и др.]. — Минск: Беларусь, 1985. — 551 с.
6. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952: сб. док.: в 2 т. / отв. ред.: О. В. Лавинская, В. В. Захаров; сост.: К. М. Гринько, Е. В. Полгорацкая; при участии С. Дальке и М. Уля. — Москва: Политическая энциклопедия, 2019. — Т. 1: 1944—1946. — 877 с.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). — Ф. 296. Оп. 3а. Д. 8.
8. Документы советской эпохи. Постановление СНК СССР от 5 ноября 1942 г. «О комитете по учёту и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/409266>. — Дата доступа: 12.04.2021.
9. ГАГО. — Ф. 296. Оп. 1. Д. 461.
10. Документы советской эпохи. Постановление СНК СССР от 29 сентября 1943 г. «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР» [Электрон-

- ный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/410117>. — Дата доступа: 11.04.2021.
11. Документы советской эпохи. Постановление СНК СССР от 9 января 1944 г. «О транспортном освоении малых рек» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/410465>. — Дата доступа: 10.04.2021.
 12. Тимофеев, Р. В. Транспорт Белорусской ССР в социально-экономическом развитии общества (конец 1943—1991 г.) / Р. В. Тимофеев. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. — 400 с.
 13. Документы советской эпохи. Постановление СНК СССР от 22 июня 1944 г. «О создании Управления по Делаи полиграфии и издательств при СНК БССР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/410981>. — Дата доступа: 11.04.2021.
 14. Документы советской эпохи. Постановление СНК СССР от 24 апреля 1945 г. «О Комитете по Делаи культурно-просветительных учреждений при СНК БССР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/412253>. — Дата доступа: 11.04.2021.
 15. ГАООГО. — Ф. 144. Оп. 3. Д. 3016.

Артѳкулы поступили в редакцию 27.04.2021

С. В. Кулинок,
заместитель заведующего отделом публикаций
Национального архива Республики Беларусь,
кандидат исторических наук;
e-mail: svkulinok@tut.by

Е. Е. Красноженова,
профессор кафедры общественных наук
ФГАОВ ВО «Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого»,
доктор исторических наук;
e-mail: eleena@inbox.ru

ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ПРИ ЦК КП(б)Б В 1942 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Деятельность Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б и СНК БССР до настоящего момента не являлась предметом самостоятельного и глубокого анализа в отечественной историографии Великой Отечественной войны. Многие документы, хранящиеся в архивах по данной проблеме, еще не введены в научный оборот.

Определяя важную особенность партизанского движения в БССР в период до создания БШПД, белорусский историк А. Литвин указывает, что «отличительной особенностью руководства ... являлось то, что с первых дней войны фактически все нити руководства тянулись к ЦК КП(б)Б и лично к П. Пономаренко» [3, с. 80]. ЦК КП(б)Б, обкомы и райкомы настойчиво искали наиболее эффективные способы создания стройной и эффективной системы партийного и военно-оперативного руководства сопротивлением в тылу врага. Например, секретарь Витебского обкома партии И. А. Стулов предлагал создать оперативные центры, которые направляли бы главные удары и руководили бы всей деятельностью партизанских соединений: «Таких штабов в Витебской области надо создать четыре, соответственно четырем зонам: Витебской, Оршанской, Полоцкой и Лепельской» [3, с. 82—83].

В условиях постоянного усиления террора со стороны оккупантов, оторванности партизанских отрядов и групп и отсутствия связи с советским тылом, отсутствия координации действий возникала настоятельная необходимость в создании координирующего органа, который бы, «находясь вблизи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287; № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941—1944 гг.».

The reported study was funded by BRFB and RFBR, project number Г20Р-287; 20-59-00004 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944».

границ Белорусской республики, смог бы оперативнее связываться с оставленными в тылу врага отрядами, группами, подпольными обкомами и райкомами партии, развертывать всенародную партизанскую борьбу в тылу противника» [1, с. 315]. 20 марта 1942 г. было принято решение о создании Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б и СНК БССР, работающей под партийным руководством в полосе действий 3-й и 4-й армий Калининского фронта. Руководителем был назначен секретарь ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинов. В состав группы также вошли видные партийные деятели и военные специалисты: А. С. Шавров, В. Г. Романов, П. Е. Крысанов, М. В. Зимянин и др. Основным пунктом базирования группы была д. Шейно Торопецкого района Калининской области.

Этим же решением определялся и круг задач, которые предстояло решать: установление связи с партизанскими отрядами и подпольными партийными организациями; установление надежно действующей курьерской связи; направление руководителей подпольных организаций и партизанских отрядов; сбор донесений и разведывательных данных, их обработка и анализ; помощь партизанским соединениям вооружением, медикаментами, взрывчатыми веществами, печатной продукцией.

Одной из важнейших задач в начале работы группы было установление контакта (связи) с действующими, в первую очередь на территории Витебской области, партизанскими отрядами и группами. Буквально в первые недели своей работы группа послала своих представителей в Суражский, Городокский, Полоцкий, Россонский и Меховский районы Витебской области. Первыми, с кем Северо-Западная группа установила и поддерживала связь, были партизанские отряды и бригады М. Ф. Шмырева, Д. Ф. Райцева, С. Т. Воронова, А. Ф. Данукалова. При непосредственном участии групп была организована первая партизанская бригада на территории БССР — 1-я Белорусская. Были направлены группы разведчиков и значительные конные разезды в северные районы Могилевской и Минской областей. В результате предпринятых действий уже к концу июня 1942 г. начали поступать сообщения о деятельности партизанских отрядов почти изо всех районов Витебской области и частично Минской области [6, л. 11].

Для выполнения диверсионных задач в тылу врага в июне 1942 г. под руководством группы началось формирование молодежной диверсионной бригады под командованием А. А. Баскакова. Весь состав бригады (275 человек) прошел специальную подготовку по диверсионно-подрывному делу в д. Савино (Усвяцкий район) [6, л. 14].

В результате активной работы в Северо-Западную группу при ЦК КП(б)Б стал стекаться значительный объем оперативной и разведывательной информации, которая представляла значительный интерес для военных и партийных органов на «Большой земле». Для своевременного информирования Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), ЦК КП(б)Б и орга-

нов госбезопасности БССР группа начала подготовку так называемых оперативных сводок Северо-Западной группы. Только за период с июля по сентябрь 1942 г. Северо-Западной группой ЦК КП(б)Б было подготовлено и направлено в ЦШПД и другие органы 16 оперативных сводок общим объемом 66,5 машинописных страниц. Главной особенностью оперсводок Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б был их региональный характер. Данные касались в основном территории Витебской, а также северных областей Минской и Вилейской областей. В ряде сводок встречаются сведения оперативно-го и разведывательного характера, которые касаются территории северо-запада РСФСР. В условиях отсутствия единого руководящего центра партизанского движения данные документы представляют исключительно важное значение с точки зрения их информативности.

Сами сводки отложились в нескольких архивных фондах — № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) и № 4п (ЦК КП(б)Б).

Внутренняя структура сводок в этот период времени еще не приобрела четкой и единой структуры. Они готовились по принципу «отрядности», то есть поочередно сообщались сведения о деятельности того или иного партизанского формирования. По своей структуре оперсводка условно состоит из двух частей: боевые и диверсионные действия белорусских партизанских отрядов и разведывательные данные. Основную часть документа составляла информация о боевых действиях «лесных солдат», их составе и оснащении, карательных операциях оккупантов и т. д. Так, из 66,5 листов данных сводок, 48 (72%) касались боевой деятельности и лишь 18,5 — разведывательных данных (18%) [5, л. 1—70]. Разведывательные сведения представлены такими вопросами, как расположение вражеских гарнизонов, складов, баз, аэродромов, данные о движении эшелонов и состоянии промышленности. Разведывательная информация передавалась бессистемно, не производилось ее деление и классификация, а круг вопросов был достаточно узким. Тем не менее, значимость этих документов и разведанных значительна. Только в двух оперсводках за 7 и 10 августа 1942 г. в ЦШПД поступила информация о более чем 30 гарнизонах, расположенных в Бегомльском, Лепельском, Ушачском, Холопеничском районах, а в сводке за 16 июля приводились данные о расположении ключевых гражданских объектов и состоянии промышленности в Минске [5, л. 21—24; 48—57].

Важными представляются сведения о развитии партизанского движения на пограничных с БССР территориях России. Так, сведения о положении в г. Невеле и Невельском районе встречаются в сводках № 1, 2, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15. Там же приводятся сведения о «местных» партизанских соединениях, их организации, командовании и боевых операциях.

Поскольку в этот период времени еще не был разработан табель предоставления отчетности, временные промежутки подготовки оперативных сводок различаются. Это промежуток от 1—2 до 10—12 дней. Они готови-

лись по мере поступления сведений из партизанских формирований. Сводки подписывались, как правило, ответственным организатором Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б по информационно-разведывательной работе Н. Косым. Впоследствии он сыграл важную роль в работе разведывательного отдела БШПД.

Еще один важный момент, на который необходимо обратить внимание, это достоверность информации. Приходится констатировать, что в ряде случаев наблюдается очевидное завышение потерь, нанесенных противнику в боевых столкновениях. Так, в оперативной сводке Северо-Западной группы № 16 от 23 августа 1942 г. указывается, что за период с 1 по 15 августа партизанской бригадой «Алексея» было убито 835 и ранено 68 немецких солдат и офицеров. В то время как свои собственные потери составили 11 человек убитыми [4, л. 71]. Очевидно, что к таким сведениям надо относиться критически и перепроверять их из других источников.

Оперативные сводки Северо-Западной группы сыграли важную роль в формировании делопроизводства и документооборота в руководящих органах партизанского движения. На их базе в дальнейшем стали готовиться оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения, которые приняли завершённую внутреннюю структуру к весне — лету 1943 г. [2].

Отметим, что отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь в 2020 г. был подготовлен и опубликован электронный мультимедийный сборник документов «Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год» [7], в котором опубликованы все 16 сводок.

Подводя итог, укажем, что оперативные сводки Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б являются ценным историческим источником для изучения партизанского движения на оккупированной территории БССР, в первую очередь Витебской области. Они содержат разнообразные сведения о боевой и разведывательной деятельности партизан, проводимой немцами оккупационной политике, положении гражданского населения. Вместе с этим отметим, что внутренняя структура самих сводок простая, а ряд сведений, которые в них приводятся, требуют дополнительной проверки и уточнения.

Литература и источники

1. Калинин, П. З. Белорусский штаб партизанского движения // Непокоренная Белоруссия. — М.: Воениздат, 1963. — 367 с.
2. Кулинок, С. В. Делопроизводство и документооборот в Белорусском штабе партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию создания БШПД) / С. В. Кулинок // Архивы и делопроизводство. — 2017. — № 5. — С. 29—38.
3. Литвин, А. Руководство боевой деятельностью партизанских сил Белоруссии и их оперативное использование в интересах фронта / А. М. Литвин // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах. — Минск: Беларус. навука, 2009. — С. 72—90.

4. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 191. Л. 71.
5. Там же. — Ф. 1450. Оп. 3. Д. 20.
6. Там же. — Ф. 1450. Оп. 3. Д. 136.
7. Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год [Электронный ресурс] / Национальный архив Республики Беларусь, Национальная библиотека Беларуси; сост.: С. В. Кулиноў, М. Н. Скоморощенко, А. А. Суша; редкол.: А. К. Демянюк, В. Д. Селеменев, Р. С. Мотульский. — Минск: Национальный архив Республики Беларусь, Национальная библиотека Беларуси, 2020 г. — (Серия «Партизанский архив»).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 01.07.2021

А. С. Кудрицкий,
аспирант кафедры источниковедения исторического факультета
Белорусского государственного университета;
e-mail: a.kudritskij@gmail.com

ИСТОЧНИКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ БИОГРАФИЙ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ИНТЕРБРИГАД РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ ИСПАНИИ

В сборнике «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР (1929—1939 гг.)» указывается, что 137 белорусов воевали в XIII интербригаде им. Я. Домбровского в Гражданской войне в Испании [5, с. 531]. Анализ списков личного состава и личных дел добровольцев позволяет утверждать, что белорусов в составе интербригад было около полутора сотен. Большинство их имен и судеб до сих пор остаются неизвестными отечественной историографии. Тем не менее, биографии белорусских добровольцев интернациональных бригад являются своеобразным срезом истории Беларуси и белорусов, волею судьбы оказавшихся в разных странах и на разных континентах, прошедших через несколько войн, бедность, эмиграцию, тюрьмы и членство в левых политических партиях и профсоюзах.

Биографии добровольцев или же работы, включавшие в себя биографические заметки на добровольцев, широко представлены в зарубежной историографии, но слабо представлены в отечественной. Ряд биографических заметок сделан в работе И. Воронковой «Беларусь и война в Испании» [6]. Краткие биографии, в т. ч. и на белорусских советских военных специалистов, даны в двухтомнике «Из Москвы в страну «X» [8], в котором раскрываются обстоятельства участия СССР в войне в Испании. Подробная биография Николая Дворникова, члена ЦК комсомола Западной Беларуси, командира роты им. Т. Шевченко в Испании, была составлена Я. Дробинским [7]. Тема установления биографий добровольцев также широко представлена и в зарубежной историографии: краткие биографии добровольцев различных национальностей даны в работах Я. Хонигсмана, М. Момрыка, М. О’Риордана, Р. Стрэдлинга, А. Клиффорда, П. Чишевского, Л. Вышчельского и др.

Документы, содержащие биографическую информацию о добровольцах интербригад, можно разделить на несколько групп по признаку авторства:

документы, составленные непосредственно добровольцем;

документы, составленные иными лицами, но содержащие биографические сведения о добровольце.

К документам, составленным добровольцем, непосредственно можно отнести автобиографии [18], отчеты о событиях в Испании [16], личные письма [14], заявления и другие документы. Документы из этой группы составлялись добровольцем на разных этапах его жизни: эмиграции из Беларуси,

нахождения на заработках в иных странах (Франции, Аргентине, Бельгии, Кубе, США и др.), по прибытию в интербригады, непосредственно будучи в интербригадах, в концентрационных лагерях на территории Франции, после возвращения в СССР и т. д. Эти документы позволяют раскрыть самые различные аспекты биографии добровольца, основные этапы его жизни, отражают в т. ч. и его взгляд на происходящие вокруг события.

Рассматривая авторские документы, важно помнить про контекст создания этих документов. Автобиографии зачастую писались для вступления в интербригады или коммунистическую партию, и это накладывало определенный отпечаток на те сведения, которые сообщал доброволец. В мемуарах бывшего добровольца интербригад Зигмунда Штейна, которые были написаны уже после Гражданской войны в Испании, есть эпизод, где изображена цензура автобиографии Штейна, которую он составил перед поступлением на службу [1, с. 345]. Кроме того, т. к. подавляющее большинство белорусских добровольцев были польскими гражданами, многие из них опасались лишения гражданства в соответствии с законами Республики Польша от 20 января 1920 г. [2] и 31 марта 1938 г. [3]. В связи с этим нередки случаи использования псевдонимов добровольцами, особенно теми, кто приезжал в Испанию по заданию своих коммунистических партий (как, например, Николай Дворников, который в Испании пользовался своим псевдонимом «Станислав Томашевич»). Приезжавшие в Испанию добровольцы могли пользоваться вымышленными биографиями, пример чего мы можем найти в биографии Станислава Томашевича, которая размещена в газете «Домбровщак» от 10 июля 1937 г. [11, л. 9]. Кроме того, такие источники нередко испытывали на себе влияние внутренней цензуры (самоцензуры).

Тем не менее, именно обращаясь к авторским документам, исследователь может найти наиболее концентрированные сведения о добровольце. Так, например, некоторые автобиографии добровольцев позволяют найти информацию о семье добровольца, обстоятельствах приезда в иные страны и Испанию, эпизоды участия в боевых действиях. Анкеты добровольцев могут содержать сведения о гражданстве и национальности, данные об образовании, владении языками и другие сведения. Особенно интересными с точки зрения наличия биографических данных являются анкеты *Biografía de militantes*, которые заполнялись при вступлении добровольца в Коммунистическую партию Испании. Эти анкеты содержат сведения о месте рождения, членстве в коммунистической партии, профессии, национальности, откуда доброволец прибыл в Испанию, средней зарплате на последнем месте работы, являются ли члены семьи участниками фашистских организаций, членстве в профсоюзе, членстве в кооперативах, какие газеты выписывает доброволец, на каких языках говорит, проходил ли военную службу до Испании и где, когда прибыл в Испанию, на каких фронтах воевал и другие сведения [19, л. 47—49].

Важными источниками, которые содержат биографические сведения о добровольцах, могут быть письма добровольцев, их переписка с родными и близкими. Вопрос сохранности таких писем остается открытым: Я. Дробинский указывает, что письма, которые отправлял Н. Дворников своей семье в Гомель во время Великой Отечественной войны, были уничтожены, т. к. семья Дворникова боялась террора со стороны оккупантов. Переписка добровольцев с родственниками происходила благодаря определенной процедуре доставки писем, которая была призвана скрыть от польских властей факт участия добровольца в Гражданской войне в Испании. Письма из Франции к родственникам эмигрантов, отправленные от лица различных организаций, приковывали внимание польской полиции. В Архиве Актов Новых в Варшаве хранятся рапорты следственного управления государственной полиции Польши в г. Бресте, в которых указывается, что в ноябре 1937 г. Юзефа Позняк получила письмо из Парижа, в котором сообщалось, что ее муж Ян Позняк находится в Испании [9, л. 233]. В отчетах польских полицейских управлений указывается, что для переписки добровольцы использовали следующий метод: родственники вкладывали письмо в конверт, где писали имя и адрес добровольца, а этот конверт вкладывали в другой конверт, где указывали условный адрес в Париже или Гавре. Для писем также характерна цензура внешняя и самоцензура. Часть личных писем хранится в ф. 545 РГАСПИ, т. к. письма добровольцев проходили через цензуру интербригад. Письма позволяют установить подробности личных взаимоотношений добровольца, некоторые эпизоды из его жизни. Так, в письме А. Михлина описываются особенности учебы интернированных в лагере Гюрс во Франции [14, л. 249—250].

Авторские документы в настоящее время можно найти в коллекциях Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в фондах 545 и 495, в Архиве Актов Новых в Варшаве (в коллекции 2/1308/0 «*Wojna domowa w Hiszpanii — zbiór akt*»), в Центре изучения и документации Интернациональных бригад и в Провинциальном историческом архиве в Альбасете (Испания), а также в личных коллекциях.

К документам, составленным иными лицами, которые содержат биографические сведения о добровольце, можно отнести характеристики (краткие и развернутые), отчеты, автобиографии и письма других добровольцев, списки личного состава, представления к наградам, отчеты и доклады полицейских комендатур и другие документы. Эти документы создавались в рамках профсоюзных организаций, различных подразделений и организаций интербригад, МОПР, советского консульства в Париже, советских учреждений, которые принимали добровольцев после войны, полицейских и разведывательных управлений разных стран.

Среди этих документов необходимо отметить документы, созданные в рамках интербригад: характеристики (краткие и полные), списки личного состава, списки дезертиров, троцкистов, деморализованных элементов, рапор-

ты и другие документы. Характеристики являются ценным источником, который позволяет увидеть как представление биографии добровольца, так и его оценку со стороны командования или партийного комитета. В особенности, оценочные суждения можно найти в характеристиках, которые были созданы после войны, т. к. на основании этих характеристик, скорее всего, впоследствии выдавалось разрешение на въезд в СССР. При работе с характеристиками важно помнить о том, что сведения в них могут быть искажены или неверны. Ярким примером этого являются характеристики на бывшего капитана интербригад Филиппа Дрозда, составленные уже после Гражданской войны. Так, в характеристике, данной на Дрозда неким Александровичем в мае 1941 г., указывается, что он был членом украинско-белорусского профсоюза в Аргентине [17, л. 15], в характеристике парткомитета концлагерей он указан как активист культурной работы в Аргентине [17, л. 31], а в краткой характеристике, составленной интернированным А. Мицалом 11 мая 1941 г., он и вовсе назван членом белогвардейской организации в Аргентине [17, л. 91]. Тем не менее, применяя методы внешней и внутренней критики этих источников, они могут быть полезны в деле установления различных аспектов жизни добровольцев интербригад, их судьбы до, во время и после Гражданской войны в Испании.

Документы интербригад, которые могут хранить биографические сведения о добровольцах, можно найти в ф. 545 и ф. 495 РГАСПИ, в коллекции 2/1308/0 Архива Актов Новых в Варшаве, в коллекциях документов о Гражданской войне в Испании, в РГВА, Центре документации интернациональных бригад и Провинциальном архиве в Альбасете (Испания).

Одними из самых интересных источников о добровольцах являются документы полицейских комендатур Второй Польской Республики, которые представлены рапортами, отчетами, докладами, списками и другими документами. Эти доклады можно встретить в архивных собраниях Архива Актов Новых в Варшаве и белорусских областных и зональных архивах в Гродненской и Брестской областях. Так, в докладе 4-го отдела Главной комендатуры полиции Львова от 25 января 1938 г. приведен список лиц, отправившихся воевать в Испанию, среди которых был и уроженец Бреста Иван Яцышин [9, л. 8]. Характеристики на добровольцев в данном докладе содержат сведения о дате рождения добровольца, его родителей, месте его рождения, месте последнего пребывания (включая улицу и дом), профессии, место его текущего (на момент составления доклада) нахождения, и с кем он ведет переписку. Кроме этого, в таких докладах могли содержаться и сведения об обстоятельствах пересечения добровольцами границы, выезда добровольца в эмиграцию, адреса, на которые отправляли письма родственники. Также в таковых могут указываться факты перечисления денег новгородской комендатуры полиции [9, л. 31]. Информацию польская полиция узнавала из писем, кото-

рые добровольцы отправляли на родину. Так, например, из доклада белостокской комендатуры известно, что они читали переписку добровольцев с родственниками [9, л. 38].

В качестве примера поиска биографической информации можно попробовать установить биографию Романа Стефаньского: белоруса, одного из командиров роты им. Мицкевича в составе 13-й интербригады. Личное дело Романа Стефаньского находится в РГАСПИ ф. 545, оп. 6, д. 782 «Личные дела польских добровольцев интербригад». На Романа Стефаньского в этом деле находятся 2 анкеты, автобиография и 4 характеристики. Эти документы составлялись во время и после Гражданской войны в Испании. Исходя из характеристик, можно установить, что Роман Стефаньский — это псевдоним добровольца, настоящее имя которого Николай Коротынский (так указано в характеристике) или Николай Кухарчик (личное дело на него есть в ф. 495 РГАСПИ). В анкете для вступления в Коммунистическую партию Испании, заполненную в 1937 г., он указал, что до эмиграции в СССР жил в Белостоке, где состоял в профсоюзе сапожников и в КПЗБ [20, л. 38]. Интересно, что он один из немногих добровольцев, которые указали в своих анкетах членство в КПЗБ. В анкете для получения военного удостоверения указан адрес в Белостоке: ул. Пяста 100, и лицо, которое необходимо уведомить: Никодим Королинский [13, л. 69]. К сожалению, в д. 425, ф. 242п НАРБ не удалось найти упоминания о Королинском/Коротынском/Кухарчике, хоть там и присутствуют документы о профсоюзе сапожников Белостока и есть отчеты о нескольких эпизодах их рабочей борьбы [10]. В январе 1937 г. Роман Стефаньский был командиром 2-й роты 8-го батальона 13-й интербригады [12, л. 6]. На должность его назначили, скорее всего, из-за того, что он указал, что после эмиграции в СССР он окончил офицерскую школу [12, л. 51]. Позже за проявленное малодушие он был разжалован в солдаты [12, л. 6], но вскоре снова выбился на командирские позиции: в списке поляков-коммунистов, составленном в январе 1939 г., он указан заместителем командира батальона Мицкевича [15, л. 121]. В книге Л. Вышчельского размещено фото Стефаньского вместе с другими командирами батальона Мицкевича [4, с. 191]. В газете «Жолнеж Вольности» указано, что Роман Стефаньский погиб на эстремадурском фронте 16 февраля 1938 г. [4, с. 189].

Гражданская война в Испании оставила после себя богатое документальное наследие, которое позволяет установить биографические сведения о добровольцах, участвовавших в этой войне на стороне Испанской республики. Коллекции документов РГАСПИ, РГВА, Архива Новых Актов, НАРБ, областных архивов в Бресте и Гродно, зональных архивов в Молодечно, Лиде, Слуцке, Барановичах, Пинске, Новогрудке и Кобрине позволяют взглянуть на биографии добровольцев как их собственным взглядом, через их автобиографии, личные письма и заметки, а также с точки зрения командования и служб Народной армии Испании, польских полицейских комендатур,

партийных и профсоюзных комитетов в Испании, Польше, Франции, Чехословакии. Существующая документальная база позволяет установить биографии сотен белорусских добровольцев и ждет своего исследователя, тем более что этот вопрос важен не только в контексте установления белорусского участия в этом, безусловно, важном событии межвоенной истории, но и является важной частью в истории белорусской эмиграции, белорусского участия в рабочем, левом и антифашистском движении.

Литература и источники

1. Stein Sygmunt, *Moja wojna w Hiszpanii: brygady międzynarodowe — koniec mitu* / Sygmunt Stein. — Wydawnictwo Literackie, Warszawa, 2015. — 352 s.
2. Ustawa z dnia 20 stycznia 1920 roku o obywatelstwie Państwa Polskiego [Zasób elektroniczny] // Internetowy System Aktów Prawnych. — Tryb dostępu: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19200070044/O/D19200044.pdf>. — Data dostępu: 12.03.2021.
3. Ustawa z dnia 31 marca 1938 roku pozbawianiu obywatelstwa [Zasób elektroniczny] // Internetowy System Aktów Prawnych. — Tryb dostępu: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19380220191/O/D19380191.pdf>. — Data dostępu: 12.03.2021.
4. Wyszczelski L. *Dąbrowszczacy* / L. Wyszczelski. — Warszawa: Książka i Wiedza, 1986. — 327 s.
5. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР / Инст. ист. партии при ЦК КПБ — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Инст. ист. АН БССР, Арх. упр. при СМ БССР. Т. 2: (1929—1939 гг.) / сост.: И. П. Ховратович [и др.] — Минск: Беларусь, 1972. — 557, [2] с.
6. Воронкова, И. Ю. *Беларусь и война в Испании, 1936 — 1939 гг.* / И. Ю. Воронкова. — Минск: Беларуская навука, 2009. — 157 с.
7. Дробинский, Я. И. *От Гомеля до Эстремадуры* / Я. Дробинский. — Минск: Беларусь, 1971. — 190 с.
8. *Из Москвы в страну «X»* / Главное архивное управление города Москвы, Центральный государственный архив города Москвы. — Москва: ЦГА Москвы, 2015. — Т. 1. — 2015. — 334 с.
9. *Archiwum Akt Nowych* 2/349/1/4.6/228.
10. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 242п. Оп. 1. Д. 425.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 545. Оп. 2. Д. 439.
12. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 3 Д. 262.
13. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 3 Д. 272.
14. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 4 Д. 1а.
15. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 541.
16. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 634.
17. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 647.
18. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 650.
19. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 678.
20. РГАСПИ. — Ф. 545. Оп. 6 Д. 782.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 05.07.2021

З. В. Антановіч,

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

**НАРМАТЫЎНАЕ РЭГУЛЯВАННЕ АРГАНІЗАЦЫІ ДЗЕЙНАСЦІ
ОРГАНАЎ ЕПАРХІЯЛЬНАГА КІРАЎНІЦТВА
ХРЫСЦІЯНСКІМІ ВЕРАВЫЗНАННЯМІ
Ў КАНЦЫ XVIII — ПАЧАТКУ XX ст.**

Значным складнікам арганізацыі дзейнасці органаў кіраўніцтва з’яўляецца яе нарматыўнае рэгуляванне. Яно ўключае вызначэнне тэрытарыяльных меж сферы паўнамоцтваў органа, яго функцый, штатаў, папрабаванняў да парадку справаводства і захоўвання аператыўнай і рэтраспектыўнай інфармацыі. У Расійскай імперыі калегіяльнымі органамі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва канфесіямі і духоўнага суда з’яўляліся кансісторыі, праз якія ажыццяўлялася адпаведная палітыка ўлад. Аднак, калі апошнія разгледжана ў айчынай і замежнай гістарыяграфіі даволі шырока [29; 31; 32 і інш.], то нарматыўнае рэгуляванне арганізацыйнага аспекту дзейнасці непасрэдна органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій прыцягвала мала ўвагі даследчыкаў.

Канфесіянальная палітыка з’яўлялася адным з элементаў дзяржаўнага ладу ў Расійскай імперыі канца XVIII ст. Асаблівай падтрымкай улад карысталася праваслаўная царква, і арганізацыі яе функцыянавання надавалася шмат увагі, што было зафіксавана ў шэрагу нарматыўных дакументаў. Так, фарміраванне органаў епархіяльнага кіраўніцтва ў Расійскай імперыі, якія пазней сталі ўзорам для арганізацыі інаслаўных канфесій, пачалося з выдання Духоўнага рэгламенту 1721 г. [7], якім акрэсліваліся функцыі створанай духоўнай калегіі, а яе дзейнасць арганізавалася ў адпаведнасці з Генеральным рэгламентам 1720 г. [7, с. 6—10, 47; 17, арт. 3534; 4482]. Зносіны з дзяржаўнымі органамі епархіяльнага кіраўніцтва і іх дакументаванне таксама вызначаліся гэтым дакументам [17, арт. 4090]. Ім вызначаўся графік працоўнага дня, тэрміны і парадак выканання спраў, штаты канцэлярыі [21, арк. 692—712 адв.]. Яе склад уключаў сакратара, натарыуса, перакладчыка, актуарыуса, рэгістратара, канцэлярыстаў, капіістаў. Пры гэтым акцэнтавалася роля сакратара, як адказнага за арганізацыю дзейнасці калегіяльнага органа і яе дакументаванне. Пратаколы пасяджэнняў належала весці натарыусу. Актуарыус адказваў за аператыўнае захоўванне дакументацыі, улік і выдачу спраў, а таксама за наяўнасць канцэлярыскіх тавараў [21, арк. 702—707]. Аналагічным чынам была вызначана структура і паўнамоцтвы епархіяльных кансісторый, утвораных у Расіі з праўленняў і архірэйскіх дамоў у 1744 г. [17, арт. 8988], а таксама на тэрыторыях, якія адышлі да імперыі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай.

Кансісторыі ў адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем праваслаўнай, рымска-каталіцкай і ўніяцкай царкваў на беларускіх землях былі заснаваны па ўказе ад 14 снежня 1772 г. У ім вызначалася епархіяльнае дзяленне праваслаўнай царквы [17, арт. 13921]. Для рымска-каталіцкай царквы ўсталёўвалася пасада біскупа і падпарадкаванне прадстаўніцтваў на ўсёй тэрыторыі імперыі, а таксама нарматыўныя падставы дзейнасці ў выглядзе Рэгламенту 1769 г. Уніяцкі арцыбіскуп захоўваў сваю пасаду і паўнамоцтвы, якія распаўсюджваліся на ўсе далучаныя тэрыторыі. Кіравацца ў сваёй дзейнасці ён павінен быў таксама Рэгламентам 1769 г. Рымска-каталіцкія і ўніяцкія кансісторыі, нягледзячы на вызначаныя штаты для аналагічных праваслаўных органаў, складаліся з 2—3 членаў. Апеляцыйным органам на рашэнні біскупаў з'яўлялася Юстыц-калегія ліфляндскіх, эстляндскіх і фінляндскіх спраў, аднак любыя дакументы Папы Рымскага перад публікацыяй і выкананнем яны павінны прадстаўляць праз генерал-губернатара імператара [17, арт. 13922]. Аднак кансісторыі не былі створаны. У 1780 г. у сувязі з выдаленнем уніяцкага біскупа Я. Смагаржэўскага ў Полацкай архіепархіі было ініцыявана стварэнне кансісторыі з 3—4 прадстаўнікоў духавенства для адміністравання [17, арт. 15028]. Паўторна звярнуліся да ўтварэння кансісторыі у 1782 г., і яны пачалі сваё функцыянаванне, а таксама былі вызначаны апеляцыйныя інстанцыі на прыняцця рашэнні: для рымска-каталіцкай — магілёўскі арцыбіскуп, а для іншых інаслаўных канфесій — грамадзянскія палаты [17, арт. 15356].

Калі функцыі і штаты праваслаўных кансісторыі у Расійскай імперыі былі вызначаны і маглі быць распаўсюджаны на беларускія землі ў канцы XVIII ст., то адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне і арганізацыя прававодства і архіўнай справы патрабавалі ўдакладненняў. Асобнымі актамі заканадаўства ўсталёўвалася адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне праваслаўнай царквы, аб чым сведчыць шэраг прыкладаў. Аднымі з першых у 1772 г. тэрыторыі Віцебскай, Полацкай і Дзвінскай правінцый былі далучаны да Пскоўскай епархіі, а з Магілёўскай, Аршанскай, Мсціслаўскай і Рагачоўскай правінцый была ўтворана Магілёўская епархія [17, арт. 13921]. Калі ў склад апошняй у 1795 г. увайшлі прадстаўніцтвы праваслаўя Полацкай губерні, яна набыла статус Магілёўскага і Полацкага архіепіскапства (з 1797 г. — Беларускага і Магілёўскага) [17, арт. 17289]. Непасрэдна Полацкая епархія была адноўлена ў 1832 г. [18, арт. 6161], а яе цэнтрам з 1839 г. быў прызначаны Віцебск [17, арт. 12605]. Мінская епархія была ўтворана ў 1793 г. пад тытулам Мінскай, Ізяслаўскай і Брацлаўскай [17, арт. 17113]. У канцы XVIII ст. і ў 1840-я гг. было зроблена некалькі спроб наблізіць адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне праваслаўных епархій да губернскага [17, арт. 16658, 19070; 18, арт. 13141, 13395]. Напрыклад, адбылося перапарадкаванне прыходаў Мінскай і Гродзенскай губерняў, а таксама Беластоцкай вобласці паміж Мінскай і Літоўскай епархіямі [18, арт. 13141]. Аднак да гэтага наблізіліся толькі ў

1900 г. са стварэннем Гродзенскай епархіі па рашэнні Сінода [10], і праваслаўныя кансісторыі сваімі функцыямі сталі ахопліваць губерні. У 1907 г. у Гродзенскай праваслаўнай епархіі за ўласныя сродкі была створана пасада Бела-стоцкага вікарнага епіскапа [19, арт. 29209].

Адміністрацыйна-тэрытарыяльныя рэарганізацыі ўніяцкай царквы таксама знайшлі сваё адлюстраванне ў нарматыўных актах Расійскай імперыі пачынаючы з канца XVIII ст. Напрыклад, у верасні 1795 г. уніяцкія царквы былі прыпісаны да Беларускай епархіі [17, арт. 17391]. Аднак у 1798 г. было пацверджана існаванне Полацкага ўніяцкага арцыбіскупства, Брэсцкай і Луцкай епархій [17, арт. 18503]. У 1809 г. Літоўская мітрапалітальная ўніяцкая епархія была ўзноўлена і ўтваралася кансісторыя ў Вільні [17, арт. 23482]. Указам ад 22 красавіка 1828 г. колькасць епархій скарацілася да дзвюх — Літоўскай і Беларускай [17, арт. 1977], а ў 1839 г. засталася толькі адна — Літоўская [18, арт. 11995], і ў хуткім часе быў прыняты акт аб адзінстве з праваслаўнай царквой [18, арт. 12467].

С. Богуш-Сестранцэвіч быў прызначаны біскупам амаль праз год пасля стварэння Беларускай рымска-каталіцкай епархіі 22 лістапада 1773 г. [17, арт. 14073]. Дароўная грамата на стварэнне Беларускай епархіі і кансісторыі ў ёй была выдадзена 6 лютага 1774 г. У адпаведнасці з ёю Беларускае епархія ахоплівала ўсю тэрыторыю Расійскай імперыі, павінна была кіравацца Рэгламентам 1769 г. для дзейнасці рымска-каталіцкай царквы ў Санкт-Пецярбургу, таксама пацвярджаліся правы на маёмасці [17, арт. 14122]. Аднак кансісторыя ўтворана не была да наступнай рэарганізацыі 17 студзеня 1782 г.

У 1795 г. утвораны Пінская (Мінская і Валынская губерні) і Ляцічаўская (Падольская, Брацлаўская і Вазнясенская губерні) рымскае дзяцэзіі з кансісторыямі ў іх з трыма членамі [17, арт. 17379]. Аднак ужо ў 1798 г. адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне рымска-каталіцкай царквы змянілася. Было ўтворана шэсць дзяцэзій, у т. л. Магілёўская архідзяцэзія і Мінская дзяцэзія, якая спыніла сваё існаванне 15 ліпеня 1869 г. з далучэннем тэрыторыі да Віленскай [17, арт. 18504; 18, арт. 47307]. Гэта не стала апошняй адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэарганізацыяй, але найбольш значнай.

Прагэстанцкія царквы былі аб'яднаны ў беларуска-літоўскія епархіяльныя адзінкі з-за іх нешматлікасці [29, с. 17—18]. Кальвінісцкія абшчыны ўваходзілі ў Літоўскую правінцыю, цэнтр якой знаходзіўся ў Вільні, а лютэранскія да аб'яднання пlynяў прагэстантызму ў 1818 г., непасрэдна звярталіся ў дзяржаўныя органы кіраўніцтва канфесіямі. Асноўным дакументам, які вызначаў арганізацыйныя аспекты дзейнасці лютэранскай царквы, быў Царкоўны статут («дысідэнкае права») (Статут 1780 г.), прыняты ў 1780 г. у Рэчы Паспалітай, паводле якога судовыя і заканадаўчыя функцыі ў ёй належалі Генеральному сіноду (г. Біржы), які быў ліквідаваны ў 1797 г. [29, с. 38].

Дарэчы, Статутам 1780 г. маглі карыстацца рэфарматары, але яны не звярталіся да яго, таму што мелі ўласны Сінод [17, арт. 3741].

Структура кансісторый вызначалася адпаведнымі нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі. На іх падставе, спецыфіцы прыняцця рашэнняў і арганізацыі справаводства В. Вельдбрэхт класіфікаваў калегіяльныя органы на чыстыя і змешаныя. Па гэтай класіфікацыі кансісторыі з'яўляюцца змешанымі калегіямі, таму што, хаця ў іх справы вырашаліся большасцю галасоў прысутнасці, але пры нязгодзе епіскапа справа накіроўвалася на перагляд [3, с. 9]. Кансісторыі складаліся з прысутнасці і канцылярыі для ўсіх хрысціянскіх канфесій. Склад канцылярыі В. Вельдбрэхт падзяліў паводле функцыянальных абавязкаў на служачых для прыёму дакументаў (рэгістратары, журналісты), непасрэднага справаводства і аператыўнага захоўвання спраў (канцылярысты), фіксавання ходу пасяджэнняў прысутнасці (пратакалісты), захоўвання рэтраспектыўнай інфармацыі (архіварыусы), адміністрацыйна-гаспадарчай работы (эзекутары, казначэй і г. д.) [3, с. 11]. Паводле класіфікацыі канцылярыі па колькасці служачых В. Вельдбрэхта, канцылярыі разглядаемых органаў адносіліся да трэцяй і чацвёртай ступеняў прысутнага месца ў залежнасці ад колькасці сакратароў (адзін або два адпаведна) [3, с. 12—13]. Структура непасрэдна канцылярыі кансісторый дакладна не была вызначана да прыняцця Статута духоўных кансісторый [25], які з улікам спецыфікі рымска-каталіцкай царквы быў прыняты і для яе ў выглядзе Інструкцый па дзейнасці кансісторый і іх справаводстве [34; 35]. Гэтымі дакументамі вызначалася сфера дзейнасці кожнага з 3—4 сталоў (аддзелаў) канцылярыі ў адпаведнасці з іх класам. Рост аб'ёмаў справаводства выклікаў змены арганізацыйна-структурнага характару, што фіксавалася адпаведнымі нарматыўнымі актамі, а ў канцы XIX ст. запатрабавала перавыдання Статута [26]. Змены ў структуры некастрычных кансісторый выклікала Палажэнне аб страхаванні царкоўных маёмасцей 1904 г. [19, арт. 24712]. Напрыклад, у Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі быў утвораны часовы стол для разгляду адпаведных спраў [1].

Члены праваслаўных кансісторый абіраліся з вышэйшага кліру па прадстаўленні епіскапа і зацвярджаліся Сінодам. Рэктар духоўнай акадэміі або семінарыі ўваходзіў у прысутнасць кансісторыі са статусам неабавязковага ўдзелу ў пасяджэннях. У 1797 г. склад праваслаўных кансісторый быў удакладнены патрабаваннем уключэння ў прысутнасць паловы белага духавенства [17, арт. 18273], а з 1793 г. было прадпісана, каб на вакантныя пасады ў кансісторыях у першую чаргу прымаліся дзеці святароў і прычту, якія навучаліся ў акадэміях і семінарыях [17, арт. 17161]. Нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі канца XIX — пачатку XX ст. пераважна рэгламентаваліся пытанні працы духавенства ў свецкіх установах і свецкіх асоб у кансісторыях. Так, у 1887 г. члены праваслаўных кансісторый, якія таксама займаліся педагогічнай дзейнасцю, атрымалі магчымасць у выпадку дастатковай выслугі атрымаваць пенсію ад абедзвюх пасадаў [19, арт. 4379]. З 1893 г. у выпадках, калі не

змаглі знайсці сакратара для епіскапа з ліку свецкіх асоб, дазвалялася прыцягваць манаскае або прыходскае духавенства з магчымасцю адпаведнага ўтрымання і фарміравання пенсійнай выслугі [19, арт. 10003]. У 1910 г. былі пашыраны функцыі сакратара ў праваслаўных кансісторыях, які атрымаў права прызначаць канцэлярыстаў, штатных і няштатных служачых.

Штаты трох уніяцкіх і шасці рымска-каталіцкіх кансісторый у 1804 г. вызначаліся па аналогіі са штатамі праваслаўных узору 1764 г. У прыватнасці, яны паўтаралі ўказ 28 красавіка 1798 г., дзе пазначаны афіцьял або генеральны вікарый, які засядаў у кансісторыі з віцэ-вікарыем і трыма асэсарамі, прычым члены прысутнасці рымска-каталіцкіх кансісторый павінны былі змяняцца кожныя тры гады [17, арт. 21467]. У канцэлярыі павінны былі працаваць два сакратары (адзін займаўся кансісторскімі справамі, а другі, які мог паходзіць з духавенства, займаўся выкананнем спраў) і пракаліст. Акрамя таго, справаводства вялося пераважна на польскай мове, што абумовіла наяўнасць у складзе канцэлярыі кансісторый пасады перакладчыка. З пераводам справаводства ў рымска-каталіцкіх кансісторыях на рускую мову неабходнасць у гэтай штатнай адзінцы адпала [33]. Колькасць іншых канцэлярыстаў вызначалася ў залежнасці ад аб'ёму справаводства, але не звыш шасці [17, арт. 21467].

Члены ўніяцкіх кансісторый замяняліся штогадова ў канцы XVIII — пачатку XIX ст., каб пазбегнуць момантнага аднаўлення складу, пры гэтым асобным членам быў прадстаўнік базыльянскага закону. Па два кандыдаты на пасады ва ўніяцкіх кансісторыях абіраліся з саборных протаіерэў кансісторый і адзін з іх зацвярджаўся епіскапам на чатыры гады [18, арт. 2354].

У Рэгламенце 1769 г., які пацвярджаў маніфест 1735 г. і стаў падставовым дакументам для дзейнасці канфесіі на беларускіх землях пасля падзелу Рэчы Паспалітай, пазначана падпарадкаванне Юстыц-калегіі, а таксама адміністрацыйныя і эканамічныя аспекты дзейнасці царквы [17, арт. 13251, 13252]. Аднак у 1782 г. апеляцыйным органам на рашэнні канфесіянальнага кіраўніцтва быў вызначаны непасрэдна Сенат [17, арт. 16955; 17379]. Новы рэгламент для рымска-каталіцкай царквы быў зацверджаны 3 лістапада 1798 г. У ім акцэнтавана абмежаванне судовых функцый кансісторый, у прыватнасці, забарона на разгляд спрэчных і крымінальных спраў. Пры гэтым праекты арцыбіскупа, якія перавышалі яго паўнамоцтвы, павінны былі прадстаўляцца праз Юстыц-калегію ў Сенат [17, арт. 18734]. Указама 1799 г. акцэнтавалася, што падчас прыняцця рашэнняў органы канфесіянальнага кіраўніцтва павінны кіравацца расійскім заканадаўствам [17, арт. 18892]. Аналагічныя рэгламенту і ўказу палажэнні паўтараліся ў правілах 1800 г. [17, арт. 19684]. Асабліва рэгламентавалася для рымска-каталіцкай царквы забарона на падтрымку непасрэдных сувязей з Рымам [17, арт. 15326, 15346].

Прыняццем Палажэння 1801 г. імкнуліся да суаднясення дзяржаўнага ладу і кананічнага права рымска-каталіцкай царквы. У ім вызначаўся парадак

судаводства, у прыватнасці, па справах аб скасаванні шлюбу, якія ў першай інстанцыі разглядаліся кансісторыямі, а для зацвярджэння рашэння адсылаліся ў рымска-каталіцкую духоўную калегію, якая магла прызначыць кансісторыю іншай дыяцэзіі для дадатковага разгляду ў выпадку нязгоды з прапанаваным рашэннем, таму што для разводу патрабаваліся, паводле кананічных дакументаў царквы, два згодныя рашэнні [17, арт. 20053].

Паводле адпаведнага ўказа 1782 г. засноўваліся кансісторыі ў пратэстанцкіх цэрквах. У іх складзе пры адсутнасці значнай колькасці духавенства былі пастар і дзве свецкія асобы, якія штогадова абіраліся прыхаджанамі [17, арт. 15356]. Кіраўніцтва лютэранскай царквой ажыццяўляла Віленская кансісторыя [17, арт. 21450]. У 1783 г. на Біржанскім сінодзе лютэране прынялі кансістарыяльную ўстанову. Адпаведна Віленская кансісторыя павінна была складацца з 9 членаў (3 — ад духавенства, 3 — з дваран, 3 — з грамадзян), але на практыцы ў ёй было 6 членаў з ліку дваран. Члены абіраліся кожныя два гады на Сінодзе. Улічваючы тэрытарыяльную адасобленасць лютэранскіх абшчын, было вырашана перадаць тэрыторыю Віленскай пад кіраўніцтва ўтворанай 24 чэрвеня 1830 г. Курляндскай кансісторыі з 7 членамі, у якую ўводзіўся віленскі пастар [18, арт. 1300, 3741]. У наступным годзе ў штат Курляндскай кансісторыі была ўведзена пасада перакладчыка для польскай і рускай моў [18, арт. 4481]. Праз год у адпаведнасці са Статутам евангелічна-лютэранскай царквы ў Расіі ўтвараўся Віленскі пробст [18, арт. 5870; 5871].

У 1891 г. змяніўся парадак выбару прысутнасці Курляндскай кансісторыі. Так, тэрмін абрання складаў тры гады, аднак членам дазвалялася паўторна ўдзельнічаць у выбарах [19, арт. 7498]. Прэзідэнт кансісторыі прызначаўся імператарам па прадстаўленні міністра ўнутраных спраў [19, арт. 7514]. Наступны раз да складу кансісторыі звярнуліся ў 1912 г. Так, пры разглядзе спраў рэфарматараў мясцовая кансісторыя павінна была складацца з прэзідэнта, 1—2 пастараў і 1—2 царкоўных старшын адпаведнага веравызнання [19, арт. 37237].

Канфесіянальнымі справамі рэфарматараў займаліся Санкт-Пецярбургскае евангелічнае кансістарыяльнае пасаджэнне і Літоўскі евангелічна-рэфарматарскі сінод, які ведаў справамі на беларускіх землях і быў перайменаваны ў Віленскі ў 1840 г. [18, арт. 13854]. У 1868 г. былі ўнесены змены ў Статут 1832 г., у адпаведнасці з якімі сінод для Заходніх губерняў збіраўся 1—2 разы на год, а бегучыя справы разглядала Віленская рэфарматарская калегія. Пры гэтым на сінодах маглі прысутнічаць і кандыдаты ў члены духавенства [18, арт. 46070].

Фінансаванне дзейнасці епархіяльных кансісторыі было таксама ўніфікаваным для ўсіх хрысціянскіх канфесій і вызначалася некалькі разоў падчас перагляду штатаў. Так, у хуткім часе пасля выдання Статута духоўных кансісторыі у 1842 г. [17, арт. 14409] праваслаўным кансісторыям у

Заходніх губернях першага разраду (звыш за 700 тыс. прыхаджан у епархіі) належала ўтрыманне ў 5300 руб., а другога (ад 400 тыс. прыхаджан) — 4800 руб. Рымска-каталіцкія і пратэстанцкія кансісторыі маглі адносіцца да трэцяга разраду (менш за 400 тыс. прыхаджан), адпаведна яны атрымлівалі 2500 руб. [17, арт. 15189, 15907]. У канцы XIX — пачатку XX ст. кансісторыі набылі права наймаць пазаштатных канцэлярыстаў за ўласныя сродкі.

Справаводствам забяспечваецца дзейнасць любой установы; адпаведна, яго арганізацыі ў кансісторыях было нададзена шмат увагі як на нарматыўным, так і на метадычным узроўнях. Аднак яна тычылася пераважна сістэмы агульнай дакументацыі. Канцэлярыі ўтвораных пасля падзелу Рэчы Паспалітай кансісторый маглі карыстацца шэрагам метадычных распрацовак. Яны былі прызначаны для справаводства на рускай мове, аднак ў рымска-каталіцкіх і ўніяцкіх кансісторыях першапачаткова пераважна выкарыстоўвалася польская мова, а пратэстанцкая царква карысталася ў сваім справаводстве нямецкай [4; 28]. Нягледзячы на гэта, фармуляры дакументаў на практыцы выкарыстоўваліся. Напрыклад, падрабязна афармленне дакументаў разгледзелі М. Варадзінаў і Ф. Русанаў, у т. л. паўнамоцтвы на выданне розных відаў распарадчай дакументацыі, а першы таксама акцэнтаваў тэрміналагічныя аспекты [2, с. 20—23, 29—30; 22]. Формы прашэнняў і парадак іх складання апублікаваны Ф. М. Наліўкіным [15, с. 50—54, 61—64]. Акрамя таго, у мэтах адсочвання за зменамі ў нарматыўных патрабаваннях да арганізацыі справаводства і афармлення дакументацыі, В. Вельдбрэхт лічыў карысным выкарыстоўваць Звод законаў Расійскай імперыі (ЗЗРІ) і адсочваць адпаведныя публікацыі ў часопісе Міністэрства ўнутраных спраў, якому былі з 1832 г. падпарадкаваны інаслаўныя канфесіі [3, с. 85—86; 8; 23]. У афіцыйнае выданне ЗЗРІ, якое выйшла ў 1832 г., нарматыўныя акты па рэгламентацыі дзейнасці епархіяльных органаў канфесіянальнага кіраўніцтва не ўвайшлі, а з'явіліся толькі ў выданні 1857 г. і перавыдаваліся разам са Зводам [23]. Іншай крыніцай даведачнай інфармацыі для справаводства праваслаўных кансісторый маглі служыць Епархіяльныя ведамасці [5; 12; 13; 14; 20].

Арганізацыйныя пытанні справаводства адлюстраваны ў Статуце духоўных кансісторый і яго перавыданні, а таксама ў адпаведных інструкцыйных дакументах [25; 26; 34]. У іх разглядаліся і агульныя пытанні выдзення сістэмы спецыяльнай (канфесіянальнай) дакументацыі, сярод якой найбольшае значэнне мела судовая. Дакументаванне і парадак разгляду судовых спраў у кансісторыях хрысціянскіх канфесій таксама былі ўніфікаваны, адпаведна шэрагам даследчыкаў былі зроблены абагульненні, якія тычыліся арганізацыі іх разгляду. Так, Я. Кантаровіч выдаў зборнік дзеючага расійскага заканадаўства па канфесіянальнай праблематыцы. Ён акцэнтаваў прававое поле дзейнасці канфесій, але арганізацыя дзейнасці органаў кіраўніцтва імі ў зборніку абмежавана пытаннямі духоўнага суда, парадак міжканфесіянальных пераходаў. Пры гэтым парадак судаводства прыведзены ў зборніку

паводле Статута духоўных кансісторый [9, с. 113—149]. Рэгламентацыя духавенства ў яго зборніку разгледжана на падставе закону аб станах [9, с. 178—189, 209—222]. У дадатку прадстаўлены касацыйныя рашэнні Сената па канфесіянальных пытаннях, якія маглі выкарыстоўвацца ў якасці прэцэдэнтаў пры разглядзе аналагічных спраў, што ажыццяўлялася і пры разглядзе іншых спраў [9, с. 275—174; 18, арт. 694]. П. І. Дэгай прысвяціў асобную главу судаводству канфесіянальных органаў, у якой ён абмежаваўся сферай паўнамоцтваў духоўных судаў [6, с. XI—XIV]. Я. Ф. Колакалаў разгледзеў спрэчныя пытанні арганізацыі разгляду спраў, а ў дадатку да правілаў змясціў узоры афармлення судовай дакументацыі, якая таксама выкарыстоўвалася ў судаводстве кансісторый [11, с. 80—90, 106]. Выказаныя аўтарам тэзісы змяніліся з цягам удасканалення заканадаўства. Так, у 1866 г. для спрашчэння ўзаемадзеяння кансісторый і губернскіх органаў і ўстаноў сакратары кансісторый ад імя прысутнасці атрымалі права непасрэдна запатрабоўваць неабходныя звесткі, як і грамадзянскія судзі [17, арт. 43806; 27, арт. 69, 191—193]. Гэта адпавядала парадку грамадзянскага судаводства, уведзенаму ў 1864 г. У прыватнасці, у ім канкрэтызавалася, што арыгінальныя дакументы не выдаваліся асобе, якая звярнулася па звесткі, але маглі быць адпраўлены ў суд, якім справа разглядалася. Пры гэтым матэрыялы аператыўнага справаводства выдаваліся ў выглядзе выпісаў [17, арт. 41477, № 452—455]. Дарэчы, судовая ўлада духоўных судаў на заканадаўчым узроўні аддзялялася ад грамадзянскіх [18, арт. 41477; 27, арт. 2]. У 1896 г. былі ўнесены змены ў Статут духоўных кансісторый, у адпаведнасці з якімі спаганне за адсутнасць падчас судага пасяджэння ўпершыню складала ад 3 да 7 руб. 50 кап. па рашэнні кансісторый, а ў другі раз — у два разы больш. Пры гэтым спагнаць іх кансісторыя магла праз свецкі суд [19, арт. 12849].

Праблемы запаволенасці справаводства пачынаюць назірацца з пачатку XIX ст. і, нягледзячы на іх актуалізацыю на вышэйшым узроўні [17, арт. 27595], сітуацыя змянілася нязначна. Напрыклад, у 1832 г. паспрабавалі скараціць аб'ём справаводства ў праваслаўных кансісторыях. Адпаведна было дазволена не паведамляць Сіноду пры накладанні епітым'яў на асуджаных свецкімі судовымі ўстановамі, акрамя сумніўных выпадкаў. Епіскапам было дазволена прымаць канчатковыя рашэнні па справах аб скасаванні шлюбу сялян і мяшчан у выпадку працяглай адсутнасці супружніка. Аналагічныя правы былі распаўсюджаны на кансісторыі інаслаўных канфесій. Замест паўгадавых справаздач аб стане праваслаўных епархій, чытанні прамой, выяўленых забабонах і забароненых кнігах, якія прадстаўляліся з 1737 г. епіскапамі [17, арт. 7450], а з 1765 г. — кансісторыямі [17, арт. 12508], увадзіліся штогадовыя [17, арт. 7744]. Аднак гэта не вырашыла праблему канчаткова і пазней да яе звярталіся пераважна на галіновым і канфесіянальным узроўнях.

Такім чынам, арганізацыя дзейнасці кансісторый хрысціянскіх канфесій рэгламентавалася нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі па напрамках вызначэння тэрытарыяльных меж паўнамоцтваў, функцый і штатаў кансісторый, іх фінансавання і арганізацыі справаводства і архіваў. Пры гэтым улічвалася спецыфіка веравызнання і яго распаўсюджанасць, што адлюстравалася ў выданні адпаведных актаў па рэгламентацыі сферы дзейнасці кожнай з канфесій (Рэгламент 1769 г., Статут 1780 г., Палажэнне 1801 г. і інш.). На агульнадзяржаўным узроўні з канца XVIII ст. было імкненне ўніфікаваць адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне дзяржавы і канфесій, аднак наблізіцца да гэтага ўдалося толькі ў выпадку праваслаўнай царквы з утварэннем Гродзенскай епархіі ў пачатку XX ст. Пры гэтым удалося ўніфікаваць структуру кіраўніцтва хрысціянскімі веравызнаннямі праз увядзенне кансісторый як органаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіравання і духоўнага суда. Яны ў праваслаўных епархіях пачалі функцыянаванне са зменамі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення на беларускіх землях, а ва ўніяцкіх — з 1780 г., рымска-каталіцкай — 1782 г., а праз год у пратэстанцкіх. Кансісторыі з'яўляліся змешанымі калегіямі, у якіх права рашаючага голасу належала епіскапу. Іх структура і штаты да пачатку XX ст. вызначаліся нарматыўнымі актамі Расійскай імперыі і былі ўніфікаваны з праваслаўнымі кансісторыямі. Члены кансісторый павінны былі змяняцца кожныя тры гады. Ва ўніяцкіх кансісторыях абавязкова прысутнічаў прадстаўнік базільянскага закону, а ў пратэстанцкіх — роўная колькасць прадстаўнікоў духавенства, дваран і мяшчан. Апошняя была перагледжана ў 1912 г., калі склад кансісторыі быў нарматыўна абмежаваны пастарамі і царкоўнымі старшынямі. У канцэлярыі кансісторый вылучаліся служачыя для прыёму дакументаў, непасрэднага справаводства і апэратыўнага захоўвання спраў, вядзення актаў на пасяджэннях прысутнасці, захоўвання рэтраспектыўнай інфармацыі, адміністрацыйна-гаспадарчай работы. Аднак у рымска-каталіцкіх да сярэдзіны XIX ст. і пратэстанцкіх кансісторыях таксама была пасада перакладчыка, што звязана з мовай справаводства ў іх. У адрозненне ад іншых аспектаў арганізацыі дзейнасці органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскіх канфесій рэгламентацыя справаводства на агульнадзяржаўным узроўні тычылася пераважна сістэмы агульнай дакументацыі і падсістэмы судовай дакументацыі. Іншыя падсістэмы спецыяльнай (канфесіянальнай) сістэмы дакументацыі рэгламентаваліся на канфесіянальным узроўні пад кантролем і з удзелам вышэйшых і цэнтральных органаў кіраўніцтва.

Увогуле, у нарматыўным рэгуляванні дзейнасці кансісторый хрысціянскіх канфесій можна вылучыць тры агульныя перыяды. Падчас першага перыяду (1772—1841 гг.) была вызначана юрысдыкцыя ўтвораных кансісторый і іх штаты. Дзейнасць органаў епархіяльнага кіраўніцтва ажыццяўлялася ў адпаведнасці з дакументамі, распрацаванымі кіраўніцтвам дзяржаўнай улады з улікам спецыфікі ўнутранай палітыкі імперыі і саміх канфесій. Пры гэтым

пераважная ўвага аддавалася рэгламентацыі рымска-каталіцкай і ўніяцкай цэркваў. З прыняццем Статута духоўных кансісторый пачынаецца другі этап (1841—1883 гг.), падчас якога на нарматыўным узроўні адбываецца ўніфікацыя дзейнасці кансісторый і ўдакладняюцца іх функцыі, структура і штаты канцэлярыі. На трэцім этапе (1883—1918 гг.) ажыццявілася кадфікацыя змен у дзейнасці кансісторый у перавыданні Статута духоўных кансісторый, якім і шэрагам іншых нарматыўных актаў пад уплывам росту аб'ёмаў справаводства была праведзена рэструктурызацыя кансісторый, пашырэнне паўнамоцтваў епіскапа і сакратара канцэлярыі, фактычна да з'яўлення часовых структурных адзінак. Пры гэтым, калі раней кансісторыі ўтрымліваліся за дзяржаўны кошт, то ў канцы XIX — пачатку XX ст. яны атрымалі магчымасць пашыраць штаты з уласных сродкаў. Пры гэтым, калі нарматыўнае рэгуляванне дзейнасці інаслаўных канфесій ажыццяўлялася пераважна дзяржаўнымі і цэнтральнымі канфесіянальнымі ўладамі, то іх функцыі для праваслаўнай царквы ў пераважнай большасці выпадкаў ажыццяўляў Сінод.

Крыніцы і літаратура

1. Антановіч, З. В. Архіў Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі: уласціваці фарміравання, захаванасць, склад дакументаў (па матэрыялах архіўнага фонду 2301 «Магілёўская духоўная праваслаўная кансісторыя Сінода» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) // *Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 14 / рэдкал.: Ю. М. Бохан [і інш.].* — Мінск: НГАБ, 2016. — С. 14—33.
2. Варадинов, Н. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и единоличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. — СПб.: Тип. Я. Третья, 1857. — 586 с.
3. Вельдбрехт, В. Общия основания русскаго делопроизводства с приложением основных его форм. — СПб.: Тип. Я. Третья, 1854. — 122 с.
4. Всеобщий секретарь, или новый и полный письмовник, содержащий в себе письма: известительныя, совет подающия, обличительныя, повелительныя, просительныя, рекомендательныя, представляющия услугу, жалобу содержащия, выговорныя, извинительныя, содружественныя, поздравительныя, утешительныя, благодарительныя, издевательныя, любовныя, нравоучительныя и коммерческия, с присовокуплением: контрактов, записей, свидетельств. . . : [сост. в 2 ч. или в 5 отд.]. — Изд-е 2-е испр. и умнож. — М.: Унив. тип. Ридигера и Клаудия, 1796. — 2 т.
5. Гродненские епархиальные ведомости. 1900—1917.
6. Дегай, П. И. Учебная книга российского гражданского судопроизводства губерний и областей на общих правах состоящих, составленная для Императорского Училища правоведения Павлом Дегаем. — Изд-е 3-е согласов. с послед. изд. Свода Законов. — СПб.: Тип. Фишера, 1846. — 419 с.
7. Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского / Феофан (Е. Прокопович). — СПб., 1721. — 65 с.
8. Журнал Министерства внутренних дел. — 1829—1861.
9. Законы о вере и веротерпимости: с прил. свода разъясн. по кассац. решениям Сената / сост. Я. А. Канторович. — СПб.: Я. А. Канторович, 1899. — 287 с.

10. История Брестской епархии [Электронный ресурс]. — Дата доступа: 06.05.2021. — Режим доступа: pravbrest.by/история.
11. Колоколов, Е. Ф. Правила и формы для производства следствий, составленные по Своду законов. — М.: Тип. А. Семена, 1858. — 128 с.
12. Литовские епархиальные ведомости. 1864—1900.
13. Минские епархиальные ведомости. 1868—1917.
14. Могилевские епархиальные ведомости. 1883—1917.
15. Наливкин, Ф. Н. Руководство к сочинению писем и деловых бумаг: с образцами, примерами и формами: Ч. 1—2 / издание Федора Наливкина. — М.: Тип. Семена, 1847. — 192 с.
16. О духовенстве // Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича составленный. — СПб.: Тип. II отд. ЕИВ канцелярии, 1899. — Т. IX. — С. 49—59.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. — СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1649—1825.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. — СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830—1884.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. — СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1884—1913.
20. Полоцкие епархиальные ведомости. 1874—1917.
21. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1329. Оп. 1. Д. 19. Л. 692—712 об. Генеральный регламент [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/generalnyy-reglament>.
22. Русанов, Ф. Канцелярский самоучитель, или краткое руководство к познанию делопроизводства присутственных мест, с прибавлением форм переписки и канцелярских документов. — М.: Тип. Н. Степанова. — 1839. — 186 с.
23. Свод законов Российской империи / сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. — СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1896. — Т. XI. — Ч. 1.
24. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1885 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf. — Дата доступа: 22.05.2020.
25. Устав духовных консисторий. — СПб.: Синодальная типография, 1843. — 193 с.
26. Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и правительствующего Сената / сост. М. Н. Палибин. — СПб.: Юридический книжный магазин Н. К. Мартынова, 1900. — 232 с.
27. Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс]. — Дата доступа: 06.05.2021. — Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450>.
28. Ушаков, С. Всеобщий стряпчий или словарь практического гражданского делопроизводства. — СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1822—1825. — 20 ч.
29. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772—1860 гг. / Е. Н. Филатова. — Минск: Бел. наука, 2006. — 192 с.
30. Хавский, П. Собрание законов о судоустройстве и судопроизводстве гражданском, с присовокуплением свода двум учреждениям о губерниях, конфирмованным 1775 и 1780 годов, и законам, дополняющим или отменяющим статьи оных, по июль месяц 1824 года. — СПб., 1824.

31. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі ў 1863—1914 гг. / В. В. Яноўская. — Мінск: БДУ, 2002. — 197 с.
32. Boudou, A. Stolica Święta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między niemi w XIX stuleciu / A. Boudou; przekład z francuskiego Z. Skowrońskiej. — Т. 1: 1814—1847. — Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1928. — 608 s.; Т. 2: 1848—1883. — Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1930. — 680 s.
33. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). — F. 604. Ap. 4. B. 1297.
34. LVIA. — F. 694. Ap. 1. B. 1686.
35. LVIA. — F. 694. Ap. 1. B. 1687.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.08.2021

*К. М. Корбут,**аспірант 2-га года навучання**Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы;**e-mail: kiryllvov@gmail.com*

ЦЭРКВЫ г. НАВАГРУДКА XVII—XVIII стст. У СВЯТЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ВІЗІТАЦЫЙ

У апошні час на хвалі абмеркавання канцэпцый беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці гістарычная навука ўсё часцей звяртаецца да канфесіянальнай спадчыны беларусаў. Сярод палемік, якія ўзнікаюцца ў беларускім грамадстве сёння, асаблівае месца займаюць пытанні царкоўнай уніі 1596 г. Сучаснымі даследчыкамі царкоўнай уніі прапануюцца розныя канцэпцыі яе значэння для беларускай гісторыі і ўплыву на беларускую культуру. У дадзеным артыкуле аналізуецца генеральныя візітацыі цэркваў г. Навагрудка XVII—XVIII стст. Даследаванне візітаў з'яўляецца пэўным інструментарыем для таго, каб зразумець, як фарміравалася культурная ідэнтычнасць уніяцкай царквы ў дадзены перыяд [5, с. 7].

Горад Навагрудак з сярэдзіны XIII ст. становіцца адным з галоўных рэлігійных цэнтраў Вялікага Княства Літоўскага. З 1316 г. у горадзе размяшчаецца кафедра Літоўска-Навагрудскай мітраполіі і знаходзіцца рэзідэнцыя Кіеўскага мітрапаліта, якому падпарадкоўваліся Тураўскія і Полацкія праваслаўныя епіскапы. У 1415 г. у г. Навагрудку прайшоў царкоўны сабор, пасля якога Навагрудак фактычна становіцца аўтаномным цэнтрам праваслаўнай Літоўска-Навагрудскай мітраполіі.

Пасля абвяшчэння ў 1596 г. Брэсцкай царкоўнай уніі ў Навагрудку дзейнічала не менш за пяць уніяцкіх цэркваў. Сярод іх дзве мураваныя: св. Барыса і Глеба і замкавая Прасвятой Багародзіцы і тры драўляныя: Уваскрэсення Гасподня, св. Мікалая і св. Яна Прадвесніка. Царква св. Барыса і Глеба належала базільянскаму ордэну, а астатнія мелі статус парафіяльных. У візітах 1680 г. маецца апісанне толькі адной дзеючай царквы — Уваскрасенскай. На думку Д. Лісейчыкава, астатнія цэрквы, за выключэннем базільянскай Барысаглебскай, знаходзіліся ў запустэчэнні пасля падзей вайны 1654—1667 гг. [4, с. 173].

Навагрудак у XVII—XVIII стст. з'яўляўся цэнтрам аднайменнай прапагоіі (дэканата) і сабору (афіцыялату) у складзе Кіеўска-Віленскай епархіі.

Практыка пісьмовай фіксацыі вынікаў візітацый уніяцкіх цэркваў на гэтай тэрыторыі вядома з другой паловы XVII ст. Самыя раннія візіты, якія дайшлі да нас па тэрыторыі Кіеўска-Віленскай епархіі, датуецца 1666 г. Аднак і да гэтага часу практыка візітацый існавала, але падрабязных запісаў не вялося і не захавалася. Практыка правядзення пастаянных і перыядычных генеральных візітацый усталявалася пры мітрапаліце К. Жахоўскім. У 1674 г. была таксама спроба правесці візітацыі ў Пінска-Тураўскай епархіі, аднак яна не мела поспеху. Пасля няўдалага Люблінскага сабору 1680 г., мэтай якога

было аб'яднанне структур кіравання ўніяцкай і праваслаўнай цэркваў у Рэчы Паспалітай, перад мітрапалітам К. Жахоўскім паўстала вострая неабходнасць правесці генеральную візітацыю для вызначэння колькасці падуладнай паствы і парафій. Першая суцэльная візітацыя на тэрыторыі Навагрудскага афіцьялату адбылася ў 1680 г. Мітрапаліт даверыў яе правядзенне прадстаўнікам белага духавенства, а не базыльянам, з якімі меў складаныя стасункі.

Практыка генеральных візітацый ніколі не перарывалася. Нават у візітах за 1765 г. навагрудскіх цэркваў мы можам сустрэць згадку пра дакументы папярэдніх візітаў 1740-х гг. Аднак да нас дайшлі толькі некаторыя візіты, а менавіта за 1680, 1754, 1765 і 1798 гг. Захаваныя візіты ахопліваюць сабой увесь перыяд станаўлення ўніяцкіх інстытуцый. Па гэтых прычынах мы можам выкарыстоўваць атрыманыя даныя візітаў Навагрудскіх цэркваў для далейшага даследавання праблемы фарміравання культурнай ідэнтычнасці грэка-каталіцкай царквы.

Візіты ўяўляюць сабой вопіс маёмасці цэркваў, якія рабіліся з мэтай інвентарызацыі і вызначэння матэрыяльнага стану парафій. У дадзеным артыкуле прапануецца разгледзець даныя візітаў цэркваў г. Навагрудка за 1765 г. [7], а таксама параўнаць іх змест і фармуляр з наяўнымі больш раннімі візітамі 1680—1682 гг. [8], 1754 г. [9] і пазнейшымі — за 1798 г. [3]. Дзякуючы параўнанню зместу візітаў 1765 г. з больш раннімі і познімі мы зможам устанавіць час з'яўлення альбо знікнення ў храмах асобных прадметаў царкоўнага начыння. На падставе даных візітаў мы ўбачым, якія з гэтых элементаў былі характэрныя для заходняй і ўсходняй традыцый альбо для іх абедзвюх. Паколькі г. Навагрудка з'яўляўся адным з галоўных цэнтраў ўніяцкай царквы ў Вялікім Княстве Літоўскім, стан і матэрыяльнае забеспячэнне храмаў у гэтым горадзе будзе адлюстроўваць стан усёй Царквы ў рэгіёне. Атрыманыя вынікі дазваляць рэканструяваць асобныя моманты богаслужэбнай традыцыі ў дадзеным рэгіёне, а таксама вызначыць ступень уплыву лацінскай культуры на ўнутранае аблічча ўніяцкага храма.

Таксама вельмі важна вызначыць асоб, якія праводзілі візіты. Ці былі гэта манахі-базыльяне, епіскапы ці клірыкі з ліку белага духавенства. У залежнасці ад даследавання гэтай праблемы мы можам казаць пра тое, кім і як успрымалася абсталяванне ўніяцкага храма, і як яно адлюстроўвалася ў запісах візітаў.

Першую суцэльную візітацыю ў 1680 г. праводзілі святар царквы ў в. Сенна Навагрудскага павета, пісар Навагрудскага капітула Аляксандр Валавовіч і святар царквы м. Дзвяткавічы Слонімскага павета, ваўкавыскі пратапоп Юрый Марушэўскі. Абодва візітатары адносіліся да белага духавенства. Хоць больш дакладных даных аб іх паходжанні і адукацыі мы не маем, але, прытрымліваючыся агульнай тэндэнцыі канца XVII — пач. XVIII ст., мы ведаем, што белае духавенства з дзяцінства атрымлівала толькі хатнюю адукацыю. Як сведчаць архіўныя даныя, вельмі часта на гэтым адукацыя спыня-

лася [6, с. 56]. Адсюль тэрміналогія, якую выкарыстоўвалі візітатары 1680 г., багатая на царкоўнаславянскія тэрміны.

Візітацыю 1754 г. праводзіў святар Іосіф Куксенскі (Куксінскі), віленскі дэкан і сурагатар, які таксама належаў да белага духавенства. Але пасля Замойскага сабору (1720 г.) сітуацыя з выхаваннем белага духавенства значна палепшылася. Забаранялася ставіць на пасады людзей без адукацыі. Як бачна, святар Іосіф Куксенскі меў высокія пасады дэкана і сурагатара, што сведчыць аб яго добрай адукацыі. Белае духавенства да 1798 г. звычайна навучалася ў Віленскім папскім алмнаце. Гэтая ўстанова кіравалася іезуітамі, а выкладчыкі назначаліся з Рыма [6, с. 57]. Па гэтай прычыне мы можам убачыць, што ў візітах 1754 г. традыцыйныя рэчы ўсходняга абраду называюцца каталіцкімі тэрмінамі.

На жаль, нам невядомы імёны візітатараў за 1765 г., але, параўноўваючы іх з візітамі за 1754 г., мы можам сказаць аб тым, што іх таксама складалі людзі з класічным каталіцкім выхаваннем.

Візітацыю 1798 г. праводзіў святар Тамаш Вашчыловіч. Ён быў шляхецкага паходжання, вучыўся ў Віленскім папскім алмнаце; прэзентаваны саніцкім старастам Янам Салагубам, высвечаны і інсталяваны пінска-тураўскім епіскапам Г. Дашковічам-Гарбацкім (1769—1779) у г. Пінску 19.07.1778. З’яўляўся асэсарам генеральнай мітрапаліцкай кансісторыі 1798, гродзенскім сурагатарам 1798, архідыяканам Брэсцкага капітула 1818. На падставе біяграфічных звестак візітатара мы можам казаць і пра стылістыку візітаў 1798 г., у якіх выкарыстоўваюцца не толькі польскія назвы абсталявання цэркваў, але і лацінскія тэрміны. Гэты факт дапамагае нам прасачыць працэсы лацінізацыі ўніяцкай адукацыі і справядства.

У якасці дадатку публікуюцца матэрыялы генеральнай візітацыі навагрудскіх цэркваў за 1765 г., якія захоўваюцца ў Музеі старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і да гэтага часу практычна невядомыя шырокаму колу даследчыкаў. Варта адзначыць, што візіты 1765 г. з’яўляюцца самымі падрабязнымі апісаннямі навагрудскіх цэркваў у параўнанні з іншымі, якія захаваліся да нашага часу.

Структура візітаў цэркваў г. Навагрудка 1765 г.

Візіты складзены на польскай мове, аднак для пазначэння прадметаў царкоўнага начыння ў тэкстах выкарыстоўваюцца царкоўнаславянскія тэрміны і беларусізмы. У ранейшых візітах для апісання царкоўных рэчаў царкоўнаславянскія тэрміны выкарыстоўваліся часцей. У пазнейшых візітах царкоўнаславянскія тэрміны ўжываюцца да прадметаў і кніг, аналагаў якіх няма ў лацінскай традыцыі, а прадметы, уласцівыя дзвюм традыцыям, занатаваны польскімі або лацінскімі тэрмінамі.

У структуры візітаў можна вылучыць наступныя асноўныя рубрыкі:

У загалюўку змешчана назва населенага пункта і назва царквы. Дата складання візіты і асоба складальніка не пазначаліся. Таксама не было пазначана, паводле чыйго даручэння і пры якіх абставінах праводзілася візітацыя. Часам гэта становіцца зразумелым з кантэксту, калі ў тэксце згадваюцца імёны візітатараў і даты візітацыі.

Пасля загалюўка пададзена агульнае апісанне царквы: яе поўная назва, месцазнаходжанне, найменне вуліц. Апісваецца знешні выгляд: наяўнасць купалаў і надкупальных крыжоў, стан даху, колькасць дзвярэй і вокнаў, прылеглых да асноўнай часткі царквы памяшканняў або прыбудоў.

Далей апісваецца алтарная частка. Алтаром, паводле лацінскай традыцыі, называецца стол, на якім здзяйсняўся царкоўны сакрамонт. Як і ў лацінскай традыцыі, алтары падзяляюцца на асноўныя і дадатковыя. Калі падаецца апісанне некалькіх алтараў, то галоўны алтар суправаджаецца азначэннем: «у якім захоўваюцца *Святыя Дары*». Неабходна адзначыць, што апісанне ўнутранага абсталявання храма пачынаецца адразу з апісання алтара. На думку І. Скачыльса, менавіта факт апісання іканастаса або алтара з'яўляецца сведчаннем уплыву лацінскай традыцыі на ўніяцкую царкву [12, с. 55]. У апісанні цэркваў г. Навагрудка 1765 г. іканастасы не згадваюцца, апісваецца толькі алтар і яго начынне. Гэта сведчыць аб тым, што ў дадзеных храмах у гэты час алтарная частка была адкрыта і не была адмежавана іканастасам. Сярод рэчаў у алтары пералічаны падсвечнікі, антымінс, крыжы, алтарныя ўборы і інш. Пасля апісання прадметаў алтара прыводзіцца апісанне начыння, якое выкарыстоўваецца ў час набажэнстваў. Дадаецца частка называецца «*Sprzęty*» («Абсталяванне»). Тут пералічваюцца літургічныя сасуды: келіхі, дыскасы, лжыцы, кадзілы і інш. Неабходна адзначыць, што для апісання алтарных прадметаў выкарыстоўвалася тэрміналогія розных традыцый. Напрыклад, у больш ранніх візітах выкарыстоўваліся і царкоўнаславянскія, і польскія назвы прадметаў, у візітах за 1754 г. і 1765 г. — выключна польскія, а ў візітах 1798 г. — выключна лацінскія. У візітах за 1754 г. [10, с. 3], а таксама больш позніх з'яўляюцца прадметы, якія не выкарыстоўваюцца ў набажэнстве візантыйскага абраду, наяўнасць жа некаторых рэчаў, такіх, як іканастас ці алтарныя прылады (губка, сямісвечнік), якія былі неабходныя для абсталявання алтара паводле візантыйскай традыцыі, адсутнічаюць.

У раздзеле «*Apparatu*» («Літургічнае адзенне») падаецца інвентар рызніцы. Як і ў выпадку апісання алтарных прылад, для наймення прадметаў выкарыстоўваецца тэрміналогія, уласцівая лацінскай традыцыі: *альба*, *стулы*, *карпаралы*. Варта адзначыць, што ў візітацыі за 1680 г. пры апісанні падаюцца як лацінскія, так і царкоўнаславянскія, і грэчаскія тэрміны (аналаг *карпарала* ў візантыйскім абрадзе — гэта *ілітон* і г. д.).

Пасля інвентарызацыі царкоўных рэчаў і адзення візіта апісвае наяўнасць богаслужэбных кніг. У больш ранніх візітах часцей сустракаюцца назвы, уласцівыя візантыйскаму абраду (напрыклад, *Службоўнік* замест

Мишл). Найменні, якія выкарыстоўваюцца выключна ў візантыйскім абрадзе, засталіся нязменнымі на працягу ўсяго аналізуемага перыяду: *Актоіх*, *Трэбнік* або *Паўустаў* (*Тытік* або *Тынікон*) і інш. Акрамя богаслужэбных кніг, у дадзеным раздзеле пералічана наяўнасць метрычных кніг, кніг шлюбаў і спавядальных кніг.

Наступны раздзел візітаў называецца «*Parafia*» («*Парафія*»). У ім апісана тэрыторыя, якая адносіцца да царкоўнай парафіі. Тут падаюцца звесткі аб тым, якія вуліцы ў горадзе, асобныя дамы, бліжэйшыя вёскі адносяцца да царквы. Для кожнай вуліцы, вёскі лічбамі пазначана колькасць хат, якія акармляліся парафіяй.

У раздзеле «*Plėbania*» («*Плябанія*») пададзена апісанне жылых і гаспадарчых пабудов пры царкве.

У раздзеле «*Gruntu*» («*Землі*») пазначаны зямельныя ўладанні, пляцы ў горадзе, якія належалі царкве, а таксама сяляне-агароднікі, якія жылі на гэтых пляцах.

У раздзеле «*Documenta*» («*Дакументы*») даецца апісанне дакументаў царкоўнага архіва. Як правіла, гэта дакументы на права валодання зямлёй (асноўныя і дадатковыя фундушы), пратаколы папярэдніх візітацый царквы, метрычныя кнігі.

Напрыканцы кожнага пратакола пададзена кароткая характарыстыка святара, які знаходзіцца пры царкве.

У час візітацыі 1765 г. былі праінвентарызаваны тры парафіяльныя царквы г. Навагрудка: св. Мікалая, Уваскрэсення Гасподня і св. Яна Прадвесніка. Спынімся на больш падрабязным апісанні кожнай з іх.

Царква св. Мікалая

Царква св. Мікалая згадана ў тастаменце сына мінскага харужага Мікалая Корсака ад 27 верасня 1657 г. У візітах за 1680 г. яна не адзначана, верагодна, з прычыны запусцення [3, с. 181]. У візітах за 1754 г. і 1765 г. даюцца аднолькавыя агульныя звесткі пра царкву: драўляная, невялікая, драўляная крытая, без купала, з жалезным крыжам, без памоста, бабінец стары, восем акон у драўлянай аправе, тое дзвярэй на жалезных завесах, драўляны амбон.

Апісанне ўнутранага абсталявання царквы пачынаецца з апісання алтара, што можа сведчыць аб адсутнасці іканастанса. Асноўны алтар вялікі, на ім знаходзіцца *цыборыум* (ciborium). На алтары змешчаны два абразы — Укрыжавання Ісуса Хрыста і св. Мікалая. У візітацыі за 1765 г. даецца больш падрабязнае апісанне іконы св. Мікалая: са срэбранай каронай і дзвюма пласцінамі. Магчыма, дадзены абраз быў мясцовашанаванай святыняй, таму што апісваюцца срэбраныя элементы акладу і паводле лацінскай традыцыі абраз быў «*каранавань*», што рабілася, калі ікона вызнавалася чудатворнай. Далей даецца апісанне алтарных элементаў: укрыжаванне (*Crucifix*) са срэбранай пласцінай, два бронзавыя бляшаныя настольныя падсвечнікі і яшчэ адна пара драўляных. *Тувален* тры, *антытэдыум* вышыты. Дзве іконы на бакавых сце-

нах — Найсвяцейшай Панны і прарока Іллі. Два меншыя бакавыя алтары, на адным з якіх старадаўні антыпедыум, покрыўцы, два драўляныя падсвечнікі і драўлянае ўкрыжаванне. У візітах за 1754 г. даецца больш падрабязнае апісанне бакавых алтароў. Тут неабходна адзначыць, што практыка бакавых алтароў не была ўласціва храмабудаванню візантыйскага абраду. У лацінскай традыцыі бакавыя алтары выкарыстоўваліся для служэння ватыўных Імшаў [9, с. 21]. Пачынаючы з XIII ст. і асабліва пасля Трыдэнцкага сабору (1545—1563 гг.), колькасць бакавых алтароў стала расці не столькі таму, што ў храме служылася некалькі Імшаў, колькі з-за рэзкага скачка колькасці святароў у гарадах. Відаць, гэты элемент аздаблення ўніяцкага храма быў запазычаны з лацінскай практыкі.

На алтары згадваецца старадаўні зялёны *антыпедыум*, жоўтыя покрыўцы, а таксама даецца апісанне *ахвярніка*. На думку І. Скачыўся, падрабязнае апісанне алтара звязана з тым, што ў многіх храмах алтар быў нізкім або непрыдатным для здзяйснення сакрамантаў [11, с. 47]. Таксама згаданы тры старадаўнія іконы, без удакладнення намаляваных на іх постацей ці сюжэтаў.

Далей прыводзіцца апісанне літургічнага посуду. Трэба адзначыць, што візітатары асабліваю ўвагу надавалі матэрыялам, з якіх быў выраблены літургічны посуд. Уніяцкая царква, асабліва пасля Замойскага сабору 1720 г., кантралявала якасць матэрыялаў богаслужэбных прадметаў. Не дазвалялася ўжываць келіхі з недарагіх матэрыялаў [1, с. 114]. Сярод інвентару згадваецца срэбраны келіх з пазалотай і дыскасам, дзве срэбраныя лыжачкі і адна металічная, срэбрае кадзіла і пяць алтарных званоў. На думку некаторых даследчыкаў, практыка выкарыстання алтарных званочкаў ніколі не была ўласціва візантыйскаму набажэнству. Традыцыя выкарыстання званочкаў у лацінскім набажэнстве была звязана перш за ўсё з тым, што дарэфарменная Імша служылася на лаціне, званочкі ж служылі для таго, каб абвясціць прысутным аб прычашчэнні. Традыцыя выкарыстання званочкаў у рымска-каталіцкай царкве замацавалася пасля Трыдэнцкага сабору, на якім узнімалася пытанне аб часе перамянення Святых Дароў. Таму многія даследчыкі называюць дадзеную традыцыю запазычанай з лацінскай практыкі. Аднак у палеміцы паміж перайшоўшым з праваслаўя ва ўніяцтва манахам Касьянам Саковічам і кіеўскім праваслаўным мітрапалітам Пятром Магілай, апошні кажа пра тое, што званочкі даўно выкарыстоўваюцца ў праваслаўным набажэнстве: *«І без вас, дзе хочучь, без забароны, іх (званочкі) прымаюць даўно: так ля алтара, і калі да хворага з Найсвяцейшым Сакрамэнтам ідзе»* [2, с. 43]. У візітацыі гаворыцца аб адным пашкоджаным звоне, які пацярпеў у выніку пажару. Можна дапусціць, што пажар меў месца паміж 1754 і 1765 гг., паколькі ў больш ранняй візіце аб гэтым здарэнні не згадваецца. У храме меліся дзве *харужвы* і *крыж для працэсій*, а таксама два *антымінсы*.

Рызніца царквы св. Мікалая на момант візітацыі 1765 г. была невялікай і складалася з дзвюх рыз чырвонага колеру з турэцкага матэрыялу. Таксама мелася адна старая шэрая рыза і адна чорная, чатыры *карпаралы*, адзін *пояс*, *альба* з *зумералам* і адна *комжа* (стыхар).

З богаслужэбных кніг у царкве меліся наступныя: *Евангелле in folio* ў аксамітнай вокладцы, на якім пяць пазалочаных срэбраных пласцін, *Службоўнік* віленскага друку, метрычныя кнігі хростаў, шлобаў і пахаванняў. Сціплы набор кніг у візіце 1765 г. можа гэтак жа сведчыць пра пажар, аб якім згадвалася раней. У 1754 г. кнігазбор царквы складаўся з *Евангелля* ў срэбраным акладзе, *Евангелля* на польскай мове, старой *Мінеі*, *Трэбніка*, *Паўустава*, *Псалтыра* і кнігі «Собраніе прыпадков краткое».

У візіце 1798 г. даецца больш кароткае апісанне царкоўнага начыння: *срэбная ложка*, *арнат* з турэцкай матэрыі, стары *Трэбнік* супрасльскага друку, адзін малы звон і два вялікія.

Парафія царквы ў 1765 г. ахоплівала вуліцы Траецкую і Кавальскую, 14 дамоў на Замку. Да парафіі св. Мікалая таксама належала 11 вёсак. Падчас візітацыі 1765 г. у царкве меліся метрычныя кнігі, а падчас візітаў за 1754 г. запісаў у іх знойдзена не было.

Плябанія царквы св. Мікалая ўяўляла сабой звычайную белую хату з васьмю вокнамі, з каморай, пакоікам і кухняй. Царкве таксама належалі землі ў Галькаве і Гарустове, а таксама два пляцы ў самім Навагрудку, на якіх знаходзілася плябанія і жылі агароднікі. Да апісання парафіі св. Мікалая дадаецца вопіс дакументаў, сярод якіх дакументы на пакупку пляцаў і валоданне зямлёй, копія пастановы Навагрудскага магістрата аб штогадовай выдачы на карысць царквы воску цэхам шаўцоў, ранейшыя візіты за 1746 і 1748 гг.

Царква Уваскрэсення Гасподняга

Уваскрэсенская царква — адна з трох драўляных цэркваў, якая згадана яшчэ ў тастаменце сына мінскага харужага Мікалая Корсака ад 27 верасня 1657 г. У візіце гэтай царквы за 1680 г. даецца яе кароткае апісанне: драўляная, крытая дранкамі, бедная. У 1680 г. да царквы належалі два пляцы, адзін пад плябанію, а другі на Жыдоўскай вуліцы. Да парафіі царквы адносіліся тры вуліцы г. Навагрудка: Дзвякозінская, Папкоўская і Ігуменская, а таксама 8 вёсак.

У візітах 1754 і 1765 гг. апісваецца наступным чынам: царква невялікая, знаходзіцца на вул. Дзвякозінскай, на ўзгорку за французсканскім кляштарам. Царква драўляная, з адным невялікім купалам і жалезным крыжам, з трыма жалезнымі дзвярыма, адны з якіх з жалезным замком, і двое іншых з драўлянымі замочкамі. У царкве пералічаны тры драўляныя алтары, адзін з выявай Уваскрэсення Гасподняга, другі з выявай Прасвятой Багародзіцы і трэці з выявай св. Пятра і Паўла. На галоўным алтары ёсць *цыборьум*, пяць пар *тувален*, драўляных падсвечнікаў тры пары і адна пара алавая. *Антытэдым* — адзін вышыты і два іншыя кітайкавыя, старыя. У царкве была алаваяная

чаши з дыскасам, бляшаная банка з верхам, пара бляшаных амбул. У царкве меліся тры алтарныя званы. З пералічанага літургічнага адзення значылася кітайкавае аблачэнне: адна альба з зумералам, пояс, два карпаралы. Кніг у царкве не меліся, у візіце за 1765 г. значыцца толькі адзін *Службоўнік* віленскі, і той быў запісаны да царквы св. Мікалая.

Трэба адзначыць, што ў візіце за 1680 г. даецца больш багатае апісанне царкоўнага інвентару: цыборыум срэбраны, срэбраная звяздзіца і лжыца, срэбраны крыж, алавая мірніца, латуннае кадзіла, бляшаныя медныя падсвечнікі. Да таго ж дадаецца апісанне іканастаса (*дэісуса*). Неабходна адзначыць, што апісанне іканастаса пералічваецца разам з рэвізіяй алтарнага начыння. У сучаснай тэрміналогіі *дэісусам* называецца трыпціх, які складаецца з абразоў Ісуса Хрыста, Багародзіцы і Яна Хрысціцеля. Такі трыпціх можа размяшчацца на алтарнай сцяне, але, як правіла, размяшчаецца ў цэнтры, на трэцім ярусе іканастаса. Але візітары *дэісусам* называюць цалкам увесь іканастас [13, с. 352]. Такім чынам, у пратаколах візітаў згадка пра іканастас сустракаецца толькі ў 1680 г., а ў пазнейшых адсутнічае.

У 1680 г. у царкве меліся наступныя кнігі: рукапіснае *Евангелле*, *Службоўнік*, *Трэбнік*, вялікі *Устаў* (*Тыпikon*), *Апостал*, друкаваны *Псалтыр*. З царкоўнай вопраткі: дзве *рызы* адамантавыя з *поручамі і покрывамі*, адна блакітная, адна чорная, шэсць *тувален*, два *ілітоны*, адна *комжа*, адзін *покрывец* для памерлых. У царкве вяліся метрычныя кнігі хросту і шлюбаў.

У візітах за 1798 г. даецца наступнае кароткае апісанне царкоўнага начыння: пушка алавая, чатыры алтарныя званы, *Службоўнічак*, выдадзены ў Супраслі. Пастановы Замойскага сабору вызначалі неабходныя кнігі, якія павінны былі мецца ў кожным храме для здзяйснення набажэнстваў [1, с. 88]. Акрамя *Евангелля*, *Апостала*, *Псалтыра*, у царкве павінны былі захоўвацца кнігі для нядзельных прапаведзяў і вытрымкі з пастаноў Замойскага сабору*, аднак такія кнігі ў многіх храмах не меліся. Не маецца згадак пра іх і ў апісанні царквы Уваскрэсення Гасподняга.

Да царквы належалі зямельныя ўладанні ў Галкоўне, Кубарцы і Гарустове і каля гасцінца. Таксама пляц, на якім стаіць царква і плябанія. Да царквы таксама належала царква і капліца ў Літве (в. Літоўка). Да парафіі ў 1765 г. адносіліся вуліцы Дзвякозінская, Папкоўская, Ігуменская і Віленская і 9 вёсак. Таксама да парафіі былі запісаны дзве прыпісныя царквы. Каля царквы была пабудавана плябанія: белая хата, вялікая, без камор. Візітацыя адбылася 9 сту-

* [Кішка, Л.] Собрание припадковъ краткое, и духовнымъ особомъ потребное. Имущее в себе Науку о Сакраментяхъ, о десяти Божіихъ Приказаніяхъ, о Приказаніяхъ Церковныхъ, и о Науце Христіанской, съ выкладомъ Символа или Исповеданія Веры Православныя Кафолическія, съ выкладомъ Молитвы: Отче нашъ: и Богородице Дево: Такожде Науку, како подобаеъ наставляти малыхъ или невежовъ в Веры Православной, содержащее. — Супрасль, 1722. — С. 3 адв. — 4.

дзена 1765 г. паводле загаду мітрапаліта Феліцыяна Валадковіча. У час яе ў царкве былі знойдзены выпіскі з пяці папярэдніх візіт.

Царква св. Яна Прадвесніка

Трэці храм, звесткі пра які ўтрымліваюць візіты 1765 г., гэта царква св. Яна Прадвесніка. Яе найменне занатавана ў пратаколе царкоўнаславянскімі словамі і літарамі. Хутчэй за ўсё гэта можа сведчыць аб устаялай назве, якая была агульнавядомай, і якую візітатар вырашыў пакінуць аўтэнтычнай.

Царква на той час была новай, з драўлянага бруса, крытая драўлянымі, невялікая, знаходзілася на вуліцы Цырынскай. На даху быў адзін купал з жалезным крыжам, двое дзвярэй з жалезнымі засоўкамі, а бакавыя з замкамі. Тры алтары сталярнай работы. Адзін з выявай Прасвятой Багародзіцы ў срэбранай кароне. Тут, як і ў царкве св. Мікалая, пазначана ікона з каронай, што магло сведчыць пра яе асаблівае ўшанаванне. На другім алтары стаяў *цыборьм*, драўлянае *Укрыжаванне*, пара алавяных *падсвечнікаў* і тры пары драўляных, *тувален* тры, трэці *бакавы алтар* з іконай св. Мацея. Тры парчовыя *накрывкі*, *антыпедым* і *закладкі*. Трэба адзначыць, што візітатары не ўзгадваюць пра выкарыстанне і захаванне ў царквах спецыяльнай губкі для абцірання келіха і дыскаса. На Замойскім саборы губкі былі забаронены для выкарыстання ва ўніяцкіх храмах [1, с. 56]. Замест губак уніята прынялі лацінскую практыку выкарыстання спецыяльных ручнікоў (*тувален*). У царкве меўся алавяны *келіх* з алавяным *блюдцам*, алавяная *мірніца*, адзін *алтарны звон*, дзве *харугвы*, адзін *працэсійны крыж*. Два *антымінсы*: адзін новы, а другі больш стары. Аблачэнняў два: адно кітайкавае жоўтае, а другое зялёнае, *альба* з *гумералам*, *пояс*, *тры карпаралы* ў кепскім стане. З кніг у царкве налічваліся два старыя *Службоўнікі*, *Актоіх*, *Трэбнік*, польскамоўнае *Евангелле*. Метрычныя кнігі хростаў, шлюбаў і пахаванняў не вяліся.

У візітах за 1798 г. даецца наступнае апісанне царкоўнага інвентару: срэбны *келіх* з залатой устаўкай, другі медны, медная *пушка*, *пэндзлік* (даецца лацінская назва *vasculum*), латунны *трыбуляр* (*кадзіла*), каваная *скрыня*. З літургічнага адзення ў царкве меліся: зялёны *арнат*, *альбы* з *гумералам*, *комжа*, два *паясы*, дзве *харугвы*, пяць *карпаралаў*. З кніг пералічаны: віленскі *Службоўнік*, *Евангелле* на польскай мове, метрычныя кнігі, пачынаючы з 1795 г. Як бачна, меліся не ўсе кнігі, якія павіны былі захоўвацца ў царкве згодна з пастановамі Замойскага сабору.

Да парафіі адносіліся дзве вуліцы ў г. Навагрудку: Цырынская і Жыдоўская, а таксама 11 вёсак. Плябанія ўяўляла сабой белую вялікую хату з каморай, стаенкай, броварам і пякарняй. Да парафіі належалі тры валокі зямлі: адна ў Галькаве, другая ў Харастове, а таксама тры пляцы ў горадзе. Таксама пры візітах 1765 г. былі выяўлены дакументы, складзеныя папярэднімі візітатарамі.

Высновы

Прааналізаваўшы змест візіт цэркваў г. Навагрудка за 1680—1798 гг., мы прыйшлі да высноў, што знешні выгляд храмаў за гэты час змяніўся нязначна. Паводле апісання цэркваў можна зрабіць выснову, што самай багатай у перыяд 1754—1765 гг. была царква св. Мікалая. У храме пералічана шмат вырабаў са срэбра, аднак рызніца храма і кнігазбор былі невялікімі. У візітах 1798 г. даецца сціплае апісанне літургічных прадметаў. Царква Уваскрэсення Гасподня адзіная, якая была ўзгадана ў візітах 1680 г. Можна меркаваць, што першапачаткова царква мела трохі больш царкоўных рэчаў, чым у час візітацый XVIII ст. Унікальным фактам з’яўляецца апісанне *дэісуса* — іканастанса, які на той час яшчэ прысутнічаў у царкве. У пазнейшых візітах апісанне іканастанса адсутнічае і адразу даецца апісанне алтара, што можа сведчыць пра тое, што ў XVIII ст. алтарная перагародка адсутнічала. Гэтак жа пры царкве за 1680 г. згадваецца багаты кнігазбор, а візіты 1754 і 1765 гг. фіксуюць толькі Службоўнік віленскага друку, які належаў царкве св. Мікалая.

Царква св. Яна Прадвесніка ў 1765 г. уяўляе сабой тыповую царкву, без дарагіх убораў і літургічных прадметаў. У 1798 г. у царкве ўжо меліся прадметы са срэбра. Кнігазбор царквы, апісаны ў візіце 1765 г., да канца XVIII ст. зменшыўся. З пералічаных раней кніг застаўся толькі адзін Службоўнічак і польскамоўнае Евангелле.

Неабходна адзначыць, што ў візітах за розныя гады істотна адрозніваецца апісанне адных і тых жа прадметаў. Напрыклад, у візітах за 1680 г. мы можам сустрэць мноства грэчаскай або царкоўнаславянскай тэрміналогіі. У візітах 1754 і 1765 гг. для апісання царкоўных прадметаў, алтарнага начыння, адзення і кніг выкарыстоўваецца ў асноўным польская тэрміналогія. Візіты 1798 г., хоць і даюць кароткія апісанні царкоўнага інвентару, практычна ўсе тэрміны падаюць па-лацінску.

Сярод прадметаў, якія былі пералічаны ў візітах, адсутнічаюць важныя элементы алтарнага строя візантыйскай традыцыі, напрыклад, сямісвечнік і губкі. Адсутнасць пералічаных элементаў у візітах пасля 1754 г. можа сведчыць аб рэалізацыі на практыцы пастановаў Замойскага сабору. Пра гэта таксама сведчаць некаторыя элементы літургічнага адзення, аналагаў якіх у візантыйскім абрадзе не маецца. Сведчаннем гэтаму могуць служыць і партрэты ўніяцкіх мітрапалітаў XVIII ст., якія малююцца вельмі часта ў адзенні, якое складаецца як з грэчаскіх, так і з лацінскіх элементаў.

Аднак варта адзначыць, што часцей гаворка ідзе не пра кардынальныя змены саміх літургічных элементаў, а аб выкарыстанні візітатарамі тэрміналогіі, якая больш уласціва лацінскай традыцыі. Па гэтай прычыне важным крытэрыем з’яўляецца ідэнтыфікацыя візітатараў, атрыманая імі адукацыя і прыналежнасць да вызначанага пласта ўніяцкага духавенства. Праведзены аналіз дае нам падставу казаць пра тое, што адбывалася паступовая лацінізацыя ўніяцкай адукацыі і справаводства. Візітатары, якія атрымлівалі класічную

лацінскую адукацыю ў Віленскім папскім алямнаце, дзе выкладчыкамі былі езуіты, у візітах выкарыстоўвалі польскія і лацінскія назвы прылад алтара і царкоўнага начыння.

На падставе атрыманых даных мы можам зрабіць выснову, што навагрудскія цэрквы часткова падвергліся пранікненню лацінскіх элементаў, аднак іх агульны выгляд у перыяд з 1680 па 1798 г. кардынальна не змяніўся. Па-ранейшаму захоўваліся многія богаслужэбныя кнігі візантыйскай традыцыі, а таксама ўласцівыя гэтай традыцыі царкоўныя рэчы.

Дадатак

Генеральныя візіты цэркваў у г. Навагрудку Навагрудскага павета. 1765 г.

Miasto Nowogrodek

[*арк. 30*] Miasto Nowogrodek. | W którym cerkiew pod tytułem S(więteg)^o Mikołaja, w kolumnach | J(eg)^o K(rólewskiej) M(iłoś)ci, p(ana) n(aszego) mił(ościwego)^o.

Drewniana, dobra, gątami kryta, niewielka, | bez kopuły z krzyżem żelaznym, przy której babiniec, cmentarz nieoparkaniowy. Do cerkwi drzwi troje na *zawiasach** żelaznych potrójnych, dwoje z zawałami drewnianymi, a trzecie z zamkiem wiszącym. | Wewnątrz pomostu niemasz, stol z tarcic, okien osim w drzwiach poprawnych, ambona prostej roboty. |

Ołtarz Wielki stolarskiej roboty, malowany pod optyką z obrazem S(więteg)^o Mikołaja, na którym korona srebrna, y tabliczek dwie, | zasłonka kitayczana. Na mniejsze cyborium stolarskiej roboty zamknięte, w którym konserwuje się S(anti)s(i)mum w puszcze cynowej pod | kapką materyalną. Krucyfiks drewniany z blachą po jednej stronie wsiądz idącą srebrną y z korpusem srebrnym. Lichtarzow | spiżowych popsutych ołtarzowych par dwie, cynowych stołowych | para, y drewnianych para. Tuwałen trzy, antepedium harusowe, | poduszka || [*арк. 31*] pod mszał, nakrywadło druczkowe. | Ołtarze dwa bez żadnej apparencyi bokowe, to iest na ścianach obrazy, ieden N(ajświętszej) Panny, drugi Ś(więteg)^o Eliasza. Na mensach | po trzy tuwałen y antepedia iedne kamlotowe, drugie kartonowe stare. Nakrywadła płocienne, lichtarzow drewnianych po | parze y krucyfiks drewniany stary. |

Sprzęty. Kielich srebrny, intus et extra pozłocisty z patyną | srebrną z iednej strony pozłocistą do tego ż kielicha iest wierzch | srebrny pozłocisty z korpusem na wierzchu i krzyżykiem. Łyżeczek | srebrnych dwie, trzecia premetalowa. Trybularz srebrny z łańcusz|kami. Dzwonków ołtarzowych pięć. Dzwonow wiszących pięć, z tych | trzy mniejsze osadzone, a ieden sredni nieosadzony ieszcze po pożarze, | piąty zaś, który iest znacznie spory nieosadzony także y na iednym | brzegu podobno podczas pożaru troche rozbity. Miernica cynowa. | Chorałwi dwie. Krzyż procesyonalny. Antymissow dwa. |

* У гэтым месце памылкова *zawiazach*.

Apparaty. Jeden axamitny czerwony, drugi ataminowy | także czerwony, ieszcze dobre. Apparat bowiem tureckiey materyi | na dnie czerwonym z kołnierzem y lisztwą w koło haftowaną. Druǳi adamaszkowy popielaty, a trzeci kitayeczany czarny stare | cum requisiti. Alba z humerałem. Pasek ieden. Korporałów 4. | Komża y bursa do chorych. |

Xięgi. Ewangelia in folio w axamit oprawna, na ktorey tablic srebrnych pozłacanych pięć, ewangelistow cztery, aniołkow cztery, puklow pięć y klauzurki srebrne. Mszał wiłłeński. Mełyki chrztow, słubow y pogrzebów. |

Parafia. W miescie Nowogrodku ulica Troiecka, druga Kołwalska y Zamek dom(ów) 14. Wsi Mołodow dom(ów) 19, Siemłkowo dom(ów) 11, Milkiewicz dom(ów) 10, Wołkonosa dom(y) 3, | Łodzieyniki dom(ów) 13, Sanczyce dom(ów) 10, Brecianki dom(ów) 20, | Horodeczna dom(ów) 9 Radziwiłowka dom(ów) 5, Plebanka dom(ów) 15, | Peresieka dom(ów) 7. |

Plebania. Izba biała z komorą, w sieniach kuchnia y spiłżarnia. Na przeciwko izba biała z komorą, po iedney stronie | budynku pomost, okien osim w drzewo oprawnych, drzwi | szescioro, z ktorych pięcioro na zawiasach żelaznych z klamkami. Pod spodem piwnica murowana. Sam budynek gałtami kryty. Chlew stary opadły. Druǳi nowoprzesypany niewielki. || [apk. 32] Gumno noviter przesypane ieszcze nienakryte. |

Gruntu cerkiewnego włok trzy, jedna w Hałkowie, druga (w) | Chorostowie, trzecia w zarosłach z sianożęciami przeciwko siebie | będącemi. Item sznur dziazkowski w Hałkowie. Item w miescie | Nowogrodku placow dwa, gdzie cerkiew y plebania zabudowana przy | ulicy Wałowskiej leżące, na ktorych placach y ogrod plebanski, oraz | dwoch jurydzyczan w swoich mieszkaią zabudowaniach, ktory | posiadzialki placą po talaru bitym. Item plac ieden na Żydowskiy ulicy pusty, leżący iednym bokiem do placow mieskich, a | drugim do placu cerkiewnego S(więt)°-janskiego wpiera iednym konćcem w ulicą Żydowską, a drugim w tatarskie grunta. |

Documenta. Fundusz in arhivio ma się znaydować. Testament x(iędz)^a Kraskiewiczza na przykupiony przy cerkwi plac w r(ok)^u | 1687 kwietnia 23 dnia datowany. Kopia dekretu maydeburjskiego r(ok)^u 1738 maia 10 dnia ferowanego, którym przysądzono aby cech szewski po trzy funty wosku corocznie dawał. | Wizyty dawniejsze, iako to ich m(oś)c(ió)w xięży Bienieckiego pod r(okie)^m 1746, | Bielkiewiczza pod r(okie)^m 1748, tudzie x(iędz)^a Łomanowicza y Kuksieńskiego, oraz w(ielebnego) j(ego mości) x(iędz)^a Młodowskiego przy cerkwi znayduią się. |

Cerkiew druga, Woskresenska.

Tamże w Nowogrodku przy ulicy Dzwiekozynskiej za franiszkałnami nad zaułkiem na pagorku drewniana dobra niewielka, gałtami kryta, z kopułką małą y krzyżem zelaznym. Około | niey cmętarz nieoparkaniony. Drzwi do cerkwi na zawiasach | żelaznych troie, iedne z nich z zamkiem wiszącym, inne z zawałtami drewnianemi. Wewnątrz cerkwi pomostu niemasz. Stól niełdokączona. Oltarzow pod optykę malowanych stolarskiej roboty trzy, ieden z obrazem Zmartwychwstania Panskiego, druǳi | N(ajświętszej) Panny, trzeci S(więtych) Apostołów Piotra y

Pawła. Na Wielkim Ołtarzu cyborium zamczyste, tuwalen na Ołtarzach pięć, lichtarzow drewnianych par trzy, cynowych stołowych para, antepedia iedne harusowe, a dwie kitayczane stara. |

Sprzęty tey cerkwi. Kielich cynowy z patyną. Puszka cynowa z wierzchem, ampulek cynowych para. Dzwonkow ołtarzowych trzy. Dzwon wiszący ieden. Kociołek mosięzny. Apparatus kitayczany. Alba z humerałem. Pasek. Korporałow dwa. Mszał || [арк. 33] wilenski wyżej przy cerkwi S(więt)u Mikolskiej zapisany. |

Gruntu do cerkwi należącego włok trzy, iedna w Hałkowie, druga w Kubarcie y Chorostowie, trzecia w zarosłach przy goscincu | Bielickim z sianożęciami. Item szmat *gruntu**, na którym cerkwiew y plebania stoi, pomiędzy grobly metropolitańskiej, iednym bokiem a | drugim do zaułku idącego do ulicy Dzwiekożynskiej leżący, wpięrający iednym koncem o place mieskie, a drugim o ulicę Dzwiekożynską, na którym gruncie siedzi juryzdyczanow czterech, po talaru bitym na rok placących. Item plac na rogu na ulicy Żydowskiej. |

Do teyż cerkwi Woskresieńskiej należy filia w Litowce, | która iest drewniana, dranicami kryta, w której ołtarzow trzy | roboty prostey. Do tey że filii należy gruntu włok pułtrzeci na trzy | zmiany naywięcey w zarosłach będącego z sianożęciami przeciwko | siebie będącemi. Tam ze przy kaplicy dzwonek wiszący ieden. |

Parafia: w miescie ulica Dzwiekożynska, Popkowska, Ihumenjska y Wilenska domow 21, wsi: Zdanowicze dom 12, Kornysze | Małe dom 4, Kornysze Wielkie dom 10, Pucewicze dom 8, Łowczyce dom 18, Droczyłow dom 11, Mukinicze dom 3, Nowosiółki dom 1, Litewka dom 11. |

Plebania Woskresenska: izba biała duża bez komory y siełni dranicami kryta, gumno było ale iak się rozwalilo, te xiądz | paroch drzewo do S(więt)u Mikulskiej cerkwi sprowadził. |

Przy tych dwóch cerkwiach aktualnym parochem w(ielebny) x(iądz) | Jan Neumann, konsekrowany y installowany przez j(aśnie) w(ielmożnego) j(egomość) x(ię)dzia | metropolitę Wołodkowicza, pasterza terazniejszego, w r(ok)u 1765 | dnia 9 januarii w Kupieczowie. Podanie ma od przew(ielebne)g) x(ię)dzia | Wysiewskiego, dziekana nowogr(ódzkiego). |

Tey ze cerkwi Woskresenskiej wizyt sztuk pięć, to iest: ich m(ości) | xięży wizytatorow Bieneckiego, Bielkiewicza, Młodowskiego, Łomanowicza y Kuksienkiej przy parochu znajdui się. [арк. 34 прапуичаны, арк. 35]

Cerkiew trzecia w Nowogrodku | Свѣ(та)хо Крестителѣ Господнѣ Иванна. |

Drewniana, nowa, niewielka, brusowana, od ulicy oparkaniona, przy | Cyrynskiej ulicy sytuowana, gętami kryta, z kopułą y krzyżem żelaznym. Do cerkwi drzwi dwoie, iedne z zasuwą żelazną, a drugie bokowe z zamkiem wiszącym. Wewnątrz pomost przed wielkim ołtarzem. Stoł z tarcic, okna w drzewo opawne, zakrystya przy boku barzo mała y niedokączona. |

* Даписана паверх асноўнага тэксту.

Ołtarzow stolarskiej roboty pod optykę malowanych trzy, ieden z obrazem N(ajświętszej) Panny, na którym korona srebrna. Na men|siej cyborium stolarskiej roboty zamczyste, w którym konser|wuje się S(ancti)s(si)mum w puszcę cynowej pod kapką materyalną. Krucyfix drewniany. Lichtarzow cynowych stołowych para iedna, | drewnianych par trzy. Tuwałen trzy, nakrywadło harusowe. | Ołtarz poboczny z obrazem S(więtego) Jana. Na mense krucyfix | drewniany y lichtarzow para, tuwałen trzy. | Ołtarz drugi poboczny z obrazem S(więtego)^o Maciecia. Na men|siej | [apk. 35 adę.] tuwałen trzy y nakrywadło druczkowe, antepedia u wszys|tkich ołtarzow drewniane malowane. |

Sprzęty. Kielich cynowy z patyną srebrną białą popsutą. Do | tego z kielicha wierz(ch) cynowy. Miemica cynowa. Dzwonek ołtarzo|wy ieden, Chorągwi dwie. Dzwonek w kopule wiszący ieden. Łyżycy precmetalowa, druga mosiężna. Krzyż processjonalny. An|tymissow dwa, ieden nowy, drugi dawniejszy. |

Apparaty. Jeden kitayczany żółty, drugi pułgredyturowy | w kostki, cum requisitis. Alba z humerałem. Pasek. Korporałow | trzy. Bursa do chorych. |

Xięgi. Mszalikow małych oprawy potrzebujących starych dwa. | Oktoich ni 4to. Trebnik. Ewangeliyka polska. Y metryki chrztow, | slubow, pogrzebow niepisane. |

Parafia. W miescie ulica Cyrynska y Żydowska domow 17. | Wsi Lezniewicze dom 19. Kuscin domow 7. Sieciewin dom 13. | Iholniki dom 6. Janowicz dom 8. Zarowie dom 26. Babicze | dom 3. Romaniuki dom 2. Niewiasowszczyzna dom 6. Ła|hodki dom 5. Kubarka dom 3. |

Plebania. Izba biała z komorą, sienmi y piekarnią z komo|rą. Szpich(le)rz. Gumna dwa y staienka. Oraz browar z izbą białą przy koncu. |

Gruntu cerkiewnego włok trzy, jedna w Hałkowie, druga w Kul|barciu y Chorostowie, trzecia w zarosłach, tamze gdzie y tamtych | cerkwi z sianożęciami. Przy tym placow trzy pod cerkwią, pleba|nią y jurydyką, na których placach mieszka jurydzycza|now trzy. Item plac na Żydowskiej ulicy pomiędzy placow cerkwi Woskresenskiej y S(więtego)^o Mikołaiia. |

Dokumenta. Fundusz ma być in archivio metropolitano. | Wizyty bowiem iakoto: ich m(ości) xięży wizytatorow dawniejszych | Bienieckiego pod rokiem 1746, Bielnkiewicza pod r(okiem) 1748, Młodowskiego pod r(okie)^m 1752 y Łomanowicza pod r(okie)^m 1758. Tudziez | podanie w r(ok)^u 1747 przez x(iędz)^a Symona Holowczyca, dziekana | bywszego nowogr(ódzkiego), datowane przy Cerkwi znajduia się. |

Przy tej cerkwi aktualnym parochem w(ielebny) x(iądz) Aftanazy | Dzmítrowicz, konsekrowany y installowany przez j(aśnie) w(ielmożnego) j(ego mość) x(ię)dz(a) | s(więtej) p(pamięci) metropolitę Hrebnickiego r(ok)^u 1747 dnia 24 Junii w Wilnie. | A poniewaz [apk. 36] dla kazusu słuczenia się znacznego w(ielebny) x(iądz) Dzmítrowicz | jest impotens y mniej sposobny do administrowania S(więtych) Sakra|mentow y szafowania onymi, przeto ażeby o koadjutora sobie | między jednym starał się rokiem lub ustawicznego wikare|go konserwował, niniejszą wizytatorską nakazuie się dy|spozycyą. |

Visita(t)io expedita d(ie) 17 Julii 1765.

Музей старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. НД 1687.

Літаратура і крыніцы

1. Statuty Synodu Zamojskiego 1720 roku Nowe tłumaczenie z komentarzami / Redakcja naukowa Przemysław Nowakowski SM. — Kraków, 2020. — 418 s.
2. Архив ЮЗР. — Т. 1. — Ч. IX. — Киев: Университетская типография, 1893. — 341 с.
3. Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. — Т. 14. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1904. — 230 с.
4. Лісейчыкаў, Д. В. «Сооружены ест коштом и накладом отца Константына»: сэрбрана напрасольны крыж з Наваградка і лёс яго стваральніка // *Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт./ рэд. В. Ф. Голубеў [і інш.]*. — Вып. 17. — Мінск: НГАБ, 2019. — С. 170—183.
5. Лісейчыкаў, Д. В. Візіты ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг.: зб. дакументаў / Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск, 2009. — 270 с.: іл.
6. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларускалітоўскіх зямель 1720—1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск: «Медысонт», 2011. — 198 с.
7. Музей старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. — НД 1687. — Генеральныя візіты цэркваў Клецкага, Навагрудскага, Нясвіжскага і Цырынскага дэканаў за 1765 г.
8. НГАБ. — Ф. 136. Воп. 1. Спр. 42042. Візіты ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў Кіеўска-Віленскай епархіі 1680—1682 гг. 107 арк.
9. НГАБ. — Ф. 1502. Воп. 1. Спр. 13. Визиты церквей Новогрудского уезда за 1754 г. Арк. 1—9.
10. Радзевич, И. Р. Алтарь XVII—XVIII вв. как средство организации сакрального пространства в католических храмах Беларуси / И. Р. Радзевич // *Вестник Брестского государственного технического университета. Серия «Строительство и архитектура»*. — 2017. — № 1. — С. 20—23.
11. Скочиляс, І. Генеральні візітацыі в украінсько-білоруських епархіях Київської уніятської митрополії. 1596—1720 роки // *Записки наукового товариства імені Шевченка*. — Т. ССXXXVIII. Праці Історично-філософської секції. — Львів, 1999. — С. 46—94.
12. Скочиляс, І. Генеральні візітацыі Київської унійної митрополії XVII—XVIII століть. Львівсько-Галицько-Кам'янецька епархія. Т. 2: Протоколи генеральних візітацій / І. Скочиляс. — Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2004. — 512 с.
13. Флікоп, Г. А. Асаблівасці тэрміналогіі пры апісанні іканастасаў у візітацыйных актах уніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII—першай трэці XIX ст. // *Історія релігій в Україні: науковий щорічник / упоряд.: Киричук, Олександра; Омельчук, Марія; Орлевич, Ірина*. — Львів: Львівський музей історії релігії, вид-во «Логос», 2014. — Кн. 2. — С. 350—361.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 08.07.2021

В. Л. Насевіч,

кандыдат гістарычных навук

В. В. Азаронак,

краязнавец

РАННЯЯ КРЫНІЦА ПРА ГІСТОРЫЮ ЛЕПЕЛЯ.

ЧАСТКА 1. ДА СЯРЭДЗІНЫ XVI ст.

Згадка пра 1439 год як дату першага ўпамінавання Лепеля, раённага цэнтра Віцебскай вобласці, маецца ледзь не ў кожнай публікацыі пра гэты горад. Але з гэтай датай не ўсё так проста. Ніхто не бачыў той гістарычны дакумент, у якім змешчана гэтая згадка. Усе яе ведаюць, усе на яе спасылваюцца, а адкуль яна ўзялася — застаецца таямніцай. Шмат недакладнасцей сустракаецца і ў аповедах пра далейшую гісторыю Лепеля. Таму мэтазгодна сістэматызаваць увесь корпус ранніх звестак, у тым ліку тых, якія выяўлены аўтарамі гэтых радкоў у апошні час, а таксама гістарыяграфію пытаня.

Сціслыя звесткі пра раннюю гісторыю Лепеля, на той час павятовага горада Віцебскай губерні, былі прыведзены ваенным тапографам і гісторыкам-аматарам Міхаілам Восіпавічам Без-Карніловічам у 1855 г. [5, с. 111—114]. Ён сцвярджаў, што сын вялікага князя Жыгімонта Кейстутавіча Міхаіл у 1439 г. падараваў сваё сяло «Стары-Леппель» Віцебскаму касцёлу. Пазней вялікі князь Аляксандр пацвердзіў гэтае наданне па просьбе ксяндза Кухарскага і дадаткова «приобшил деревни: Боровно, Мощены, Сурицы и 3 корчмы». Там жа згадвалася пра існаванне ў 1548 г. маёнтка Белае, які пазней набыў назву «Бялы-Леппель».

Далей у яго кнізе паведамляецца пра Лепельскі замак, які нібыта быў спалены падчас Інфлянцкай вайны ў 1563 г. і ў 1568 г. адноўлены. Затым Без-Карніловіч распавядае пра пераход Лепеля ў 1586 г. з уласнасці святарскай рады — капітула (у польскай мове гэтае слова — жаночага роду) Віленскага каталіцкага біскупства «тогдашнему владельцу Белого или Нового Леппеля Льву Сапеге, устроившему из них два местечка». Пазней Сапега падараваў маёнтка «в пользу им основанного в Вильне женского францисканского монастыря» (насамрэч, кляштар належаў не да ўласна францысканскага, а да бернардынскага ордэна, які з'яўляецца яго адгалінаваннем). Гэта адзіная звестка, у якой ёсць дакладная спасылка на першакрыніцу: панегірычны твор пра род Сапегаў, напісаны іх прыдворным біёграфам, езуітам Казімірам Канавіцкім, і выданы ў 1790 г. [2, с. 187].

Апрача таго, Без-Карніловіч паведаміў, што фундацыйны запіс Льва Сапегі быў 13 мая 1617 г. зацверджаны «Вярхоўным польскім трыбуналам». Аднак юрысдыкцыя Галоўнага Польскага трыбунала на тэрыторыю ВКЛ не пашыралася. Там дзейнічалі Галоўны Літоўскі і Галоўны Духоўны, а таксама Скарбовы трыбунал. Зацвярджэнне фундацыйных запісаў адносілася да кампетэнцыі Галоўнага Духоўнага, але такі запіс для прыдання яму юрыдычнай сілы («крэпасці») мог уносіцца і ў т. зв. «крэпасныя актавыя кнігі» (*libri ins-*

scriptorum perpetuarum) Галоўнага Літоўскага трыбунала. Правярць звестку немагчыма, бо актавыя кнігі абодвух трыбуналаў за 1617 г. не захаваліся. Прыгтым страчаны яны былі, напэўна, яшчэ падчас вайны з Расіяй 1654—1660 гг.* У рукі Без-Карніловіча магла патрапіць хіба што асобная выпіска з такой кнігі.

Падрабязны артыкул пра Лепель быў надрукаваны ў пятым томе «Геаграфічнага слоўніка Царства Польскага і іншых славянскіх краёў» [4, с. 149—151], які выдаваўся ў Варшаве з 1880 па 1902 год на польскай мове. У артыкуле пра Лепель паўтаралася звестка Без-Карніловіча пра яго наданне ў 1439 г., але сцвярджалася, нібыта менавіта яно адбылося па просьбе ксяндза Кухарскага. Пацвярджэнне Аляксандра атрымала дату — 1503 г. і было крыху ўдакладнена: касцёлу былі дадаткова нададзены Боравенскае войтаўства, вёскі Мошчаны, Соржыца і тры карчмы ў Віцебску. Быў даддзены шэраг новых звестак, якія тычыліся прыналежнасці Лепеля да Віленскага капітула.

Аўтарства артыкула пра Лепель пазначана ініцыяламі «М. К.». Сярод аўтараў «Геаграфічнага слоўніка», пералічаных у пасляслоўі да 14-га тома, такія ініцыялы адпавядаюць Міхаілу Кусцінскаму. Тое, што пра яго вядома з іншых крыніц, пацвярджае, што артыкул напісаў менавіта ён. Нарадзіўся Міхаіл Францавіч Кусцінскі ў 1829 г. у належачым яго бацьку маёнтку Завідзічы, зусім побач з Лепелем, на супрацьлеглым беразе Лепельскага возера. Вучыўся на юрыдычным факультэце Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта адначасова з адным з пачынальнікаў расійскай археалогіі — графам Аляксеем Уваравым. Пад уплывам Уварава заняўся вывучэннем старажытнасцей, асабіста капаў курганы і склаў карту археалагічных помнікаў Віцебскай губерні. Створаны ім у родных Завідзічах музей атрымаў прызнанне сярод археолагаў і аматараў гісторыі. З 1867 г. Кусцінскі стаў членам-карэспандэнтам, а з 1874 г. — сапраўдным членам Маскоўскага археалагічнага таварыства [11, с. 318; 16, с. 101—102]. Таму не дзіўна, што артыкул пра Лепель замоўлі менавіта яму.

На гэты артыкул спаслаўся затым адзін з пачынальнікаў археаграфіі і архіўнай справы ў Беларусі Дзмітрый Іванавіч Даўгяля ў сваёй кніжцы пра Лепель, надрукаванай у 1905 г. у сувязі са стагоддзем надання Лепелю статусу павятовага (уезднага) горада [10]. Пры гэтым кнігу Без-Карніловіча ён не ўпамінае. Даўгяля адзначаў, што першыя згадкі пра Лепель, у тым ліку пра вядомы з 1563 г. замак і вядомае з 1565 г. мястэчка, тычацца Старога Лепеля, а на месцы сучаснага горада, на рацэ Уле, на мяжы XVI і XVII стст. было заснавана іншае мястэчка, якое пры згадцы ў 1604 г. называецца Новы Лепель. Паз-

* Існуючыя зараз актавыя кнігі Галоўнага Літоўскага трыбунала захоўваюцца ў фондзе 8 (SA) Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы (Lietuvos valstybės istorijos archyvas, LVIA). Страчаны ўсе крэпасныя кнігі за перыяд да 1662 г. Кнігі Галоўнага Духоўнага трыбунала захоўваюцца ў тым жа архіве ў фондзе 10 (SA). Яны цалкам страчаны за перыяд да 1775 г. [12, с. 1—6, 73].

ней Сапега, уладальнік абодвух мястэчак, Старога і Новага Лепеля, падараваў іх разам з навакольнымі вёскамі кляштару бернардынак у Вільні. У акце, фіксуючым гэтае падараванне, нібыта прыводзілася і ранейшая назва — «Белае альбо Новы Лепель». Такім чынам, Д. Даўгяля пагадзіўся, што папярэдняя гісторыя горада непасрэдна звязана не са Старым Лепелем, а з сялом Белае, вядомым, паводле яго, з 1550 г. (Без-Карніловіч даваў іншую дату — 1548 г.) і пазней ператвораным у мястэчка Новы Лепель.

Усе далейшыя публікацыі абапіраліся на гэтыя звесткі, прытым крытычна іх прааналізаваць ніхто не спрабаваў. Разгледзім больш уважліва тое, што вынікае з аўтэнтычных дакументаў.

Значная колькасць актаў, якія тычыліся пачатковай гісторыі каталіцкай царквы ў ВКЛ, была ўведзена ў навуковы ўжытак праз выдадзены ў 1948 г. першы том грунтоўнага выдання «Дыпламатычны кодэкс Віленскай катэдры і дыяцэзіі» (задуманае выданне другога тома не адбылося). У гэты том трапіў адзін з дакументаў, у якім прыгадваецца Лепель — той самы пацвярджальны прывілей Аляксандра ад 1503 г., які згадваўся без даты ў кнізе Без-Карніловіча, і з датай — у артыкуле Кусцінскага. Прытым існаваў ён у двух асобніках, створаных на розных мовах і неадначасова. Прывілей ад 1 жніўня быў напісаны на рускай (старабеларускай) мове, а прывілей ад 17 жніўня — на лацінскай [1, s. 660—664, 671—676].

Лацінскамоўны варыянт захаваўся ў архіве Віленскага біскупства, якому пэўны час належалі былія ўладанні Віцебскага касцёла. Арыгінал рускамоўнага прывілея 1503 г. не захаваўся, але яго копія была ўпісана ў актавую кнігу Віленскага біскупства, а таксама ў адну з актывых кніг Літоўскай метрыкі. Па зместу абодва прывілеі крыху адрозніваюцца, але ў галоўным супадаюць: кароль і вялікі князь Аляксандр абвясчае, што плябан Віцебскага касцёла Св. Тройцы Станіслаў Кухарскі звярнуўся да яго з просьбай пацвердзіць больш раннія прывілеі, якія страчаны з прычыны надбаласці папярэднікаў плябана і іншых неспрыяльных нагод. Гэтую просьбу Аляксандр задавальняе.

Такім чынам, па просьбе Кухарскага быў выдадзены ўсё ж пацвярджальны прывілей, а не першасны, як падалося Кусцінскаму. Больш таго, з тэксту відавочна, што гэтых першасных прывілеяў было некалькі, але яны да 1503 г. былі страчаны і ніякіх падрабязнасцей пра іх не прыводзіцца. Невядома, ні калі быў выдадзены самы першы прывілей, ні кім, ні што дакладна змяшчаў. Пра яго змест можна разважаць на падставе таго, якія маэнткі пацвердзіў Аляксандр касцёлу па просьбе плябана. Але тут розныя асобнікі разыходзяцца. Рускамоўны прывілей сцвярджае, што касцёлу некалі былі нададзены людзі «в селах в тых им[енем] Боровно и Лепле, Мощно-сельцо». Прынамсі, так выглядае тэкст з Літоўскай метрыкі [6, с. 132—135]. Выдаўцы «Дыпламатычнага кодэкса» падалі рускі тэкст на падставе копіі з архіва Віленскага біскупства, напісанай па-руску, але лацінскімі літарамі. Там ён выглядае крыху інакш — замест злучніка «и» паміж назвамі Бораўна і Лепле з'явілася літара

«к», а выраз «Мошчына сяльцо» выглядае як дзве назвы. Атрымалася: «в селах тых именем Боровно, к Лепле, Мощно, Сельце». Падаецца, што ў Літоўскай метрыцы гэты фрагмент тэксту быў зафіксаваны больш дакладна: у складзе маёнткаў Віцебскага касцёла, а пазней Віленскага біскупства вядомы паселішчы Бораўна і Лепель на тэрыторыі сучаснага Лепельскага раёна, Мошчына ў Сенненскім, а асобнае паселішча Сяльцо ці Сельца невядома.

Што да лацінскамоўнага прывілея, то ў ім гэты ж фрагмент выглядае так: «ville et curie, videlicet Borowno, Leplye, Mosczone, Schuricza et Selcze». Лацінскім словам villa (множны лік ville) звычайна перадавалася рускае слова «сяло», а curia (curie) адпавядала тэрмінам «двор» і «сяльцо» (у сэнсе «паселішча, што выконвае ролю цэнтра маёнтка»). Прытым паміж Мошчынам і Сяльцом, падазненым як асобны тапонім, з'явіўся новы аб'ект — Schuricza, які ў рускім варыянце адсутнічае.

І аўтар артыкула ў «Геаграфічным слоўніку», і выдаўцы «Дыпламатычнага кодэкса» слухна меркавалі, што справа ідзе пра яшчэ адзін маёнтак Віцебскага, а пазней Віленскага касцёла — Сорыцу альбо Соржыцу. Адсутнасць яе ў рускамоўным прывілеі 1503 г. тлумачыцца тым, што першапачатковы прывілей пра яе падараванне не быў страчаны. Ён датуецца 12 мая 1494 г., захаваўся ў архіве Віленскага біскупства і надрукаваны ў тым жа «Дыпламатычным кодэксе» [1, s. 476—478]. Праўда, сама назва Сорыца там не згадваецца. Гаворыцца пра падараванне Віцебскаму касцёлу ў дадатак да раней нададзенай маёмасці аднаго селяніна-данніка па прозвішчы Мядзвядак, сяліба якога знаходзілася ля возера Астроўна, разам са значным кавалкам зямлі ад азначанага возера да ракі Дзвіны, уздоўж рэчкі Чарнагошчы. Зірнуўшы на карту, можна пераканацца, што сяліба гэтага Мядзвядка мусіла знаходзіцца якраз там, дзе пазней вядомы двор Соржыца — маёнтак Віленскага біскупства (зараз у Бешанковіцкім раёне). Можна меркаваць, што ксёндз Кухарскі адмыслова папрасіў, каб у лацінскай версіі прывілея 1503 г., якая рыхтавалася пазней за рускую, была ўпісана дакладная назва гэтага паселішча, якая адсутнічала ў прывілеі пра яго наданне. Прытым яна трапіла паміж словамі «Мошчына» і «сяльцо», ператвараючы апошнія ў фіктыўную геаграфічную назву. Калі Кухарскі і заўважыў гэтую недакладнасць, настойваць на яе выпраўленні ён не стаў.

Відавочна, што Без-Карніловіч і Куцінскі грунтавалі свае высновы на той версіі прывілея 1503 г., якая захоўвалася ў Вільні, прычым карысталіся абодвума тамашнімі асобнікамі: толькі з рускамоўнага можна было зрабіць памылковую выснову, што Бораўна было прыдадзена да Лепеля («к Лепле»), а Соржыца прысутнічае толькі ў лацінскамоўным варыянце, прытым яе назву можна прачытаць як «Сурыца». Але кожны з аўтараў сказіў змест дакументаў. Насамрэч, у прывілеі не гаворыцца пра прыданне да Лепеля ні «Боравенскага войтаўства», ні проста Бораўна і Мошчына, а толькі пра пацвярджэнне

здаўна належачых касцёлу паселішчаў. А галоўнае, няма ні слова пра тое, што яны былі падараваны ў 1439 г. Міхаілам Жыгімонтавічам.

Калі і як Без-Карніловіч мог атрымаць звесткі з архіва Віленскага біскупства? Архіўны збор капітула захоўваўся непасрэдна ў будынку катэдральнага касцёла св. Станіслава ў Вільні [14, с. 15—17], адкуль быў перададзены ў створаную ў 1865 г. Віленскую публічную бібліятэку. Частка збору, напэўна, трапіла туды адразу, рэшта — у 1893 г. [13, с. 16]. Без-Карніловіч меў магчымасці для доступу ў архіў, калі той знаходзіўся яшчэ ў касцёле. Можна меркаваць, што працу над кнігай ён вёў з 1847 па 1850 г., калі ў чыне генерал-маёра Генеральнага штаба кіраваў тапаграфічнымі здымкамі Віцебскай губерні. Але невядома, працаваў ён у архіве сам ці карыстаўся паслугамі памочнікаў. Ва ўсякім разе, аўтарства версіі пра наданне князя Міхаіла належыць яму. Пазней яе паўтарыў Куцінскі, пры гэтым наблытаўшы з роляй ксяндза Кухарскага. Іншыя звесткі свайго папярэдняка ён істотна дапоўніў і ўдакладніў: дадаў дату прывілея, выправіў Сурышу на Соржыцу. Але, відавочна, ператварыў Бораўна ў Баравенскае войтаўства, што не адпавядала ні зместу дакумента, ні гістарычнай тэрміналогіі пачатку XVI ст. Гэта паказвае, як вольна маглі абыходзіцца гісторыкі-аматары з тэкстамі выкарыстаных імі дакументаў.

Улічваючы гэтыя акалічнасці, дату першага ўпамінавання Лепеля ў 1449 г. трэба прызнаць памылковай. Нават калі сяло Лепель сапраўды было падаравана Віцебскаму касцёлу ў XV ст. (што цалкам праўдападобна), дакладныя звесткі пра гэта былі страчаны ўжо на самым пачатку наступнага XVI ст., і ўзнавіць іх не было як — інакш не было б і патрэбы рабіць пацвярджальны прывілей. Таму першай бяспрэчнай згадкай назвы Лепеля (у форме «Лепле») трэба лічыць 1 жніўня 1503 г. Калі дакладна адбылося першапачатковае яго наданне Віцебскаму касцёлу і каму Лепель належаў да таго, застаецца невядомым.

Наступныя звесткі, прыведзеныя Куцінскім і значна дапоўненыя Даўгялам, таксама могуць быць сёння ўдакладнены. Асноўны корпус дакументаў, якія тычацца ранняй гісторыі Лепеля, адклаўся ў фондзе, які зараз вядомы як фонд 43 у аддзеле рукапісаў Бібліятэкі Акадэміі навук Літвы (былой Віленскай публічнай бібліятэкі).

Менавіта з гэтага фонду паходзіць, як ужо прыгадвалася, арыгінал прывілея Віцебскай плябані ад 17 жніўня 1503 г. Копіі іншых дакументаў, у тым ліку прывілея ад 1 жніўня 1503 г., упісваліся ў актавыя кнігі капітула (*Acta Venerabilis Capituli Vilensis*). Найбольш ранняя з існуючых актавых кніг ахоплівае перыяд з 1500 па 1533 г. Зараз яна пераплецена ў адзін том з наступнай кнігай, за 1533—1546 гг. [7]. Увогуле ж захаваліся 34 кнігі *Acta Venerabilis*. У дзвюх з іх, шостаі і сёмай, маюцца звесткі пра абставіны пераходу Старога Лепеля ад капітула да Льва Сапегі, якія скарыстаў Даўгяла, і да якіх мы вернемся ў другой частцы артыкула.

Апрача актавых кніг, у архіве капітула адклалася вялікая колькасць арыгінальных дакументаў. Шэраг з іх тычыўся ранняй гісторыі Лепеля. На жаль, менавіта з імі на пачатку XIX ст. адбылася сумная гісторыя. Ізабела Дамброўская, тагачасная настояцельніца Віленскага кляштара бернардынак пры касцёле св. Міхаіла, якому належаў маёнтка Лепель, звярнулася да расійскіх улад з просьбай выдаць ёй на рукі ўсе дакументы, якія тычыліся папярэдняй гісторыі гэтага маёнтка. Як ні дзіўна гэта гучыць з пункту гледжання архіўнай справы, яна атрымала станоўчую рэзалюцыю і забрала з архіва 28 арыгінальных дакументаў і 10 польскамоўных копія тых з іх, якія былі складзены на рускай мове, за перыяд з 1539 па 1583 г., а таксама зробленую ў 1633 г. выписку з фундацыйнага акта Льва Сапегі, паводле якога маёнтка перайшоў ва ўласнасць кляштара (магчыма, якраз таго акта, што ў 1617 г. быў упісаны ў страчаную зараз кнігу Галоўнага трыбунала). Усе гэтыя дакументы ў архіў больш не вярнуліся, іх далейшы лёс невядомы. Адзінае, што мы маем сёння, — гэта распіска («рэверс») аб выдачы дакументаў, датаваны 21 красавіка 1807 г., у якім прыводзяцца іх польскамоўныя рэгесты [9]. Рэверс складзены часам недакладна. Так, у рэгестах дакументаў 1539 і 1551 гг. Сапегі прыгадваюцца з княжацкім тытулам. Гэта адпавядае ўяўленням пачатку XIX ст., але не рэаліям эпохі, якой тычацца дакументы. У шэрагу рэгестаў са скажэннямі прыводзяцца пасады фігуруючых у іх асоб. Так, полацкі кашталян і лепельскі стараста Юрый Яноўевіч у дакуменце 1573 г. пазначаны як «кашталан лепельскі». Нягледзячы на гэтыя недахопы, рэгесты незаменныя, бо змяшчаюць шэраг унікальных звестак па гісторыі Лепеля (пераважна Старога).

Два дакументы, змест якіх сцісла зафіксаваны ў рэгестах, з'яўляюцца найбольш раннімі пасля прывілеяў 1503 г. Адзін з іх — ліст караля Жыгімонта ад 9 красавіка 1539 г., напісаны па ініцыятыве луцкага біскупа (Юрыя) Фалькоўскага і адрасаваны полацкаму ваяводу (Яну) Глябовічу. Апошняму прапануецца выехаць разам з камісарамі для вызначэння мяжы маёнтка Лепель Віцебскай плябаніі з маёнткам Бяла Івана Сапегі, ваяводы падляшскага. У рускім арыгінале, напэўна, маёнтка Сапегі прыгадваўся як Белае. Гісторыя Белага разглядаецца адным з аўтараў у асобным артыкуле*, таму тут мы на ёй падрабязна спыняцца не будзем. Адзначым толькі, што гэтая згадка пра яго больш ранняя за прыгаданую Без-Карніловічам, які і за пазначаную ў вядомым Даўгялу дакуменце 1550 г., які ён палічыў першым упамінаннем пра гэтае паселішча.

Другі рэгест — з ліста Жыгімонта ад 20 красавіка 1545 г., напісанага па ініцыятыве таго ж біскупа Фалькоўскага. Ліст абвяшчаў усіх зацікаўленых, што «лепельскім людзям» нададзена права вольнага гандлю. Звычайна такое права атрымлівалі не вяскоўцы, а мяшчане. Такім чынам, гэты рэгест з'яўля-

* Насевіч В. З гісторыі маёнтка Белае — гістарычнага папярэдніка сучаснага Лепеля (рыхтуецца да друку ў 19-м выпуску штогодніка «Архіварыус»).

ещца ўскосным сведчаннем таго, што ў Лепелі, магчыма, было заснавана мястэчка. Паводле Д. Даўгялы, першая згадка пра мястэчка ў Старым Лепелі датавалася 1565 г. Рэгест дазваляе адсунуць верагодную дату яго заснавання на 20 гадоў раней.

Гэта пацвярджаецца арыгінальнымі дакументам, які ацалеў у фондзе капітула, напэўна, дзякуючы таму, што назва Лепеля ў ім зафіксавана ў скажонай форме — «Лепуні». Архіварыус, які падбіраў дакументы для выдачы Дамброўскай, проста не агаісаміў яго з прадметам запыту. Гэты дакумент — яшчэ адзін ліст Жыгімонта, падрыхтаваны духоўным пісарам ВКЛ Валерыянам (Пратасевічам, будучым біскупам віленскім) у Кракаве ў выніку звароту віленскага архідыякана Язофа Ясенскага, які адначасова з'яўляўся віцебскім плябанам. У вопісе Бібліятэкі АН Літвы гэты дакумент датаваны 1544 г., але гэта — памылка. У арыгінале частка даты пашкоджана падцёкам і закрыта кустодыяй, таму месяц і дзень не чытаюцца. Апошняя лічба ў даце напісана нетрадыцыйна, але яе ніяк нельга прыняць за 4, якая пазначалася кірылічнай літарай «дзёр». Яна больш адпавядае хоць і не зусім звычайнаму, але магчымаму напісанню літары «фіта», і дакумент трэба датаваць 1549 годам. З яго вынікае, што ксёндз Ясенскі падаў скаргу каралю Жыгімонту на гвалтоўныя дзеянні полацкага ваяводы Станіслава Давойны, які «наславшы множаство людей служебников своих на местечко той плебании его витепской, на Лепуней, мешан подданных его тамошних побил и пограбил, ... трицати человек мешан его тамошних же лепунских казал поимати и в замку полоцком посажати, и которыи дей и теперь сидят». У лісце Жыгімонт папракаў ваяводу за такі ўчынак («от нас дивно, иж твоя милость именью костельному таковыи кривды и неправия чинити и подданных костельных невинно имати и сажати кажеш»), загадваў неадкладна вызваліць пацярпелых і кампенсавать іх шкоды [8]. Гэты дакумент сведчыць, што мястэчка ў Старым Лепелі ўжо існавала ў 1549 г., і такім чынам ускосна пацвярджае яго заснаванне ў 1545 г.

Наступны дакумент, ад 16 ліпеня 1550 г., вядомы дзякуючы копіі, упісанай у Літоўскую метрыку. Ён тычыцца канфлікту паміж падданымі маёнтка Віцебскай плябаніі і жыхарамі сумежнага сяла Белае («людьми беляньскими») наконт грэблі і млына на рацэ Уле [15, арк. 440]. Дакумент быў сцісла згаданы ў 1-м томе даследавання пра род Сапегаў, надрукаваным у 1890 г. [3, s. 67]. Са спасылкай на гэтае выданне звестку паўтарыў Д. Даўгяла. Звярнуўшыся да тэксту ў Літоўскай метрыцы, можна знайсці цікавыя падрабязнасці. У скарзе Язофа Ясенскага сцвярджаецца: жыхары Белага, «нашедши мощно гвалтом на именье его милости Лепской плебание Витепской, греблю на реце Ули прекопали, которая дей немалым коштом была справена од продка его милости — князя бискупа Луцкого, и ведле повести врядовников и людей тамошних, якобы дей о деветьдесят коп грошей тая гребля коштовала, и там же дей ... у млыне его милости замок и двери одбившы, статки млыно-

вые посежкі»*. Становіцца зразумела, чаму папярэднія дакументы, якія тычыліся Лепеля, былі створаны па ініцыятыве луцкага біскупа Фалькоўскага: менавіта ён быў папярэднікам («продкам») Ясенскага ў кіраванні маёнткам Віцебскай плябаніі. Гэта ж выключае і датаванне папярэдняга дакумента 1544 годам: на той час Лепель знаходзіўся яшчэ пад кіраваннем Фалькоўскага, а не Ясенскага.

Зварышэнне канфлікту з падданымі сяла Белага адлюстроўвалася ў двух чарговых рэгестах. 30 кастрычніка 1550 г. датуецца пазоў ксяндза Ясенскага да ўладальнікаў Белага, падляшскіх ваяводзічаў Івана, Міхала і Паўла Сапегаў, з прапановай ажыццявіць размежаванне Лепеля і Белага. Вынік размежавання быў замацаваны ў камісарскім дэкрэце на пергаміне, з шасцю віслымі пячаткамі, датаваным 30 лістапада 1551 г. Яго страта найбольш крыўдная, бо ён дазваляў высветліць, як суадносіліся паміж сабой лепельскія і белянскія землі, пазней аб'яднання ў адзін маёнтка.

Усе прыгаданыя дакументы сведчаць, што на той час Лепель заставаўся ўласнасцю Віцебскай плябаніі, хоць сама яна існавала хутчэй намінальна. Абавязкі па кіраванні касцёлам Св. Троіцы ў Віцебску і яго маёнткамі ўскладаліся на асоб, якія і без таго мелі важкія пасады: першы з іх быў луцкім біскупам, другі — віленскім архідыяканам (фактычна другой асобай у капітуле пасля біскупа). Але ідэя перадаць Лепель з-пад улады заняпалага Віцебскага касцёла непасрэдна Віленскаму капітулу рэалізавалася пазней. Такім чынам, памылковым з'яўляецца сцвярджэнне Кусцінскага ў артыкуле «Геаграфічнага слоўніка», паўторанае ў кнізе Даўгялы, што гэтая змена ўласнасці адбылася ў 1541 г.

Абставіны пераходу Лепельскай воласці ад Віцебскай плябаніі да Віленскага капітула ўрываюцца высвятляюцца паводле апісання капітульнага фонду, створанага пасля яго перадачы ў Віленскую публічную бібліятэку. У яго складзе сапраўды прыгадваецца прывілей Жыгімонта адносна карыстання маёнткам Віцебскай плябаніі. Праўда, датаваны ён не 1541 г., а 1542 г. [14, с. 18]. Аднак у ім не ідзе размова пра перадачу маёнткаў плябаніі, а толькі пра вылучэнне паловы даходаў з іх на карысць 18 вікарыяў Віленскага катэдральнага касцёла. Змена ўласнікаў касцёльных маёнткаў была не такой простаю справай, бо патрабавала згоды рымскай курыі. Такая згода на перадачу маёнткаў Віцебскага касцёла Віленскаму капітулу маецца ў іншым дакуменце з фонду біскупства, датаваным 1561 г. [14, с. 19]. Напэўна, менавіта гэты дакумент меў на ўвазе Кусцінскі, але наблытаў з датай. Цікава, што прафесійны архівіст Д. Даўгяла ў час напісання кнігі пра Лепель не мог не ведаць пра выданне, у якім апісваліся абодва дакументы. Да таго ж ён з 1903 г. жыў у Вільні, працаваў у тамашнім Архіве старажытных актаў і мог праверыць гэтую звестку ўласнаручна, бо несумненна бываў і ў Віленскай публічнай біб-

* Цытуецца па электроннай копіі AGAD:

<https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/17947283>. С. 805—806.

ліятыцы, карыстаўся іншымі дакументамі капітула. Але чамусьці гэтае сцвярджэнне Куцінскага ён прыняў без праверкі.

(Працяг будзе)

Літаратура і крыніцы

1. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. — Т. 1 (1387—1507) / wyd. Ks. Jan Fijałek i Władysław Semkowicz. — Kraków, 1938—1948.
2. Kognowicki, K. Zycia Sapiehow u listy od monarchow, książąt, u różnych panujących do tychże pisane. — Т. 1. — Wilno, 1790.
3. Sapiehowie. Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe / wydane nakł. rodziny. — Т. 1. — Petersburg, 1890.
4. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. — Т. 5. — Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1884.
5. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белорусии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. — СПб, 1855.
6. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов: в 3 т. — Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века. — Минск, 1959.
7. Бібліятэка Акадэміі навук Літвы. Адзел рукапісаў. — F 43-210.
8. Там жа. — F 43-11100.
9. Там жа. — F 43-11105.
10. Довгялю, Д. И. Лепель, уездный город Витебской губернии. Хроника минувшей жизни. — Витебск, 1905.
11. Каробушкіна, Т. Куцінскі Міхаіл Францавіч // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. — Т. 4. — Мінск, 1997.
12. Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящихся ныне в Центральном архиве в Вильне / Составлен Архивариусом онаго, Членом Виленской Археографической Комиссии Н. Горбачевским. — Вильна, 1872.
13. Миловидов, А. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, его история и состав. — Вильна, 1910.
14. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. — Вып. 1. — Вильна, 1895. Приложения.
15. РДАСА. — Ф. 389. Воп. 1. Спр. 237. (Мікрафільм у НГАБ: Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 237).
16. Януш, І. Лепельскі археолаг, краязнавец М. Ф. Куцінскі // Памяць: Лепельскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Я. Ланікіна [і інш.]. — Мінск, 1999.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21.12.2020

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

*М. Ф. Шумейко,**ведущий научный сотрудник
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук;
e-mail: jesti@inbox.ru***«... ПОКА ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ, БУДУ РАБОТАТЬ В МИНСКЕ»:***Письма И. И. Замотина Е. Ф. Карскому 1926—1930 гг.**(к 100-летию открытия Белорусского государственного университета)*

Ни автор писем, ни его адресат не нуждаются в особом представлении. Имя академика И. И. Замотина (1873—1942), которого по праву считают отцом белорусской текстологии, увековечено на мемориальной доске, установленной более четверти века тому назад на здании Минского пединститута, в котором в 1930-е гг. преподавал ученый (правда, на ней он ошибочно назван академиком АН СССР и членом-корреспондентом АН БССР, хотя должно быть прямо наоборот). Имя основоположника белорусоведения, академика Российской АН Е. Ф. Карского (1860—1931) носит одна из улиц белорусской столицы.

Судьба свела их в начале XX в., когда после блестящей защиты в феврале 1904 г. на историко-филологическом факультете Казанского университета магистерской диссертации «Романтизм двадцатых годов XIX века в русской литературе» молодой приват-доцент И. И. Замотин начал читать курсы по истории русской литературы в императорском Варшавском университете, ректором которого с 1905 г. являлся Е. Ф. Карский. В 1908 г. он защитил в Харьковском университете докторскую диссертацию и к 1915 г., времени занятия Варшавы немецкими войсками, выполнял функции декана историко-филологического факультета университета. На его плечи легло бремя эвакуации факультета, как и всего университета, в Ростов-на-Дону, где последний был преобразован в Донской. Здесь Иван Иванович проработал до 1922 г., пережив период нахождения города под властью Добровольческой армии Деникина, что сыграет впоследствии драматическую роль в его судьбе (об этом он пишет в прилагаемой к письму Е. Ф. Карскому от 10 сентября 1927 г. пространной информации).

Осенью 1922 г. И. И. Замотин принял приглашение из Минска и переехал на работу в годом ранее открытый Белорусский государственный университет. Одновременно с педагогической деятельностью в университете, а позже и в Минском педагогическом институте, он включается в работу высшего научного учреждения республики — Института белорусской культуры. В нем ученый с 15 марта 1925 г. занимает должность председателя Литературной комиссии, избирается действительным членом Инбелкульта. С реорганизацией последнего в 1928 г. в Белорусскую академию наук ученый в чис-

ле первых был утвержден ее действительным членом (академиком). В январе следующего года он становится членом-корреспондентом союзной академии наук, чему во многом способствовал академик Е. Ф. Карский после неоднократных просьб на этот счет со стороны И. И. Замотина (об этом идет речь в его письмах 1926—1927 гг.). В отзыве о его научных заслугах для представления на выборах в члены АН СССР, подписанном академиками Е. Ф. Карским, В. Н. Перетцем, М. Н. Розановым, Б. М. Ляпуновым, говорилось: «Главные предметы его научных занятий — новая русская литература, начиная с романтических течений 20-х годов (обе его диссертации и ряд мелких статей посвящены этому предмету), затем сороковые и шестидесятые годы, Лермонтов, Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, не говоря уже о Жуковском, Пушкине, Гоголе и новейших писателях, которым в общей сложности посвящено ... около 70 работ. Есть у него труды и по устной народной словесности.

Ставши проректором русской литературы в Белорусском государственном университете, он серьезно занялся и белорусским литературным движением, которому посвятил 16 очерков, в том числе дал одно образцовое издание произведений умершего белорусского поэта М. А. Богдановича. В число задач нашей АН входит установление более тесных связей с научной работой в других республиках; деятельность Замотина идет как раз навстречу этой задаче.

В настоящее время профессор Замотин является одним из немногих ученых, серьезно и вдумчиво занимающихся новой русской литературой. Работы его в указанной области могут быть признаны выдающимися, не уступающими по своим достоинствам трудам тех немногих представителей новой русской литературы, которые уже состоят членами-корреспондентами нашей Академии наук».*

И действительно, профессорство И. И. Замотина в Белорусском университете и особенно его деятельность в Инбелкульте не могли не повлиять на сферу научных интересов ученого: от занятий российской литературой он переходит к белорусскому литературоведению и прежде всего его новой отрасли — текстологии. Хотя давалось ему это не так просто, как могло показаться на первый взгляд. И в этом смысле современный исследователь научного творчества И. И. Замотина, доктор философских наук В. М. Конон, в целом верно охарактеризовавший роль ученого в формировании белорусского академического литературоведения и создании литературоведческой и педагогической школы Замотина в Советской Беларуси 1920-х гг., выдает желаемое за действительное, когда пишет: «Вучонаму-русісту спатрэбілася ўсяго два гады, каб *дасканала вывучыць беларускую мову* [выделено мною. — М. Ш.] і пераклучыць свае навуковыя інтарэсы на фундаментальнае даследа-

* Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР: 1929—1941 гг.: сб. док. — Минск: Беларуская навука, 2015. С. 10.

ванне новай для яго літаратуры. Дапамаглі вялікі вопыт навуковай працы і дасканалы прафесіяналізм. Амаатар, нават таленавіты, робіць толькі тое, што яго натхняе, чым ён захапляецца. А прафесіянал, які дасканалы валодае сваім «рамяством» у найлепшым сэнсе гэтага слова, распрацоўвае любую тэму па сваёй спецыялізацыі»*.

Точно так же преувеличивают уровень «белорускости» И. И. Замотина и авторы популярного очерка о нем, когда пишут о быстроте и легкости, с которыми ученый освоил белорусский язык. Действительно, как профессионал высокого уровня, в совершенстве владевший своим «ремеслом», ученый через пару лет пребывания в Беларуси освоил деловой белорусский язык порой даже лучше многих из тех, кто родился здесь. В этом отношении показательным может быть случай, когда ему самому как председателю предметной литературной комиссии, выполняя распоряжение руководства БГУ о переходе всего делопроизводства университета с 1 января 1925 г. на белорусский язык, пришлось составлять 26 января 1925 г. на белорусском языке протокол заседания комиссии, поскольку «сакратар яе [предметной литературной комиссии. — М. Ш.] — студэнтка Лосікава прадставіла пратакол, складзены нездавальняючы»**.

Но одно дело — составить протокол и совершенно другое — готовить к изданию тексты научных работ. Так вот, последние — по истории белорусской литературы, литературной критике, проблемам белорусской текстологии — ученый и через два, и через пять лет пребывания в Беларуси писал на русском языке, переводя их затем на белорусский. Более того, в публикуемом ниже письме к Е. Ф. Карскому от 24 марта 1927 г. ученый не исключал возможности отъезда из Беларуси, увязывая это как раз-таки с проблемами своей недостаточной «белорускости».

И. И. Замотин принадлежал к редкому типу академического ученого, чрезвычайно чуткого к требованиям времени. Понимая, что белорусское литературоведение 1920-х гг. не сможет подняться на новую ступень без развертывания текстологических исследований, он за короткое время создает новую отрасль науки, становится основателем белорусской текстологии. Как выше уже отмечалось, в 1925 г. он возглавил Литературную комиссию Инбелкульты, одной из первых задач которой стало изучение и научное издание литературного наследия Максима Богдановича. Оно готовилось к 10-летию со дня смерти белорусского поэта (1927 г.). И. И. Замотин провел огромную научно-организаторскую и исследовательскую работу по изучению рукописей поэта, мемуаров его отца, известного этнографа А. Е. Богдановича, воспоминаний близких поэту людей. Результатом стало двухтомное академическое издание «Творы М. Багдановіча» (1927—1928) и критико-био-

* Замоцін, І. Творы: Літ.-крытыч. арт. / склад. Я. М. Гаварушка; навук. рэд. У. М. Ко-нан. — Мінск: Маст. літ., 1991. — С. 11—12.

** НАРБ. — Ф. 205. Оп. 1. Д. 759. Л. 140 об.

графический очерк «Максім Багдановіч», над которым ученый работал параллельно с подготовкой первого тома трудов поэта. Эта тема — подготовка научного издания сочинений М. Богдановича — проходит через все его письма Е. Ф. Карскому.

Как справедливо отмечает вышеупомянутый В. М. Конон: «Калі б нават вучоны нічога іншага не напісаў і не пакінуў нашчадкам апрач гэтага фундаментальнага выдання, то і тады яго імя варта было б залатымі літарамі напісаць на скрыжальных беларускай культуры. Справа у тым, што архіў Багдановіча, сабраны Замоціным і яго супрацоўнікамі, як сёння мяркуюць, загінуў у гады Айчыннай вайны... Як вядома, акадэмічнае выданне паэта да 60-х гадоў было схавана ад чытачоў у спецфондах. Сёння яно — адзіная надзеяная крыніца для перавыдання твораў паэта, бо шмат аўтографаў знікла назаўсёды»*.

Работа И. Замотина над академическим изданием наследия М. Богдановича позволила ученому сформировать комплексную программу развития белорусской текстологии, которая впервые была представлена в форме научного доклада на собрании Отдела гуманитарных наук Инбелкульты в 1927 г. Черновая рукопись доклада под названием «Очередные задачи изучения истории белорусской литературы» хранится в Музее истории НАН Беларуси (она сохраняет едва заметные, вписанные карандашом, переводы на белорусский язык отдельных слов); его идентичный белорусскоязычный вариант впервые опубликован в сборнике: Запіскі Аддзела гуманітарных навук ІБК. Працы класа філалогіі. Т. 1. — Мінск, 1928. — С. 265—275 (переиздан в кн.: Замоцін, І. Творы: Літ.-крытыч. арт. / склад Я. М. Гаварушка; навук. рэд. У. М. Конон. — Мінск: Маст. літ., 1991. — С. 33—51).

И сегодня этот доклад не может не вызывать восхищения у современных белорусских литературоведов и текстологов наличием в нем оригинальных мыслей и глубоких научных предвидений. Заглядывая в будущее, ученый планировал создание литературного архива белорусских писателей, организацию широкого выявления и введения в научный оборот историко-литературных произведений, подготовку по аналогии с российским «венгеровским» словарем фундаментального критико-биографического словаря белорусских писателей, создание биографий живых писателей с использованием их воспоминаний и т. п.

Сформулированные ученым соображения текстологического характера позволили ему на высоком научном уровне издать произведения Максима Богдановича, Алеся Гаруна (чего, к сожалению, нельзя сказать о собраниях сочинений Павлука Труса и Алоизы Пашкевич, увидевших свет в 1934 г. и бывших только по названию «академическими», ибо в них отсутствовали предисловия, примечания, указатели). Эти соображения лежат в основе ныне

* Замоцін І. Творы: Літ.-крытыч. арт. С. 24.

издающихся Институтом литературы им. Янки Купалы НАН Беларуси произведений белорусских писателей и поэтов, начало которым было положено сыном тверского крестьянина, белорусским академиком И. И. Замотиным.

Письма И. И. Замотина Е. Ф. Карскому публикуются по рукописным оригиналам (исключение составляет приложение к док. № 4, напечатанное на машинке), отложившимся в личном архивном фонде адресата, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. В связи с этим считаем своим долгом и приятной обязанностью выразить благодарность бывшему ученому секретарю филиала архива, ныне заместителю директора филиала, кандидату исторических наук Ларисе Дмитриевне Бондарь за предоставление в наше распоряжение цифровых копий публикуемых писем.

Док. № 1

22 сентября 1926 г.

Дорогой Евфимий Феодорович!

Я получил на днях Вашу книжную посылку, адресованную мне. Сердечно благодарю Вас за ценный подарок. Книга по изучению р[усского] языка* уже пошла по рукам; сейчас она у Бузука**, белор[усская] лит[ература] на нем[ецком] яз[ыке] вызывает здесь большой интерес; охотников ее посмотреть и просмотреть очень много; особенно она интересует белоруссов; в Инб[елкульте], говорят, ее ждут с нетерпением; но я, конечно, берегу ее (это пока, кажется, единственный экземпляр в Минске) и не выпускаю из рук. Мне очень хотелось бы написать и напеча[та]ть об этой книге свою заметку; но я еще не выяснил, где и когда ее можно будет поместить. Книга интересна как сводка Ваших работ по бел[орусской] нар[одной] поэзии и литературе; внешность книги очень хороша.

Мы вернулись из Алупки в Минск 4 сент[ября]. Так[им] обр[азом], мне не удалось видет[ься] с Вами при возвращении Вашем из-за границы и поговорить. Я очень об этом сожалел. Сейчас я уже возобновил работу на Рабфаке, в Инбелкульте и отчасти на Педфаке, где пока идет учительская конференция по языку и лит[ературе], с 1 окт[ября] начнутся и лекции. В Инб[елкульте] печатается 1-й том соч[инений] Богдановича: набрано пока около 6 листов — будет 20—22 листа. Мои научные занятия в этом году группируются около трех центров: 1) Методические очерки по лит[ературе], 2) Богдано-

* Имеется в виду книга Е. Ф. Карского: *Geschichte der weissrussischen Volksdichtung und Literatur. Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte.* — Berlin und Leipzig, 1926. 8° больш. X + 202.

** Бузук П. А. (1891—1938), языковед-славист, доктор филол. наук (1924), профессор (1925). С 1925 г. зав. диалектологической комиссии Инбелкульта, в 1931—1935 — директор Института языкознания БАН.

вич. Критико-биограф[ический] очерк, 3) Новейшая, современная русск[ая] лит[ерату]ра, анализ тематики и статья.

Согласно Вашему любезному предложению посылаю список своих научных работ и *curriculum vitae**. Я не знаю, как именно Вы предполагаете использовать эти сведения. Но я очень просил бы Вас, если это уместно, возбудить вопрос о предоставлении мне звания члена-корреспондента Ак[адемии] [наук], которое я оправдал бы дальнейшей своей научной работой. Это звание мне нужно не для моей славы (ведь я могу жить и работать без званий), а для пенсии семейству. Этот пенсионный вопрос с годами меня все более и более беспокоит, и, может быть, это звание дало бы мне большую уверенность на передачу пенсии жене в случае моей смерти.

Все мы сердечно приветствуем Вас, глубокоуважаемую Софью Николаевну** и все семейство.

Душевно Ваш И. Замотин.

Советская ул., д. 33, кв. 3

СПб. филиал Архива РАН. Ф. 292 (Е. Ф. Карский). Оп. 2. Д. 48. Л. 1—2 об. Рук. автограф.

Док. № 2

24 марта 1927 г.

Дорогой Евфимий Феодорович!

Так как Вы интересуетесь сборниками по белор[усской] лит[ерату]ре и критике, то я посылаю Вам еще сборник (журнал) — новый журнал «Узвышша»*** (издается группой поэтов, выделившихся из «Молодняка»****), — в этом номере журнала и в следующем (который выйдет через месяц) Вы найдете и мои статьи*****.

За письмо, в котором Вы сообщаете о себе и своих работах, очень благодарен: оно оживило мои думы о Ленинграде. Вы пишете там, между прочим, и о неудавшейся моей кандидатуре в члены-корреспонденты. Почти одновременно с Вашим письмом я узнал (может быть, это известие и неточное), что проф. П. Н. Сакулин***** избран в академики, — должно быть, на

* автобиография (лат.).

** Имеется в виду жена Е. Ф. Карского.

*** «Узвышша. Часопіс літаратуры, мастацтва і крытыкі», начал выходить в 1927 г. Учредители журнала: Кузьма Чорны (М. Романовский), А. Бабарека, З. Бядуля (С. Плавник), В. Шашалевич, Сергей Дорожный (С. Середа), М. Лужанин (А. Каратай), К. Крапива (К. Атрахович), П. Глебка, В. Дубовка, Я. Пуца (Плащинский).

**** «Маладняк» — литературное объединение писательской молодежи в БССР; существовало в 1923—1928 гг. при одноименном журнале. Основатели — А. Александрович, А. Бабарека, А. Вольный, А. Дудар, Я. Пуца, М. Чарот.

***** В след[ующем] номере будет помещен очерк М. Богдановича, построенный мною на сырых материалах (прим. авт.).

***** П. Н. Сакулин (1868—1930), литературовед, академик АН СССР с 1929 г.

вакансию после покойного Н. А. Котляревского*, т. е. на ту вакансию, на которую в качестве кандидата называли и меня (это я слышал и от Вас, и от других). На эти два факта я реагирую след[ующим] образом. Я не считаю себя — по своей научной работе — ниже П. Н. Сакулина, В. В. Сиповского** и др., и думаю, что с честью и пользой мог бы работать в Академии по своей специальности. Конечно, я при этом понимаю, что другой кандидат мог встретить более сочувствия или более благоприятную оценку, чем я, потому что я лишен возможности часто бывать в Ленинграде, напоминать о себе и поддерживать связи с[о] своими коллегами по специальности. Но вот что мне остается не вполне понятным: каким образом мне или вообще научному работнику моей квалификации не нашли до сих пор возможности предоставить это скромное звание члена-корреспондента (не связанное ни с какой должностью и ни с какими денежными выплатами), которое к тому же уже давно имеют все мои коллеги — историки литературы, напр., А. В. Михайлов***, Е. В. Петухов****, Б. Л. Модзалевский*****, Н. К. Козьмин*****, В. В. Сиповский и т. д. и т. д., — вообще, по-видимому, этого лишен только я. Объяснить это я могу только или каким-то забвением моей личности (и в самом деле, я о себе не напоминаю, не езжу и не прошу), или даже более серьезной причиной — утратой *того****** критерия, который мог бы, казалось бы, обеспечить более бережное отношение к немногим оставшимся кадровым ученым данной специальности, еще не утратившим работоспособности и в то же время находящимся в условиях, без научной работы мало благоприятных. Ведь я не только по своему, т[ак] ск[азать], формулярному списку (магист[ерская] и докт[орская] степени), но и по научному багажу являюсь сейчас одним из трех (так, кажется) специалистов по нов[ой] р[усской] лит[ературе], между тем все мои усилия перебраться в Москву и Ленинград до сих пор не привели ни к чему и даже эта скромная претензия на звание члена-корр[еспондента] вряд ли будет удовлетворена и в будущем, потому что отстаивать свою кандидатуру каким-либо личным вмешательством (приездом в Л[енинград] и визитами) я считаю неудобным. Недавно я, совершенно неожиданно для себя, получил предложение выслать curriculum vitae и список н[аучных] работ — был отправл[ен] (может быть, дело шло именно о члене-

* Н. А. Котляревский (1863—1925), первый директор Пушкинского Дома, ординарный академик СПб. АН с 1909 г.

** В. В. Сиповский (1872—1930), филолог, член-кор. РАН с 1921 г.

*** А. В. Михайлов (1859—1927), историк литературы, член-кор. РАН.

**** Е. В. Петухов (1863—1948), историк литературы, член-кор. СПб. АН с 1916 г.

***** Б. Л. Модзалевский (1874—1928), литературовед, пушкинист, один из основателей Пушкинского Дома, член-кор. РАН с 1918 г.

***** Н. К. Козьмин (Козьмин) (1873—?), историк литературы, член-кор. АН СССР с 1925 г.

***** Вписано над строкой.

корр[еспонденте]); не знаю, будет ли иметь это решение последствия, но я все-таки был очень растроган этим вниманием, тем более, что я сам тут не делал никаких шагов.

Дальнейшая линия поведения моего в этом отношении совершенно определилась. Конечно, просьбами нельзя добиться не только акад[емическо-го] кресла, но даже и более скромных почестей. Поэтому пока есть возможность, буду работать в Минске, пока условия белорусизации не слишком будут стеснять мою профессорскую и научную работу. Но когда будет трудно, просто своими силами переберусь в Ленинград на обыкновенную школьную работу, которой я никогда не чуждался; думаю, что б[ывший] преподаватель многих ср[едних] уч[ебных] заведений, имеющий методические работы (книгу мою собираются, наконец, печатать здесь, но на бел[орусском] яз[ыке]) и к тому же м[ежду] прочим доктор р[усской] словесн[ости], получит какое-н[икакое] место в той или иной школе.

В дальнейшей жизни за последнее время у нас не совсем благополучно. Жена заболела гриппом, который осложнился воспалением левого легкого; болеет третью неделю; температура уже снизилась до нормы, но контуры легкого* — при гриппе эта болезнь легких протекает вяло и тягуче. Поэтому мы еще не думаем о даче, — может быть, придется опять, если будут средства, отправиться в Крым. Хотелось бы весною приехать в Ленинград, особенно Вере Павловне**, которая стосковалась по своей родине, но удастся ли — тоже пока неясно.

Первый том соч[инений] М. Богдановича*** спешно печатается (к десятилетию смерти поэта, 25 мая 1927 г.), но печат[ается] с типографскими ошибками, против которых я, редактор издания, бессилён. Том будет большой — около 500 страниц. Как только выйдет, озабочусь Вам немедленно выслать. Это будет своего рода «воскресение из мертвых» поэта, пот[ому] что $\frac{2}{3}$ материала печатается вновь, по рукописям, прочитанным мною с трудом (черновики, подмоченные и обгорелые).

Кстати, есть ли у вас «Польмя»**** № 8, 1926 г. Там — статья о Коласе***** к его 20-летию [литературной деятельности], есть и моя статья. Если не имеете, черкните открытку, я Вам вышлю.

Все мы сердечно приветствуем Вас, глубокоуважаемую Софью Николаевну и все семейство.

Ваш И. Замотин.

СПб. филиал Архива РАН. Ф. 292 (Е. Ф. Карский). Оп. 2. Д. 48. Л. 3—5 об. Рук. автограф.

* Далее не разобрано одно слово: «продольное»(?).

** Имеется в виду жена И. И. Замотина.

*** Максим Богданович (1891—1917), белорусский поэт.

**** «Польмя» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал; издается на бел. яз. с 1922 г.

***** Якуб Колас (К. М. Мицкевич) (1882—1956), народный поэт Беларуси.

Док. № 3

12 сентября 1927 г.

Дорогой Евфимий Феодорович!

На днях я послал Вам 1-й том сочинений М. Богдановича, один из первых экземпляров, вышедших из брошюровки. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение об этом издании, особенно о недостатках его *как** с технической, так и с научной стороны, чтобы при дальнейшей работе (готовится второй том М. Б[огданови]ча и кроме того, собрание сочинений А. Гаруна**) их избежать. Неприятно поражает обилие опечаток (это не по вине редакции!); их надо сначала исправить в тексте, а потом читать, чтобы не портить впечатления от стихов поэта.

Кроме того, я послал Вам начало своего критико-биографического очерка о М. Богдановиче; следующие главы (продолжение) печатаются в здешнем «Узвьшша»; потом очерк был пересмотрен мною, добавлен и выйдет в количестве 4—4½ печ. листов во 2-м томе собрания сочинений М. Богдановича.

Вместе с этим письмом я посылаю согласно Вашему желанию, высланному раньше, некоторые добавления к перечню моих печатных работ, т. е. я повторно высылаю весь перечень, а дополнения даю в №№ с 72-го по 84-й; почти все эти дополнения идут по линии моих занятий белорусской литературой; в этом году думаю частично вернуться к русской литературе. Означенная под № 81 книга методического характера давно сдана в печать, прошла через цензуру и скоро будет набираться. Прилагаю к этому перечню также и список известных мне рецензий о моих научных работах, как материал для суждения об отношении ко мне критики; может быть этот список будет не лишним.

Я, конечно, очень жалею, что не мог летом повидаться с Вами и поговорить. Но вышло это не по моей вине. Мы просто не решились ехать к Вам целой семьей на дачу и причинять Вам беспокойство в течение, мож[ет] б[ыть], нескольких часов между поездами.

Статут Академии (на белор. языке!) я достал здесь и прочел те места, которые Вы вероятно имели в виду, т. е. о порядке выдвижения кандидатов в члены Академии, но я еще не уяснил себе, могу ли я воспользоваться этим по местным условиям и будет ли представление кандидата, сделанное отсюда, достаточно авторитетным.

Все мы сердечно приветствуем Вас, глубокоуважаемую Софью Николаевну.

Душевно преданный И. Замотин.

С этим письмом и с[о] списком работ несколько запоздал; по возвращении из Кр[ыма] заболел и несколько дней не мог работать.

СПб. филиал Архива РАН. Ф. 292 (Е. Ф. Карский). Оп. 2. Д. 48. Л. 6—7 об. Рук. автограф.

* Вписано над строкой.

** Аlesь Гарун (А. В. Прушинский) (1887—1920), белорусский писатель, поэт.

Док. № 4

10 сентября 1929 г.

Дорогой Евфимий Феодорович!

На днях приехал из Ленинграда А. Н. Вознесенский* и передал мне оттиск Вашей работы «Наблюдения в области синтаксиса Лаврент[ьевского] списка летописи»**. Приношу Вам сердечную благодарность за память обо мне и внимание.

Я и сам думал было в начале сентября поехать в Ленинград, чтобы повидаться с Вами и кой с кем еще из своих ленинградских знакомых и родственников. Но раздумал ехать, потому что не надеялся в начале сентября застать в Л[енинграде] тех лиц, кого мне хотелось бы застать, — ведь учебный год начинается в Л[енинграде], вероятно, не раньше середины сентября или начала октября; поехать же позже я не могу, так как 15 сент[ября] кончается мой отпуск по Бел[орусской] ак[адемии] н[аук].

Одним из поводов поездки в Л[енинград] было, между прочим, у меня желание спросить у Вас совета по след[ующему] вопросу. По отношению ко мне все еще продолжают в печати нападки, ставящие мне в вину мою литературно-публицистическую работу 1918—1919 гг. (Сначала заметка об этом была в «Ленинградской Правде»*** в известной Вам статье, потом ссылка на нее сделана была в одном из номеров ж[урнала] «Революция и культура»****, а недавно эти ссылки повторены были в «Комсомольской Правде»*****). Хотя в этих статьях речь идет не специально обо мне, а и о других научных работниках, но ясно, что ведется и против меня какая-то кампания, которая неизвестно чем для меня кончится и как отразится на моей дальнейшей педагогической и научной работе.

В виду того что эти нападки на меня не отвечают фактам и нуждаются с моей стороны в возражении и опровержении, я дал по поводу их соответствующие объяснения здесь по линии и БАН и БГУ. Теперь у меня возникла мысль, не следует ли дать эти разъяснения и по линии АН СССР, так как теперь заметки (в «Ленингр[адской] Правде») касались меня именно как вновь избранного члена-корреспондента АН.

Однако прежде чем послать свои разъяснения по адресу непрем[енного] секретаря АН, я решил спросить Вашего совета, нужно ли вообще посы-

* А. Н. Вознесенский (1888—1966), литературовед, ученик И. И. Замотина по Варшавскому ун-ту, проф. БГУ в 1921—1931 гг.

** Работа была напечатана в «Известиях русского языка и словесности». 1929. II. Кн. 1. С. 1—75.

*** «Ленинградская правда», газета, орган городских и областных комитетов РКП(б) (ВКП(б) и Советов, издавалась с 1918 г.

**** «Революция и культура», культурно-политический журнал ВКП(б), выходил в 1927—1930 гг.

***** «Комсомольская правда», газета, орган ЦК ВЛКСМ, издавалась с мая 1925 г.

лать мою записку об этом в АН и, если нужно, то годится ли она в том виде, в каком мною составлена?

Я прилагаю к этому письму копию своей записки*, представленной мною уже в БАН, и прошу Вас, дорогой Евфимий Феодорович, прочитать ее и сообщить мне Ваше впечатление о том, уместно ли будет послать эту *записку*** в АН, как свое возражение на газетную заметку, и нужно ли вообще, по Вашему мнению, давать по этому поводу такие разъяснения.

Извините, что докучаю Вам этим неприятным делом, и прошу Вас уделить ему несколько минут и письменно сообщить мне Ваше мнение.

Если вы посоветуете записку послать, то я отсюда пошлю такой же экземпляр записки непр[еменному] секретарю с соответствующим на его имя письмом.

Прошу Вас принять наши пожелания Вам доброго здоровья и передать от меня и Веры П[авловны] сердечный привет глубокоуважаемой Софье Николаевне.

Искренне преданный Вам И. Замотин
Советская, 33, кв. 3, Минск

Приложение к док. № 4

В № 32 газеты «Ленинградская Правда» от 8/П за тек. год в фельетоне «Под куполом Академии» (подп[ись] Тур) дана заметка о моей литературной и публицистической деятельности в годы гражданской войны, в бытность мою профессором Донского университета; здесь сказано обо мне, что я «бывший активный деникинец, работник деникинского «Освага»***, и сделана ссылка на мою брошюру 1919 года (в фельетоне эта брошюра названа «книгой») под заглавием «Единство русской культуры». Эта характеристика моей деятельности повторена, со ссылкой на статью «Ленингр[адской] Правды» в журнале «Революция и культура», 1929, № 7 в статье И. Славина**** «Национал-демократизм и казенное благополучие»; причем к первой заметке добавлено, что я писал «погромные статьи против большевиков, против Советской России»; см. также «Комсом[ольская] Правда», 1929 от 17 авг., № 188*****.

В виду того что эта заметка, помимо резкости своей формулировки, не соответствует тем фактическим данным из моей прежней деятельности, которые могли подать повод к ее появлению, а также возводит на меня такие

* См. приложение.

** *Исправлено вместо зачеркнутого* заметку.

*** ОСВАГ (ОСВедомительное АГентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии, а в дальнейшем Вооруженных сил Юга России.

**** И. Славин, доцент БГУ в 1920-х — нач. 1930-х гг., автор вульгарно-погромных статей в журнале «Революция и культура» не только в отношении И. И. Замотина, но и ректора БГУ В. И. Пичеты.

***** *Дописано от руки Замотиным.*

обвинения, которые я не могу ни в коем случае принять на себя, я считаю необходимым с возможной точностью изложить обстоятельства, связанные с упомянутыми в заметке моими статьями.

В 1918 и 1919 годах среди других статей на литературно-общественные темы я, действительно, напечатал в ростовских газетах приблизительно 4 или 5 статей, которые имели, если не целиком, то частично, отношение к событиям революции и гражданской войны. Общее содержание этих статей — тяжелые впечатления и переживания человека, который еще не изжил февральской революции и не осознал октябрьской революции, сведения о которой в Ростов и на Дон вообще, лежавшие по другую сторону фронта гражданской войны, доходили в тенденциозном виде и давали материал для оценки не деловой ее работы, а главным образом тяжелых впечатлений гражданской войны и связанной с ней разрухи. В разрезе анализа этих тяжелых явлений и даже, вернее, в разрезе острой скорби о том, что революция перешла в гражданскую войну со всеми ее ужасами, были написаны мои статьи; чего-нибудь более актуального или агрессивного в них не было.

Тогда же, в 1919 году, имела место совершенно случайная и вынужденная увязка моего имени с «Освагом», которая произошла при следующих обстоятельствах. В конце апреля 1919 года Донское правительство издало приказ (этот приказ напечатан был в ростовских газетах приблизительно] 29—30 апреля 1919 г. об обязательной мобилизации на оборону всех научных работников, в том числе и профессоров Донского университета, до известного возраста (помнится, до 48 лет). В порядке обязательности научные работники Университета указали, в каком учреждении или по какой именно специальности они будут работать на оборону. За отсутствием соответствующих учреждений *гуманитаристы** вынуждены были приписываться главным образом к «Освагу». За «Освагом» чисто номинально стал числиться и я, но при этом совершенно там не служил и никаких заданий не выполнял — все ограничилось одной формальностью. Правда, меня просили дать туда какой-нибудь материал для печати; я предложил статьи на литературные темы, но они были забракованы как «неактуальные» по содержанию, и только очерки, написанные мною в 1917—1918 годах на тему об исторической роли русской культуры, были у меня взяты, пролежали там более полгода и в конце 1919 года были напечатаны в Харькове отдельной брошюрой в два с небольшим печатных листа небольшого формата (кажется, 32*) под заглавием «Единство русской культуры». Содержание этой брошюры — оценка основных признаков русской культуры, взятой в целом, сожаление о ее катастрофическом распаде в условиях империалистической и гражданской войны, мысли о русской интеллигенции, оказавшейся в тупиках и на распутьях, и критика тяжелых явлений в революционных событиях, преимущественно в граж-

* Так в тексте.

данской войне, взятых в том *крайнем** виде, как они изображались в южной прессе, являвшейся на Юге главным и даже единственным источником для суждений о том, что делалось после Октября по ту сторону фронта. Брошюра в большей части своего содержания не имела политического характера, и только несколько ее страниц, — где я касался тех явлений революции и гражданской войны, которые на Юге, благодаря южной прессе, трактовались и воспринимались почти исключительно как «эксцессы», — написаны более резко. При этом я должен отметить, что деловой работы партийной и вообще советской, развивавшейся в центре, я, живя на Юге по другую сторону фронта, по существу тогда еще не знал и поэтому ни о партии, ни о советской власти в брошюре непосредственно не писал (там нет и соответствующей терминологии), а свои замечания относил к тем тяжелым явлениям — хотя бы и случайного характера, — вести о которых доходили на Юг в определенной окраске. Помимо этой брошюры, совершенно случайно увязанной с «Освагом»**, никаких других связей с этим учреждением, мне вообще чуждым, у меня не было.

Вот все, что было напечатано мною в 1918—1919 гг., связанное по теме с революцией***. Больше я ничего не печатал в эти годы на революционные темы — ни статей, ни брошюр, и никаких, тем более, книг не издавал. Так как и до революции, за долгие годы своей педагогической и научной деятельности, я ничего не писал и не печатал на политические темы, то можно сказать, что эти 4—5 статей и одна брошюра в 30 с небольшим страниц, относящиеся к 1918—1919 годам, являются единственными моими печатными страницами, где я, под влиянием развернувшихся в эти годы событий, откликнулся на политические темы и осветил их с[о] своей точки зрения, недостаточно объективно, а иногда, может быть, и несколько резко.

С начала 1920 года в Ростове, как и вообще на Юге, окончательно утвердилась Советская власть. Некоторым из научных работников Донского университета пришлось дать перед Советской властью и советской общественностью отчет о своей прежней деятельности и литературной работе. Это пришлось сделать и мне. В апреле месяце 1921 года я был неожиданно для себя арестован Дончека. При допросе выяснилось, что поводом к аресту послужило содержание некоторых из вышеупомянутых статей и брошюры «Единство русской культуры», а также предположение о возможности их общественного влияния. Я дал объяснения, сначала устно, а потом и в письменной форме, того, при каких условиях писались мною вышеназванные статьи и брошюры, а также и того, как я теперь, т. е. в 1921 году, отношусь к высказанным раньше моим мыслям и положениям; при этом я дал показание

* Вписано над строкой.

** Далее зачеркнуто у меня.

*** Текста этих статей у меня, к сожалению, не сохранилось, и восстановить подробнее их содержание можно только по соответствующим газетам (прим. авт.).

и о своем отношении к «Осагу». По вопросу о степени общественного влияния моих статей я выяснил, что влияния этого не было и не могло быть, так как и в университете и вне его я, оставаясь прежде всего научным работником и педагогом, далеко стоял от политических вопросов, а потому и политического влияния никогда не имел и не старался иметь. После данных мною объяснений я был освобожден, пробывши под арестом несколько дней. Дальнейшее исследование вопроса о моей деятельности в других инстанциях, очевидно, подтвердило мои показания, так как дело не дошло до суда и было прекращено распорядительным порядком. В начале октября мес[яца 1921 г.] я получил лично мне адресованную справку след[ующего] содержания: «Донской областной революционный трибунал настоящим извещает Вас, что согласно постановлению распорядительного заседания от 30/IX-1921 г. дело по обвинению Вас в контрреволюции за применением амнистии 7/XI-1920 г. прекращено». Справка дана за подписью председателя Трибунала и секретаря от 5 октября 1921 г. за № 6201. Подлинник справки у меня имеется.

После этого я не только продолжал вести свою педагогическую работу в университете и в других учреждениях, но моя нагрузка была еще более увеличена вследствие приглашения меня для преподавания на Рабфак, для чтения лекций в Донском педагогическом институте, руководителем-методистом по языку и литературе на командных курсах и преподавателем в других уч[ебных] заведениях.

В конце 1921—1922 уч. года историко-филологический факультет Донского университета был закрыт и началась реорганизация его в педфак. В связи с этим я решил исполнить свое давнее желание перевестись для научной работы или в Ленинград, или куда-либо ближе к Ленинграду и Москве. Так как устроиться в Ленинграде в данный момент не представлялось возможным, я подал заявление в Белорусский университет, где при организации учебной жизни в новой высшей школе могла найтись для меня работа по моей прямой специальности. Заявление я подал по своей инициативе, без приглашения со стороны ректора В. И. Пичеты*, с которым я тогда не был еще знаком лично. Мое заявление встретило благоприятный прием, и я был избран профессором Белорусского государственного университета. Одновременно с этим избранием я был переизбран и утвержден в качестве профессора и для вновь открытого с осени 1922 года педфака Донского университета. Из справки, полученной мною из ГУСа** (подлинник этой справки у меня имеется), я был «утвержден по кафедре русской литературы», причем «предложено И. И. Замотину указать, где он желал бы постоянно работать — в Донском или Минском университете». Со стороны Донского университета мне были сделаны настойчивые предложения остаться для научно-педагогичес-

* В. И. Пичета (1878—1947), историк-славист, ректор БГУ в 1921—1929 гг., академик БАН с 1928 г., академик АН СССР с 1946 г.

** ГУС — Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР.

кой работы в Ростове; но я предпочел ехать в Минск, потому что всегда тяготился Ростовом, как городом, даже и в годы до гражданской войны, и потому что хотел, как я уже выше сказал, в интересах научной работы быть ближе к большим центрам. Таким образом, моя научно-педагогическая служба во все годы не прерывалась, и отношение ко мне, как к научному работнику, после ликвидации вопроса о моих статьях 1918—1919 гг., было все время благоприятным.

Излагая фактически дело с этими газетными статьями, которое в порядке юридического ликвидировано было в 1921 г., я должен коснуться и вопроса о том, какое место могли эти статьи в свое время занимать в моем общественном сознании и как я отношусь к ним теперь. В раннем детстве я вырос в обстановке бедной крестьянской семьи, хозяйство которой не превышало двух подушных наделов, т. е. приблизительно трех десятин; с переездом в город, после смерти отца, я жил и учился на скудные трудовые средства матери, служившей то кухаркой, то прачкой; большую часть обучения в средней школе и все годы высшего образования я провел в обстановке казенного общежития, изолированной от передовой кружковщины учащейся молодежи. Таким образом, на опыте жизни знакомый и с деревенской, и с городской беднотой, я в то же время рос и развивался вдали от рабочего быта и от революционного движения. В дальнейшем научные занятия в замкнутой кабинетной обстановке не могли ослабить эту изолированность от передовой активной общественности. Отсюда понятно, что если февральскую революцию вместе с трудовой интеллигенцией своего поколения, интеллигенцией большею частью народнического склада, я встретил с известной подготовкой, то к событиям Октябрьской революции у меня не было на первых порах правильного, революционно-пролетарского подхода, тем более, что эти события, живя на Юге, я воспринимал не в надлежащем, а в тенденциозном освещении южной прессы эпохи гражданской войны. Таково происхождение вышеназванных моих статей.

К революционной действительности я имел возможность близко подойти лишь в начале 1920 года. При первом же знакомстве с деловой стороной советского строительства мой подход к событиям и задачам Октябрьской революции утратил ту тенденциозность, которая отразилась в содержании вышеуказанных моих статей, и стал более объективным и спокойным, что и дало мне возможность глубже оценить в развернувшейся большой государственной работе то, что было мне более понятно и стояло ближе к моей специальности. И именно мероприятия Советской власти в области культурно-просветительной, в особенности же в области переустройства школьного дела вообще и высшей школы, в частности, не только меня заинтересовали, но даже можно сказать, захватили. Этим объясняется, что я сразу же принял живое участие в культурно-просветительной работе в Ростове на Д[ону]: будучи профессором Донского университета, я в то же время преподавал во

многих, вновь тогда открывавшихся курсах и школах, руководил методической постановкой языка и литературы в некоторых военных учебных заведениях, читал лекции в различных клубах и других учреждениях и т. д. Два года с половиной жизни и деятельности в Ростове на Д[ону] в условиях Советской власти не только тесно сблизили меня с советской работой, но и дали мне возможность осознать себя активным участником в строительстве новой социальности. Для меня, интеллигента — выходца из крестьянской среды, рабоче-крестьянская власть стала близкой не только по своей социальной природе, но и по своему идеологическому складу, поскольку в нем конкретно ставятся и осуществляются те задачи, которые и в дореволюционное время в общем виде всегда вставали перед моим общественным сознанием и отчасти входили, как темы, и в мои научные работы. Статьи 1918—1919 гг., о которых идет речь в этой записке, стали для меня изжитым моментом в эволюции моих взглядов.

Последующая затем семилетняя научная и педагогическая моя работа в Белоруссии, в Минске — в университете, а затем в Инбелкульте, ныне Белорусской академии наук, совершалась у всех на глазах и всем известна. Известна также и идеологическая установка тех научных работ, которые я за эти годы напечатал, по преимуществу на белорусском языке. Несмотря на 32-х летний научно-педагогический стаж и большой возраст (мне 55 лет), я несую большую нагрузку и по Университету и по Бел[орусской] академии наук и не ради самой нагрузки, а из живого интереса к культурному строительству Советской Белоруссии и из искреннего желания быть ей полезным своими знаниями и опытом. Я работаю здесь в полном убеждении, что оставаясь беспартийным, я не формально, а по существу участвую в социалистическом строительстве, руководимом коммунистической партией.

Резюмируя сказанное в этой записке, я еще раз вернусь к заметкам «Ленин[градской] Правды» и журнала «Революция и культура», посвященным моей прежней деятельности. Я должен сказать, что в этих заметках дана не только резкая, но и неправильная оценка моей литературно-публицистической деятельности 1918—1919 годов, что «активным сотрудником» «Освага» я не был, потому что там не имел никакой службы и не нес никакой работы; что «погромных статей против большевиков, против Советской России» я не писал. Что же касается вопроса о тех моих статьях 1918—1919 гг., которые я действительно печатал и которые мне в свое время инкриминировались, то вопрос об этих статьях — я позволяю себе так думать — был дважды ликвидирован: во-первых, в порядке советской юрисдикции, во-вторых, путем моей девятилетней работы в тесном контакте с задачами и директивами советского культурного строительства.

И. Замотин.

СПб. филиал Архива РАН. Ф. 292 (Е. Ф. Карский). Оп. 2. Д. 49. Л. 1—10. Рук. автограф; маш. автограф.

Док. № 5

10 сентября 1930 г.

Дорогой Евфимий Феодорович!

Приношу Вам глубокую благодарность за присланный мне экземпляр Вашей книги «Русская Правда по древнейшему списку»*, который я своевременно получил. Экземпляр, адресованный Вами П. А. Бузуку, пока не имел возможности ему передать; передам на днях.

Лето мы провели в Крыму, в Коктебеле; жили во всех отношениях благополучно и, кажется, с пользой для здоровья. Теперь живем опять в Минске; работа в Унив[ерсите]те и в Академии уже началась. В Академии печатаем сборник научных работ кафедры бел[орусской] лит[ерату]ры, где будут две мои статьи, построенные на материале вновь найденных рукописей.

В библиотеке здешней Академии видел** «Записку о научных трудах членов-корреспондентов Ака[демии] н[аук] СССР, избранных в янв. 1929 г.». Хотел бы иметь эту книжку (там есть и Ваш отзыв обо мне), но мне ее почему-то до сих пор не выслали.

Если будете в «Хранилище Академ[ических] изданий», походатайтесь о высылке мне этого издания.

Вера П[авловна], я и Таня*** сердечно приветствуем глубокоуважаемую Софью Николаевну и Вас; желаем доброго здоровья и всякого благополучия.

Душевно Вам преданный И. Замотин.

СПб. филиал Архива РАН. Ф. 292 (Е. Ф. Карский). Оп. 2. Д. 48. Л. 8—8 об. Рук. автограф.

Публикация М. Ф. Шумейко

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.05.2021

* Карский, Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Ленинград, 1930. 8°. IV + 114 стр. + 1 вкл. л.

** Далее зачеркнуто Список науч.

*** Имеется в виду дочь И. И. Замотина.

Е. П. Дернович,
*старший научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
магистр исторических наук;
e-mail: katty@tut.by*

ПРИВИЛЕЙ АВГУСТА ВТОРОГО 1720 г. МЕНЬШЕЙ КАНЦЕЛЯРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Вопросы организации деятельности канцелярии Великого Княжества Литовского, ее функции и состав должностных лиц в XIV — XVI вв. хорошо отражены в научной литературе. В отличие от этого деятельность в XVIII в. уже двух отдельных государственных большей и меньшей канцелярий не являлась самостоятельным предметом исследования. Общие вопросы их функционирования рассмотрены в статье А. Рахубы «Kancelarie pieczętarzy WKSL w latach 1569—1765» [3], в ряде коллективных трудов польских и литовских авторов [2; 4]. Таким образом, относительно функционирования государственных канцелярий Великого Княжества Литовского в XVIII в. остается немало вопросов, требующих внимания исследователей: компетенция канцелярий, разграничение деятельности канцлера и подканцлера, техническая работа низших должностных лиц канцелярий, место функционирования канцелярий и др.

По мнению исследователей, канцелярии в основном осуществляли свою деятельность в Варшаве, где занимали каменицы мещан или часть помещений во дворцах канцлеров [2, с. 260; 4, с. 105]. Известно, что в 1669 г. подканцлер находился в Варшаве в каменице Вышиньского (пол. Wyszynskiego) на Дунае [2, с. 261]. В то же время Метрика Великого Княжества Литовского содержит привилей от 14 декабря 1720 г., освобождающий каменицу Сташкевича по улице Немецкой в Вильно, где размещалась канцелярия меньшей печати, от нахождения в ней судей Главного Литовского Трибунала [1, л. 519 об—520 об].

Копия данного привилея сохранилась в книге № 159 Метрики Великого Княжества Литовского, являющейся книгой меньшей канцелярии, которая велась при подканцлере Казимире Чарторыйском с 1712 по 1722 г. Секретарем меньшей печати в это время был Михаил Констант Рогол Нивицкий (пол. Michał Konstanty Rogal Niwicki) [7].

Из содержания документа следует, что в конце 1720 г. был выдан привилей на освобождение каменного здания, расположенного на улице Немецкой города Вильно*, где размещалась меньшая канцелярия Великого Княжества Литовского, от постоя судей Главного Литовского Трибунала. Данное

* Улицы Немецкая располагалась примерно в одном километре от Нижнего замка.

помещение являлось каменницей Сташкевича, которая принадлежала шляхтичу, писарю радецкому города Вильно Константину Мацелевичу (пол. Konstant Macelewicz). Особое внимание в привилее уделяется тому, чтобы магистрат не допустил размещения в дальнейшем в данном помещении судей Главного Литовского Трибунала. Также из текста привилея становится известным, что освобождение каменницы по улице Немецкой производится по образцу большей канцелярии, а это означает, что где-то в Вильне размещалась большая канцелярия, и она уже к этому времени имела привилей на освобождение от постоя судей (пол. «Jakoz ninieyszym Przywileiem Libertacyinym ad normam Cancellaryi naszey pieczęci Wielkiej W X Litto wiecznie libertuiemy et omni immunitate zaszczycamy oraz od exdivizyi mieskiej y stancyi na Sędziow Głównych Trybunału W X Litto хсупуиemy»).

Конкретный инициатор издания этого привилея в документе не указан, в нем содержится только обобщенное указание на просьбу панов-рады (пол. «Z osobliwego respectu naszego na Instancyą u prozbę Panow Rad y Urzędni-kow naszych, przy boku naszym rezuduiących»).

Таким образом, имеются данные, что в первой трети XVIII в. меньшая канцелярия Великого Княжества Литовского находилась в Вильно, однако остается неизвестным время ее появления в указанной каменнице и время перемещения в Варшаву, так как уже после 1773 г. подканцлер Иохим Хрептович купил дворец в Варшаве (ул. Длуга, № 543) и имел в Варшаве дом [4, с. 105]. Конституция сейма 1775 г. обязывала канцлеров и подканцлеров проживать в Варшаве не менее 6 месяцев [6, с. 76].

Публикация привилея осуществляется на основе Методических рекомендаций по публикации польскоязычных документов по истории Беларуси XVI — первой половины XIX ст.* При наборе текста выдержаны большие, маленькие, выносные буквы, переносы слов, их сокращения. Слова на латинском языке выделены курсивом. Для адаптации текста документа не сохранено слитное написание слов и расставлены знаки препинания в соответствии с пониманием его содержания.

Przywilej *libertationis* kamienicy Stasz kiewiczowskiej na Cancellaryą pieczęci mniejszey W X Litt^o ad normam pieczęci wielkiej W X Litt^o od stancyi Urodzonych Sędziow Głównych Trybunału W X Litt^o.

August Wtory etc.

Oznaymujemy ||

* Метадзгнныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI — першай паловы XIX ст./ склад. А. І. Шаланда. — Мінск: БелНДДАС, 2012. — 46 с.

Oznaymujemy tym listem naszym libertacyinyum | przywileiem wszem wobec y kazdemu zosobna, komu by o tym | wiedziec należało, iz iakosmy *ab ipsa inauguratione no* | *stra* na to krolewstwo nasze starac się zwykli, azeby mia | sta nasze, *mallia temporum* zruynowane y zdezolowane, | do całosci y ozdoby iakiey przyść mogły, umyslilismy prze | to Z osobliwego respectu naszego na Instancyą y prozbę | Panow Rad y Urzędnikow naszych, przy boku naszym | rezuduujących, do nas wniesioną, kamienicę *quondam* Stasz | kiewiczza, teraz Szlachetnego Konstantego Macelewicza, | Raycy y Pisarza Radzieckiego miasta naszego Stołe | cznego Wilna, *in ruderibus* kupioną, na Ulicy Niemie | ckiey leżącą, na Stancyą Cancellaryi naszej Pieczęci mniey | szey W X Litt^o uprzywileiować y libertować. Jakoz niniey | szym Przywileiem Libertacyinyum *ad normam* Cancellaryi | naszej pieczęci Wielkiey W X Litt^o wiecznie libertuujemy | *et omni immunitate* zaszczycamy oraz od exdivizyi mie | skiey y stancyi na Sędziow Głownych Trybunału W X Litt^o | excypuujemy, ktorzy azeby (*nullo titulo et praetextu*) kamienicy wyz | mianowaney gwalttem nie zaiezdźali, w oney nie stawali y | za przypisne *vigore* Constytucyi Seymu *pacificationis* Roku Ty | siać Siedmsetnego Siedmnastego* nie uzurpowali y nie nie | praetendowali, nie czyniąc convulsij naszemu Przywileiowi Li | bertacyinemu y *iuribus nostris in toto* zachowali, chcąc oraz mieć, | azeby magistrat y *communitas mercatoria* miasta naszego | Stolecznego Wilna kamienicy Staszkiewiczkowskiey do exdi | vizyi na Stancyą Sędziow Głownych Trybunału W X Litt^o | nie podawał ani w registr exdivizyi nie wpisywał, Zakła | daiąc *in contemptores et violatores* naszego Przywileiu | libertacyiny || libertacyinego *poenas florenorum polonicalium irremis* | *sibiliter extendendas*. Na co dla lepszey wiary Ręką naszą | podpisawszy, pieczęć W X Litt^o przycisnąc rozkazalismy. | Dan w Warszawie, Dnia XIV° MScą Grudnia, Roku Pan | skiego MDCCXX: panowania naszego XXIV Roku.
Augustus Rex.

НІАБ. Ф. КМФ-18. Он. 1. Д. 159. Л. 519—520 об.

Источники и литература

1. Acta Metryki mnieyszey cancelaryi W. X. L. zawieraiące w sobie rescripta, listy, commissye, gleyty ect. // Национальный исторический архив Беларуси (НІАБ). — Фонд КМФ-18. Оп. 1. Д. 159. 564 л.
2. Dyplomatyka staropolska / pod red. Tomasza Jureka. — Warszawa, 2015. — 592 s.
3. Rachuba, A. Kancelarie pieczetarzy WKsL w latach 1569—1765 / A. Rachuba // Lietuvos Metrika. 1991—1996 metu tyrinėjimai. — Vilnius, 1998. — S. 256—271.
4. Susigražinant pračiū: Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai / Artūras Dubonis [et al.]. — Vilnius: LII, 2016. — 287 c.
5. Volumina legum. T. 6. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 624 s.

* Конституция «немого» сейма 1717 г. освобождала города, в которых проходили заседания Главного Литовского Трибунала (Вильно, Минск, Новогрудок), от гиберны (налог на содержание войска в зимний период). При этом в Вильно магдебурская часть города была освобождена от размещения депутатов, сбора различных выплат и реквизиций на период деятельности Главного Литовского Трибунала [5, с. 159].

6. Volumina legum. T. 8. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 624 s.
7. Дернович, Е. П. Государственная канцелярия Великого Княжества Литовского в XVIII веке / Е. П. Дернович // Архіви і справоводства. — 2020. — № 3. — С. 144—156.

Артикули наступіть у редакцію 10.09.2021

В. С. Пазднякоў,
загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: vpmiensk@gmail.com

БЕРАСЦЕЙСКАЯ СЕМІНАРЫЯ І ПЁТР АРКУДЗІЙ

(дакументы 1598—1621 гг.)

Як вядома, адной з праяў крызісу, ахапіўшага праваслаўную царкву ВКЛ у другой палове XVI ст., быў недастатковы ўзровень адукацыі як праваслаўнага грамадства ў цэлым, так і праваслаўнага святарства ў прыватнасці. Крызіс у гэтай справе, мала заўважны ў першай палове стагоддзя, выйшаў на паверхню жыцця ў сувязі з імклівым развіццём каталіцкай сістэмы адукацыі пад крылом Таварыства Ісуса. Пра адэкватны адказ выклікам часу задумаліся вярхі праваслаўнай царквы, аднак ён недаравальна расцягнуўся ў часе.

У 1590 г. праваслаўныя гараджане Берасці атрымалі дазвол адчыніць у горадзе школу. Дазвол выдаў епіскап уладзімірскі і берасцейскі Мялецкі Храптовіч [1, № 6, с. 8—10]. Мяшчане жадалі мець школу «вольную мескую посполитую и дьяка албо двухъ». Што хаваецца за вызначэннем «вольную»? Ці меркавалася там вывучаць сем вольных мастацтваў, ці мелася на ўвазе нейкая іншая воля? Адказу мы не маем. Епіскап Мялецкі у сваім адказе не ўжыў азначэння «вольная», якое магло азначаць незалежнасць школы ад царкоўнай улады, і дазволіў адчыніць школу проста «рускую грецкіе науки».

Хутка быў збудаваны для школы адмысловы будынак, побач з Мікольскім саборам. Берасцейскія мяшчане прасілі караля Жыгімонта III пацвердзіць епіскапскі дазвол на школу і разам з тым вызваліць будынак школы ад пастою ў час розных грамадскіх з'ездаў і побыту караля ў горадзе. Такі дазвол быў дадзены 28 студзеня 1591 г. Гэтым жа прывілеем кароль зацвердзіў і духоўнае брацтва мікольскіх прыхаджан [2, № 28, с. 37—39].

Адчуваючы моц, берасцейскія мяшчане пайшлі на заснаванне агульнагарадскога праваслаўнага брацтва на ўзор брацтваў Вільні і Львова. Іх падтрымалі епіскап Мялецкі Храптовіч і кашталяні берасцейскі Адам Пацей, у выніку быў атрыманы адпаведны каралеўскі прывілей ад 11 кастрычніка 1592 г. [3, № 206, с. 243—244]. Прывілеем прадугледжвалася дзейнасць пры брацтве школы «для науки детей народу хрестыянского всякого стану ... греческого, латинского, польского и руского языка». Як бачым, моўная праграма школы значна пашырылася ў заходнім кірунку, ахапіўшы навучанне лацінскай і польскай мовам, а значыць, і пэўных элементаў заходняй, каталіцкай культуры. У гэтым бачыцца ўплыў Пацея — знаўцы латыні.

У 1595 г. Пацей, ужо ў годнасці епіскапа ўладзімірскага і берасцейскага, жаліўся князю Канстанціну Астрожскаму: «ся школа разорила черезь самыхъ же профессоровъ школьныхъ, которые за лакомствомъ удавшися, до

Вильни на сыгшые пироги отбегли, а тугь, къ большой ганьбе и жалю убогого хрестіянства, на уруганье противниковъ вашихъ все покинули безъ жадное слушное причины» [2, № 63, с. 89].

Сапраўды, прычыны ад'езду настаўнікаў берасцейскай брацкай школы ў Вільню застаюцца невядомымі. Мы не ведаем, хто былі гэтыя настаўнікі і адкуль яны з'явіліся ў Берасці, але, безумоўна, іх ад'езд стаў ударам для школы. Трэба было шукаць новых выкладчыкаў. У такім стане школа існавала да Берасцейскага сабору 1596 г. і заключэння царкоўнай уніі. У 1597 г. Іпацій Пацей узяў брацкую школу пад свой кантроль, а ў якасці матэрыяльнай кампенсацыі змены ўласніка дамогся ад караля перадачы школе дзвюх вёсак — Таракань (Таркани, Тараканы) і Лесень у Берасцейскім ваяводстве, якія раней былі прыпісаны да Жыдзічынскага манастыра каля Луцка [2, № 122, с. 175—176].

Аднак праблема настаўніцкіх кадраў заставалася. І вырашылася яна ў пэўнай ступені з прыездам у Беларусь Пятра Аркудзія.

Выпускнік Грэчаскага калегіума святога Афанасія, доктар філасофіі і тэалогіі, Пётр Аркудзія у 1596 г. выехаў з Рыма разам з епіскапамі Іпаціем Пацеєм і Кірылам Цярлецкім. У Беларусі Аркудзія стаў бліжэйшым памочнікам Іпація Пацея ў правядзенні царкоўнай уніі. Пацей уладкаваў яго выкладчыкам у берасцейскую школу. У той час Пётр Аркудзія быў, можа, самым адукаваным чалавекам у Берасці. Яго настаўніцтва падняло ўзровень навучання, аднак дэфіцыт кадраў працягваў існаваць.

У гэтых умовах і зарадзілася ў Пацея ідэя арганізацыі на базе школы ў Берасці семінарыі, якая стала б галоўнай уніяцкай школай. Разлік быў, канешне, на прыток новых настаўніцкіх кадраў. Прывілей аб заснаванні ў Берасці семінарыі кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт III выдаў 10 красавіка 1598 г. (гл. Дакументы, № 1). Справа была даручана Аркудзію, але, безумоўна, галоўную ролю ў справе адыгрываў яго патрон Іпацій Пацей.

Характар новай навучальнай установы ў дакуменце прапісаны цьмяна. Відаць, і самі арганізатары семінарыі не мелі дастаткова ясных планаў. На каго была разлічана навучальная ўстанова? «Людем нащли паньства нашого Великого Князства Литовского», — чытаем у дакуменце. З гэтага вызначэння няясна, ці толькі на свецкіх асоб разлічвалі арганізатары, ці на духоўных таксама. «Нащлянальная» прыналежнасць таксама акрэслена максімальна шырока — жыхары ВКЛ, пэўна, усіх нащлянальнасцей. Праграма навучання — «твичен(ь)я в наукахъ вызволеныхъ» — хутчэй свецкая. Моўная праграма не прапісана. Пэўна, меркавалася школа сярэдняга ўзроўню еўрапейскага тыпу, усасаслоўная і ўсенащлянальная.

На забеспячэнне семінарыі перадавалася сяло Таракань у Берасцейскім ваяводстве. Другое сяло, Лесень, не прыгадваецца. Для ўмацавання пазіцыі Пятра Аркудзія як кіраўніка і галоўнага выкладчыка школы ў 1599 г. Жыгімонт III зацвердзіў сяло Таракань менавіта за асобай Аркудзія (гл. Даку-

менты, № 2). Аднак Таракань было не проста сялом, а пэўным маёнткам з прысёлкамі. Пра гэта даведваемся з іншага акта, значна пазнейшага, выддзенага Жыгімонтам III 14 лістапада 1611 г. Аказваецца, да Таракані належалі два прысёлкі («сельца две») — Рэчыца і Цеўкавічы, і па просьбе Аркудзія кароль пацвердзіў гэтую належнасць, гэта значыць, права Аркудзія на валоданне імі (гл. Дакументы, № 8).

З больш позняга дакумента, прывілея Жыгімонта III ад 2 верасня 1621 г. Віленскаму Троіцкаму манастыру, вынікае, што сяло Таракань яшчэ больш абрасло прысёлкамі ў выніку гаспадарчага развіцця рэгіёна. У гэты час да Таракані належалі сёлы Падлессе, Ласіны Рог, Асаўцы, Цеўкавічы і Рэчыца (гл. Дакументы, № 10).

Так берасцейская семінарыя атрымала няхай невялікі, але рэальны матэрыяльны падмурак для сваёй дзейнасці. Аднак сукупнасць гістарычных абставін прывяла да таго, што яна дзейнічала нядоўга. Аркудзіі перабраўся ў сталіцу ВКЛ Вільню, дзе ў 1601 г. яго семінарыя працягнула дзейнасць пры Траецкім манастыры. Пра Берасцейскую семінарыю засталіся адны ўспаміны, так што ў дакуменце 1621 г. было напісана пра яе зямельныя ўладанні: «надали ес(ь)мо были *первей* на школу Берестейскую для помножен(ь)я хвалы Божое в *набоженстве* руском, ино для *зейстя* с тоз(о) света велебного в Бозе *отца* Ипатия Потея, митрополити киевского, тая школа в Берести фундована быти не могла» (гл. Дакументы, № 10).

Аднак Таракань з прысёлкамі была не адзіным матэрыяльным падмуркам Берасцейскай семінарыі. Пэўныя крыніцы прыбытку атрымаў і яе галава Пётр Аркудзіі. Ужо 13 сакавіка 1600 г. Жыгімонт III выдаў прывілей Аркудзію на пінскую пратапопію. Разам з тытулам пратапопа Аркудзіі атрымаў пасаду галоўнага святара ў пінскай замкавай царкве св. Дзмітрыя з пэўнымі зямельнымі ўладаннямі, поўны спіс якіх цяпер не паддаецца рэканструкцыі. Сярод іх было дворышча Супраноўшчызна ў сяле Амыта Пінскай воласці. 3-за адлегласці гэтай зямлі ад іншых уладанняў пратапопіі Пётр Аркудзіі вырашыў абмяняць дворышча Супраноўшчызна на некаторыя землі пінскага шляхціца Яна Брэстоўскага, на што 21 кастрычніка 1602 г. атрымаў згоду Жыгімонта III (гл. Дакументы, № 5).

Але хутка Пётр Аркудзіі вырашыў, што больш зручна для яго будзе, калі ён абмяняе пінскую пратапопію на Кобрынскі манастыр, які трымаў пінскі і тураўскі епіскап Паісій Стахоўскі. Той таксама быў за абмен. Жыгімонт III пагадзіўся на трансакцыю, якая была аформлена каралёўскім дазвалам 3 сакавіка 1603 г. (гл. Дакументы, № 6; 7). З гэтага часу Пётр Аркудзіі трымаў Кобрынскі манастыр, тытулюючыся архімандрытам кобрынскім. Праўда, пінскім пратапопам у некаторых дакументах ён таксама працягвае тытулавацца (гл. Дакументы, № 8), але гэта, відаць, канцылярская памылка.

Нагадаем асноўныя жыццёвыя вехі Пятра Аркудзія [4]. Нарадзіўся ён каля 1563 г. на востраве Корфу. У 1578 г. паступіў у Рыме ў Грэчаскі калегіум

св. Афанасія, дзе ў 1591 г. першым з яго выхаванцаў атрымаў вучоную ступень доктара філасофіі і тэалогіі. У 1591 г. рымскі папа Рыгор XIV па просьбе луцкага біскупа Бярнарда Мацяёўскага накіраваў Аркудзія ў Луцк для прапаганды ідэі царкоўнай уніі. У 1593—1596 гг. Аркудзіі быў святаром Грэчаскага калегіума. У 1596 г. рымскі папа Клімент VIII па просьбе епіскапаў праваслаўнай царквы Рэчы Паспалітай выдаў акт аб далучэнні Кіеўскай мітраполіі да каталіцкай царквы, і Аркудзіі разам з епіскапамі ўладзімірскім Іпаціем Пацеем і луцкім Кірылам Цярлецкім выехаў з Рыма ў Рэч Паспалітую. Там ён стаў бліжэйшым памочнікам Іпація Пацея ў правядзенні царкоўнай уніі. Выкладаў у школе ў Берасці, рыхтаваў правядзенне царкоўнага сабору, на якім была заключана Берасцейкая унія 1596 г. На сойме 1597 г. выступаў у яе абарону. У 1597 г. быў перакладчыкам на судовым працэсе па справе экзарха канстанцінопальскага патрыярха Нікіфара. З дапамогай Іпація Пацея ў 1601 г. П. Аркудзіі заснаваў у Вільні семінарыю для падрыхтоўкі ўніяцкіх святароў і пастаянна дбаў аб павышэнні яе ўзроўню (з-за недахопу сродкаў яна месцілася ў драўляным будынку, а колькасць навучэнцаў не перавышала 12 чалавек). Удзельнічаў у рэлігійнай палеміцы з праваслаўнымі, дапамагаў Іпацію Пацею ў напісанні кнігі «Антырызіс» (выдадзена ў 1599 і 1600 гг. на старабеларускай і польскай мовах), скіраванай супраць твора Марціна Бранеўскага «Апакрысіс». У 1600—1601 гг. П. Аркудзіі па ініцыятыве мітрапаліта Іпація Пацея ўдзельнічаў у пасольстве канцлера ВКЛ Льва Сапегі ў Маскву для высвятлення магчымасці заключыць унію з маскоўскай праваслаўнай царквой. Адначасова ён меў планы адшукаць «грэчаскую» бібліятэку цара Івана Грознага, але нічога не дазнаўся. Рымскія ўлады прапаноўвалі прызначыць вучонага грэка епіскапам, але кароль Жыгімонт III адмовіў, спасылаючыся на тое, што Аркудзіі — не «паляк» і недастаткова добра ведае «рускую» мову. У 1603—1605 гг. Аркудзіі шукаў у Рыме падтрымкі для Віленскай семінарыі, а ў 1609 г. канчаткова з'ехаў у Рым. Быў цэнзарам, бібліятэкарам, удзельнічаў у дзейнасці Кангрэгацыі прапаганды веры [4].

Ніжэй змешчаны асноўныя дакументы пра дзейнасць Пятра Аркудзія ў Берасці і на Піншчыне, пра існаванне Берасцейскай семінарыі. Яны выяўлены сярод матэрыялаў Метрыкі ВКЛ, якая цяпер захоўваецца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве (Российский государственный архив древних актов, РГАДА, фонд 389). Дакументы друкуюцца на аснове мікрафільмаў Метрыкі ВКЛ з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску (фонд КМФ-18). Прынцыпы перадачы тэксту наступныя: літары, што выйшлі з ужытку, заменены на сучасныя; вынасныя літары ўстаўлены ў радок і вылучаны курсівам; прапушчаныя літары ўзнаўляюцца ў дужках, графіцы радкоў і аркушаў не пазначаюцца.

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

1598 IV 10, Варшава.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, засноўвае ў Берасці семінарыю вызваленых навук пад кіраўніцтвам доктара Пятра Аркудзія і надае ёй сяло Таракань у Берасцейскім ваяводстве.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 326—326 об. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 83).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Фундацыя яго к(о)р(олевской) м(и)л(о)сти на сэмінариум берестейское село Торокан(ь) въ воеводстве Берестейском лежачое, *от архимандрицтва Жидичинского, вечными часы.*

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) литов(ский) и.

Ознаймаемъ симъ листомъ нашымъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то ведати належить, иж мы, г(о)с(по)д(а)рь, для снаднейшого твичен(ь)я в наукахъ вызволеньхъ людемъ нацѣи панства нашего Великого Князства Литовского порадокъ учинити и тымъ способнейшыхъ ку науце метъ хотечы, умыслили есмо в месте нашомъ Берестейскомъ семинарыумъ заложити заразомъ в томъ яко в речи потребной и пожиточной волно и умысль нашъ выполняючы и початокъ тому який учинить, оное семинариумъ в месте нашомъ Берестейскомъ и науку в немъ заложит(ь) поручили есмо презьвиторови крещдому, чловеку в розныхъ езыкахъ умеетному и в наукахъ вызволеньхъ беглому и богобойному урожоному Петрови Аркудыусови. На которое семинарыумъ ку выхованью и на вшелякое обойстве и потреби людей учоныхъ, которые бы в наукахъ таковыхъ детей станов того панства нашего Великого Князства Литовского и кожного, хто бы се на то удати хотел, твичит(ь) и научать мели, пэвныя добра *от архимандрицтва Жидичинского, село названое Торокань, въ воеводстве Берестейскомъ лежачое, так, яко се здавна в собе мело и тепер мает(ь), ничого на насъ и на тотъ манастыр не зоставуючы, надаемъ, фундуемъ и симъ листомъ привильемъ нашимъ на вечныя часы утвержаемъ. Мает(ь) помененый урожоный Петръ Арькудыус, а по немъ иньшие учителя тое школы, которыхъ владыка володимерский и по немъ будучие владыкове подавати маот(ь), тое село Торокань в держанью своемъ метъ и в ономъ семинарыумъ, самъ будучы и иныхъ людей учоныхъ при собе ховаючи, всякого стану людей, звлаща обывателей панствъ нашихъ, въ езыку латинскомъ и крещцкомъ и иныхъ вызволеньхъ наукахъ учить, твичить и до всего умеетными чинит(ь). А з оного села Торокан(ь)ского и с подданныхъ тамъ будучихъ всякие платы пинежные, дякла и дан(ь) медовую, яко то до архимандрицтва передъ тымъ держано было, вибираючи на выхован(ь)е свое и иныхъ людей вчоныхъ, при немъ будучихъ, оборочать, ажъ до иньшого доско-*

нал(ь)шое и пожиточнейшое фуньдацыи и опатренья нашего г(о)с(по)д(а)рьского. И на то дали есмо урожоному Петру Арькудугусу сесь нашъ листь с подьписом руки нашео г(о)с(по)д(а)рьское и з нашою печатью.

Писань у Варшаве, лета от нароженья Сына Божого тисеча пят(ь)сотъ девет(ь)десять ос(ь)мого, м(е)с(е)ца апреля десятого дня.

№ 2

1599 VIII 23, Варшава.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, на просьбе епіскапа ўладзімірскага і берасцейскага Іпацыя Пацея пацвярджае доктару Пятру Аркудзію валоданне сялом Таракань у Берасцейскім павеце, якое яму саступіў Іпацый Пацей, за што Пётр Аркудзіі павінен выкладаць у новазаснаваным у Берасці калегіуме або семінарыі.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 74 об. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 86).

Публікацыі. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Том четвертый. 1588—1632. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. № 141. С. 195—196. Друкуецца на аснове копіі.

Отцу Петру Аркудуису, священнику и доктору грэчаскому, на село Торокани.

Жыкгимонт Третий, Бож(ь)ю ми(ло)стью корол(ь).

Ознаймуем сим листом нашимь всемь вобец и каждому зособна, кому то ведати належит(ь). Дал нам справу велебны в Бозе Гипатэй, владыка володимерский, иж часов недавных, будучи он згодне от духовенства рэлии руское закону крещкого для отданья найсветшому отцу папэжу послушэнства до Рьму посланы, там заразом, в Рьме, чоловэка в пис(ь)ме крещком бегло-г(о) Петра Аркудуиса, Пис(ь)ма Светого доктора и священника веры руское подлуг закону грэчаского залэцонного, маючы з собою, взявши, до панства н(а)шого прывезль и особу его намь, г(о)с(по)д(а)ру, залетил. А иж бы тымь снадней, яко в науках грэчаских беглы и другимь их, злеща веры крещкое людемь, прыкладнымь будучы, узычал и научал, зачымь велэбны отци владыка володымирский и село, которое за правом, от нас данымь, названое Тороканы, належачое до монастыра Жьдичынского, лежачое в повете Берэстэйском, держаль, Петру Аркудуису уступившы, нас, г(о)с(по)д(а)ра, штобы ес(ь)мо ему тое сэло потвердили, просить.

А такь мы, г(о)с(по)д(а)рь, бачэчи проз(ь)бу отьца владыки володымэрского слушную и особу Пэтра Аркудуиса залэцоную маючы, хотечи его тымь барзей на ласце нашой задержат(ь) а хушлившого до послугь таковых, на которыхь наука людская зависла, способит(ь), з ласки н(а)шое тое сэло Тороканьское, яко в себе се маеть, Пэтру Аркудуису даемь и симь нашимь листомь утвржаемь. Маеть поменэны Пэтръ Аркудуис село Тороканы зо всемь

на все, с поддаными осэлыми и дан(ь)ю их, яко се в себе и в обыходэх своих маеть, держати, ужывати, пожитки прымножати, до живота своего, не будучы нам и никому иньшому жадное повинности с того села полнити повинень, опроч, кгда колениум альбо сыминариум на люди молодые рэлий гречское заложено будеть, тамъ ехать и за указан(ь)эмъ себе слушного вихованья, кромь доходов сэла Тороканы, ведучы до добрых обываевъ и веры старожыт-ное гречское под послушэнствомъ костэла повшэхного рымского научати будеть.

И на то дали ес(ь)мо Петру Аркудису сэс(ь) н(а)шъ лист с подписомъ руки н(а)шое г(о)с(по)д(а)рьское и з нашоу печатью.

Писанъ у Варшаве, лета Божого нароченья 1599, м(е)с(я)ца августа 23 дня.

Sigismundus Rex.

Ярошь Воловичъ, писарь.

№ 3

1600 V 5, Варшава.

Вырак задворнага суда па справе паміж Пятром Аркудіем і былым епіскапам уладзімірскім Гедэонам і яго братам Рыгорам Балабанамі адносна права трымаць сяло Тараканы ў Берасцейскім ваяводстве, якім гэта сяло прысуджана Пятру Аркудзію.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 217—217 об. (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 74).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Дэкрет в справе ксендза Петра Аркудея з владыкою бывшим володимерским Гэдионом и братом эго Григор(ь)ем Болобанами о село Тороканы у воеводстве Берестейском.

Жиктимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)стыю корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) литовский.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ, иж кгда прыпозвани были перед насъ позвомъ нашымъ в жалобе чеснох(о) презьбитера церкви гречское отца Петра Аркудея владыка бывший володимерський Гедэонъ такъже и Грыгорей Болобанове, деръжачые арьхиманьдрыщство жидычынское, который бы кольвекъ з них деръжачымъ его былъ, о въеханье через них в село Тороканы, у воеводстве Берестейском лежачое, од насъ ему правомъ доживотнымъ даное и прывилемъ нашымъ утверженое, и о отнят(ь)е того села в одъеханью нашом до королевства Шведского з деръжанья его и непоступен(ь)е в него вжо по одънят(ь)ю через посланца нашох(о) увязанья, яко шьрей жалоба отца Петра Аркудея в томъ позве есть описана и доложена.

А на року, той справе у суду нашох(о) прыпаломъ, отецъ Петръ Аркудый, до реестру вписатисе давши, через тры дни, то есть двадцат(ь) девято-

го м(е)с(я)ца апреля, а второго и третего дня м(е)с(я)ца мая, пильность у суду нашого чынечы, позваных до права через енерала возного дворьного шляхетного Яна Кожуховскога до права прывольвати давати. А за неотозваньемсе от позваных никога с пил(ь)ност(ь)ю и ниякою ведомост(ь)ю на дню четвертомъ поданья позванымъ позву нашого очевидно и року, за ним прыпалог(о), выписом с книг канцеляреи нашею сознан(ь)я возного енерала дворьного Яна Кожуховскога, а пил(ь)ности своею, через тры дни у суду нашего чыненое, написомъ на позве руки писарьское доведышы, а прывилей, от насъ на тое село Тороканы правою доживотнымъ в году тисеча пятьсот девят(ь)десят девятомъ себе даный, такъже и сознан(ь)е посланьца нашого, возного, и шляхты непоступенья ему через врадника позваных в тое село увезанья показавшы, абыхмо позваных за нестанных в той справе на упад здавшы, тое село Тороканы ему подлугъ данины нашею прьсудили, домавлятьсе.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, через паны рады и врадники наши, на справы судовые от насъ высажонные, тое справы прослухавшы а за доводом от отца Аркудея подан(ь)я имъ позву нашого, року, за ним прыпалог(о), и пильности, через тры дни у суду нашого чыненое, позваных на дню четвертомъ на упад за нестанных здавшы, село Тороканы, у воеводстве Берестейскомъ лежачое, отцу Петру Аркудею подлугъ данины нашею прьсудили ес(ь)мо и симъ вырокомъ нашимъ прьсужаемъ и на подан(ь)е ему того села дворенина нашого посылаем, через которого позваные по обвещен(ь)ю себе сего выроку нашого за недель чотыры помененое село Тороканы зо всеми его належностями в мощь и в деръжанье отцу Аркудею подати и поступити будутъ повинны, под тройкимъ закладом, такъ великимъ, яко сама речъ осужоная выносит(ь), и под винами на спротивныхъ вырокамъ нашимъ, в праве посполитомъ описаными, сами через себе и ни через кого спротивностьа не чынечы.

Што про памет(ь) до книг канцеляреи нашею ест(ь) записано.

Писан у Варьшаве, лета Бож(ь)его нарожен(ь)я тисеча шест(ь)сотьного, м(е)с(я)ца мая пятого дня.

Лев Сапега, каньцлеръ Вели(кого) Князтва Литовского.

№ 4

1602 II 12, Вильня.

Вырак задворнага суда па справе паміж Пятром Аркузіем і Андрэем Фёдаравічам адносна права трымаць пінскую пратапопію, якім яна прьсуджана Пятру Аркузію.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 314 об.—316 (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 74).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Дэкрет в справе кн(я)зя Петра Аркудея зь Андреемъ Федоровичом о протопопію пинскую.

Жикгимонт Третий, Божью м(и)л(о)стью корол(ь) пол(ь)ский.

Ознаймаемъ симь нашымъ листом. Слушали ес(ь)мо тое справы через паны рады и вранники нашы, которая се прыточыла за позволом маньдатоу нашымъ на попиран(ь)е иньстыктатора нашо(о) Велико(о) Князтва Литовского з Андреем Федоровичом, который се меноваль быти протопопою пиньским замковымъ, подаванья нашего, о то, ижъ он, упрсившы себе от нас протопопою пиньскую зо всими пожытками ее, подь таковымъ способом, ижъ мель быти под послушенствомъ епископа своего пиньского въ единости и згоде светой с костелом рымьским, якожь дей и на листе данины нашео за прозбою его властноу того меновите доложено. То пак дей онъ через колько леть держачы тую протопопою и беручы з нее пожытки всякие, не хотель на стан священнический ставитися, гарьдечы пастыром своим, епископом пиньскимъ, который потом его и передь митрополитата киевского, велебного отца Ипатяе о то по кол(ь)ко крот позываль. Нижили дей онъ и о тое позван(ь)е ничего не дбаочы, ку праву не становилъся. За которое непослушенство отец митрополит, узнавшы его тое протопопои быти негоднымъ, декретом своим тую протопопою пинскую отсудил и до нас, г(о)с(по)д(а)ра, одослать, жадаочы, абыхмо тую протопопою пиньскую кому годнейшому дали. Якожь мы, г(о)с(по)д(а)рь, будучы паном и подавцоу тых добрь церьковных, тую протопопою зо всими належностями ее дали ес(ь)мо презбитеру греческому, чоловекому* доброму и годному, отцу Петру Арькудееви. То пак дей онъ и до сих часовъ тое протопопои ему не хотель уступити, але на бол(ь)шую взгарду и легкое поважен(ь)е зверхности и росказан(ь)я нашего г(о)с(по)д(а)рского, будучы вжо декретомъ духовным од стану духовного отсужонъ, смел и важылсе до иного владыки, ему неналежного, то есть до Гедеона Болобана, ехавшы, там у него на стан священнический посветитися, взгордишы своим епископом властнымъ, под которого зверхност(ь)ю и с тою протопопою своею был. А ижъ перьвей ласкою нашою г(о)с(по)д(а)рскою взгордил и тот прывилей нашъ, себе даный, сам нарушылъ, которому ижъ дей досыт(ь) не учинил, тым самым от тое ласки и данины нашео горьдост(ь)ю своею отпал, яко шырей жалоба иньстыктатора нашо(о) на томъ позве описана и доложена ест(ь).

На котором року, за позволом прыпалом, обедве стороне, иньстыктаторъ нашъ сам через себе, а сторона позваная через умоцованого своего Миколая Карьповича, за мощью, ему в той справе водлугъ права даною, перед судом нашим постановившысе, чынил таковую объмову, ижъ о жадном позве стороны его, Андрей Федорович, не ведаст(ь). За чымъ иньстыктаторъ нашъ, доведшы положенья позву выписом с книгъ ктродских пиньских сознан(ь)я возно(о) повету Пиньско(о) Остапа Михновича Качановского, казалис(ь)мы далей сторонам поступоват(ь).

* Так у рукапісе.

Умоцований позвано(о) выводил, ижъ Андрей Федорович не мает(ь) тут в той справе форум, за дворомъ нашим, поневажъ идет(ь) о привилеи, з обудвухъ сторонъ показованые. Домавялсе, абы тая справа на сеймъ отослана была. А иньстыкгаторъ нашъ выводечы, ижъ то справа не сеймовая, але властне задворная, где идет(ь) о розознан(ь)е привилеев, и никому иншому, тол(ь)ко намъ, г(о)с(по)д(а)ру, судити належыт(ь). Узнавшы мы в той справе форумъ за дворомъ нашимъ, на самую речъ отповедаит(ь) Андрейо Федоровичу наказали ес(ь)мо.

На што умоцований Андрей Федоровича поведил, ижъ онъ в той справе не на самую речъ отповедати, але тол(ь)ко объмову учынити посланный ест(ь). А кдѣхмо за домовлян(ь)ем се иньстыкгатора нашо(о) наказали, абы истотне в самой речы на жалобу, в позве описаную, отповедал, умоцований Андрей Федоровича, Миколай Карьповичъ, за потрыкрытымъ волян(ь)ем через енерала дворного до права становитисе и отказовати на тотъ позовъ не хотел. А иньстыкгаторъ нашъ домавялсе, абы преречено(о) Андрея Федоровича, яко зверьхности нашей противного и праву посполитому непослушно(о), яко на року завитом, за нестанного на упад в самой речы здали. А показуючы и покладаючы перед нами привилей даты року тисеча шест(ь)-сотного м(е)с(я)ца марта трынадцатого дня, от насъ, г(о)с(по)д(а)ра, на тую протопопию пинскую отцу Петру Аркудееви даный, домавялсе, абы водлугъ то(о) привилею, отъ насъ даного, ему тую протопопию прысужоно, а за непослушен(ь)е и недопущен(ь)е увязан(ь)я в тую протопопию, а за неробен(ь)е людей, за шкоды подданныхъ и за пожытки, оттуль браные, на маестности того Андрея Федоровича лежачой и рухомой тисечу золотыхъ пол(ь)скихъ прысужоно было.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, с паны радами нашими тое справы прослухавшы, а бачечы, ижъ Андрей Федоровичъ, будучы перед насъ, г(о)с(по)д(а)ра, роком завитымъ позванный, от которого умоцований за моцью листовною постановившысе и вкрочывшы в право з ынстыкгаторомъ нашим, и кдѣ з выроку нашо(о) форум тутъ узнано и на речъ и жалобу, в позве описаную, отказовати наказано, онъ свовольне от суду прочъ отышоль. Зачымъ, яко праву посполитому и выроку нашему непослушно(о) и спротивно(о), за нестанного на упад в речы здавшы, протопопию пинскую, от которое вжо давно неслушнымъ справованьемъ водлугъ канонѡв и правилъ светлыхъ отецъ отпал и черезъ пастыра духовно(о) властно(о), епископа пинско(о), а потомъ знову вырокомъ архиепископа митрополита киевского и всее Руси, велебного отца Ипатя отсужон, водлугъ которо(о) суду духовно(о) епископа пинско(о) и архиепископа всее Руси мы его от тое протопопии отсужаемъ и привилей данину нашу, ему на тую протопопию даный, касуемъ и вечне умоураемъ, а тую протопопию пинскую зо всею владою и доходами, до нее належачыми, пререченому отцу Петру Аркудееви водлугъ привилею данины наше прысужаем, а позваному заразъ уступити с тѣхъ добрь наказуем.

Што через дворенина нашоꝝ(о) подано быти маест(ь). А за неробеньем людзей, за шкоды подданных и пожытки, *оттул(ь)* браные, на маестности того Аньдрея Федоровича лежачой и рухомой, яко инстыггаторъ меновал, тисечу золотыхъ польскихъ всказуем и прысужаем. И на *отправу* тое сумы пенезей до суду земского пинского *отсылаемъ*, которая порядкомъ правнымъ на маестности *еꝝ(о)* *отправлена* быти маест(ь).

Што про *памет(ь)* до книгъ канцелярейскихъ *ест(ь)* записано.

Писан у Вил(ь)ни, лета Божьего нарожен(ь)я тисеча *шест(ь)сот* второꝝ(о), м(е)с(я)ца февраля дванадцатоꝝ(о) дня.

Лев Сапега, канцлеръ Великоꝝ(о) Княз(тва) Литовскоꝝ(о).

№ 5

1602 X 21, Кракаў.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, загадвае камісарам замяніць дворышча Супраноўшчызна ў сяле Амьга Пінскай воласці, якое належыць пінскаму пратапопу Пятру Аркудзію, на землі зямяніна Яна Брэстоўскага.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 203 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 85).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Лист до комисаров з стороны замены дворищем протопопы пинскоꝝ(о) в селе Омьге зъ Яномъ Брестовскимъ.

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью, etc.

Урожонымъ [...]*, комисаромъ, отъ насъ на справу, нижей описаную, зосланымъ.

Даль намъ того справу протопопа пиньскій ц(е)ркви светого Дмитрея княз(ь) Петръ Аркудей грэхъ, ижъ онъ *держыть* з ласки нашео протопопию пиньскую з наданьемъ *от* *продковъ* нашихъ по розныхъ мestyцахъ, а особливе у волости Пиньской, в селе Омьге, дворыще, называемое Супрановшчызну, в которомъ есть кгрунъту всего полтрэти волоки осельхъ, *отглеглое* отъ иньшыхъ подданныхъ и сел протопопскихъ. Зачымъ *дей* про далекост(ь) и отглеглость тому дворышчу у Омьге и подданнымъ, на немъ будущимъ, отъ розныхъ особ и суседовъ кривды се деють такъ в забиранью кгрунътовъ, в недопущенью имъ ужыванья старыхъ входовъ и пожыгковъ, и в быньшыхъ розныхъ речахъ. И просил насъ менованый протопопа пиньскій, абы *ес(ь)мо* ему позволили за тое дворыще отглеглое у земенина нашего Яна Брестовского отъмену слушную и ровную близко иньшыхъ сел протопопскихъ взяти.

В чомъ видечы мы бытъ проз(ь)бу его слушную, тую замену чынить на добра, ему прылеглайшые, позволили есьмо ему. Однакож же, постерегаю-

* У рукапісе пакінута пустое месца для некалькіх слоў.

чы того, якобы в той замене ц(е)ркви Божой кривьда не была, з рамени нашого г(о)с(по)д(а)рського верность в(а)шу на туо справу комисарми зсылаемь и хочемь мети, абы есте на час, который се вам наслушней видети будеть, тамь до села Омьга зъехали и, того дворьща ц(е)рковного кгруньтомь и пожытькомь прысмотрэвшысе и уважывшы, отьмену слушную и ровьную добрами Яна Брэстовьского, ку протопопьству пиньскому прылежлейшыми, учынили, в держанье на обе стороне подали и завели, и намь бы есте о томь через листь свой подостатьку ознаймили. А мы то имь на обе стороны листами привилеями нашыми утвердимь.

Писань у Кракове, лета Божого нароженья тисеча шестьсот второго, м(е)с(я)ца октебра двадцать первого дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рское.

Матей Война, писарь.

№ 6

1603 III 3, Кракаў, на сойме.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дазваляе епіскапу пінскаму і тураўскаму Паісію замяніць Кобрынскі манастыр на пінскае прапапства, якое трымае Пётр Аркудзій.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 226 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 85).

Публікацыя. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 2. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1865. № 13. С. 28—29. Друкуецца на аснове копіі.

Позволен(ь)е владыце пинскому Пайсею замену чынить с Петромь Аркудеем, протопопом пинскимь, манастыромь кобринскимь на протопопьство пинское.

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)стью, etc.

Ознаймуемь симь нашымь листомь. Прэложено ест намь именемь владыки пинског(о) и туровского, архиманьдрыга кобриньского велебьного в Бозе Пайсея а именемь протопопы пиньского Петра Аркудея, ижь што за даниною нашою, будучы в держанью помененый владыка пиньский архиманьдрыцтва кобринског(о), а помененый тэжь Петрь Аркудей протопопьства пиньского, которое протопопьство пинское, ижь пры владыцтве пинскомь споручней бы, анижыли манастыр Кобриньский, держати ему было, намовившысе межы собою, вышей помененые особы, и хотечы владыка пиньский манастыра Кобриньского Петру Аркудею, а Петрь Аркудей протопопства пиньского владыце пинскому уступити, били намь, г(о)с(по)д(а)ру, чоломь, абы ес(ь)мо таковую згуду ихь до ведомости нашео прыпустившы, позволенье наше на то имь дали.

А такь мы, г(о)с(по)д(а)рь, бачечы в томь речь слушную, звлаща, ижь се жадная уйма через то добрамь духовьнымь деяти не будеть, позволяемь

велебному в Бозе владыце пиньскому манастыр Кобринський Петру Аркудею пустити, а в держанье свое протопопьство пиньское *от* нихъ *взяти*. Которого протопопьства пиньского, кгда ему Петръ Аркудей уступить, за симъ же листомъ нашымъ зо всимъ на все, што к нему належытъ, *держати* и *уживати* велебный владыка пиньский до жывота своего *мает*(ъ).

И на то *дали* ес(ъ)мо ему *сес*(ъ) нашъ листь с подписомъ руки нашео г(о)с(по)д(а)рьское и з нашою печат(ъ)ю.

Писан у Кракове, на сойме вал(ъ)номъ, лета Божого нароченья тисеча *шест*(ъ)сотъ третех(о), м(е)с(я)ца марта третего дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

Ярошь Воловичъ, подскарбий надворный и писарь.

№ 7

1603 III 3, Кракаў, на сойме.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дазваляе Пятру Аркудзію замяніць пінскае пратапопства на Кобринскі манастыр, які трымае епіскап пінскі і тураўскі Паісій.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 226 об. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 85).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Позволен(ъ)е Петру Аркудею, протопопе пиньскому, замену чынить с *Пайсеемъ*, владыкою пиньским, протопопьством *пинским* на манастыр *кобринский*.

Жикгимонт Третий, *Бож*(ъ)ю м(и)л(о)ст(ъ)ю корол(ъ) пол(ъ)ский, etc.

Ознаймуемъ симъ нашымъ листомъ. Прэложено естъ намъ именемъ владыки пиньского и туровского, архиманьдрыта кобриньского велебного в Бозе *Пайсея* еромонахи а именемъ протопопы пиньского Петра Аркудея, ижъ што за даниною нашою, будучы в держанью помененый владыка пиньский архиманьдрыцьтва кобриньского, а помененый тэжъ Петръ Аркудей протопопьства пиньского, которое протопопьство пиньское, ижъ пры владыцтве пиньскомъ споручней бы, анижъли манастыр *Кобринский*, *держати* ему было, намовивышысе межы собою, вышей помененье особы, и хотечы владыка пиньский манастыра Кобриньского Петру Аркудею, а Петръ Аркудей протопопьства пиньского владыце пиньскому уступить, *били* намъ, г(о)с(по)д(а)ру, чоломъ, абы ес(ъ)мо таковую згоду ихъ до ведомости нашео прыпустивышы, позволенье нашо на то имъ дали.

А такъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, *бачеы* в томъ речъ слушную, звлаша, ижъ се жадная *уйма* через то добрамы духовнымъ деети не будетъ, позволяемъ Петру Аркудею протопопьство пиньское велебному владыце пиньскому пустити, а манастыр *Кобринский* *от* него *приняти*. Которого манастыра Кобриньского, кгда ему владыка пиньский уступить, за симъ же листомъ

нашымъ зо всимъ на все, што к нему належытъ, держати и ужывати Петръ Аркудей до живота своего маеть.

И на то дали ес(ь)мо ему сес(ь) нашъ листь с подписомъ руки нашео г(о)с(по)д(а)рьское и з нашою печат(ь)ю.

Писан у Кракове, на сойме вал(ь)номъ, лета Божьего нароженья тисеча шест(ь)сотъ третє(о), м(е)с(я)ца марца третєго дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

Ярошь Воловичъ, подскарбий надворный и писарь.

№ 8

1611 XI 14, Варшава.

Жьгѣмонт III, кароль польскї і вялікі князь літоўскї, пацвяджае пратапопу пінскаму, доктору Пятру Аркудзю валоданне сѣламі Рэчыца і Цєўкавічы, якія належаць да маѣнтка Тароканї.

Арыгінал. Невядомы.

Копїі. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 386—386 об. (Метрыка ВКЛ, кнїга запису 89).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копїі.

Прывилей ксенъдзу Кгрекови на две селе до Торокан(ь).

Жьгѣмонт Трети, Бож(ь)ю м(и)л(о)ст(ь)ю etc.

Ознаймемъ симъ листомъ н(а)шимъ, иж то в року прошломъ тисеча пятьсотъ деветьдесять девятом у Варшаве за залеченемъ отъ велебного в Бозе Ипатея Потєя, митрополиты киевского, галицкого и всея Руси, владыки володымерского, велебного *отца Петра Аркудыуса*, теперешнего протопопы пиньского, священника, пис(ь)ма светого в релии *кгецкой* доктора, которого для науки людам тоє релии прывабившы, на выхован(ь)є его з добръ своих духовных село Торокани, в повете Берестейскомъ лежачое, з ынными прыналежностями уступилъ, которому мы, г(о)с(по)д(а)рь, з особливое ласки нашео тоє село Торокани до живота его утвердили. И будучий преречоны *отец Петрь Аркудыусъ* того села в спокойном держанно до сих часов, доносить намъ проз(ь)бы свое в том, ижъ *дей* до то(о) села Тороканъ сельца две названые Речица и Тевьковича належать, и пры томъ селе Тороканех поданыи ему суть, а в привилею данине нашей не описаныи суть, зачимъ *дей* некоторые особыи о тые сельца трудность ему задают(ь), абы есмо з лаский нашео и тые сельца Речицу и Тевьковичый в сєсь *лист* нашъ описавшыи, симъ листомъ н(а)шимъ до живота его утвердили. А такъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, видечи *быт(ь)* проз(ь)бу его слушную, ласкавесмый на то позволили, а помененыє села Речицу и Тевьковичый пры селе Тороканех, водле уступен(ь)я велебно(о) *отца* митрополита, преречоному *отцу Петру Аркудыусови* дали есмо и симъ листомъ ншимъ даемъ. Маєть онъ тые сельца *обедве* Речицу и Тевьковичый пры селе Тороканех, поданых зо всеми з них *податками* и инными прыналежностями держати и пожытьков всяких ужывати аж до живота своего.

И на то есмо ему дали сесь *наш* листь с подыписом руки нашею и с печат(ь)ю нашею.

Писанъ у Варшаве, лета Божого нарочен(ь)я тисеча шестьсотъ одиннадцатого, м(е)с(е)ца ноебра чотырьнадыцатого дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

Остафи Воловичъ, проб(ощ) троцки, писар и референдар.

№ 9

1613 XII 20, Варшава, на сойме.

Жыгiмонт III, кароль польскi i вялiкi князь лiтоўскi, дае Виленскаму Троiцкаму манастыру сяло Тараканы ў Пiнскiм павеце, якое раней выпрасiў мiтрапалiт кiеўскi i ўсiей Русi Ипаций Пацей на берасцейскую школу.

Арыгiнал. Невядомы.

Копii. 1. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 932 об. (Метрыка ВКЛ, кнiга записай 86). 2. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 224—224 об. (Метрыка ВКЛ, кнiга записай 106, у складзе пацвярджальнага прывiлея Уладзiслава IV ад 15 сакавiка 1633 г.).

Публiкацый. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Том пятый. 1633—1699. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. С. 10—11 (на аснове копii 2). Друкуецца на аснове копii 1.

Жикгiмонт Третьй etc.

Ознаймiм сiм листом нашым, *иж* што велебный в Бозе Ипатеi Потей, зошлый метрополита киевский, галицки и всяя Руси, владыка володымерский и берестейский, упросил быть нас село Тороканый в повете Пинском лежащее, на школу берестейскую, которое то школый не заложивший, з сего света зшол, а тое село зновъ на шафунок *наш* спало.

Ино хотечый *мыи* тое село яко добра церковные обернути на реч такую, с которой был(ь) набол(ь)шая хвала Божая в набоженстве рускомъ *быти* могла, упатрили ес(ь)мо манастир виленский Светое и Жывоначал(ь)ное Тройцый, в котором значне людей законных, в побожности и в науках вызволенных поступуючих и хвалу Божию помнажающих прибывает(ь), а выжывен(ь)я водлугъ потребый немалоѡ(о) розумеющий, теды за реч слушнейшую и пил(ь)не потребную оным селом тот манастир, в недостатку будучий и ниоткул(ь) ратунку не мающий, для помножен(ь)я фальый Божое подперти, аниж где новые школый им закладати, для тоѡ(о) звыши реченое село Тороконское зо всем, што до него здавна належало и тепер належит(ь), также с подачками и зо всеми пожытками, с тоѡ(о) села приходячыми, з владзый н(а)шое г(о)с(по)д(а)рьское даем и надаем на помененый манастир виленский так, *иж* мает(ь) старший того манастиму, теперешный еромонах Иоасафъ и напотом будучые, зо всею брат(ь)ею закононою, в едности светой с костелом рыскимъ хвалу Божию в манастире том отпрауючую и науками се баве-

чю, и для помножен(ь)я фальшй Божое тое село держати и з него цышшый и всякие иншие доходый брати, и пожытки себе, якие быи разумели, отгул(ь) привлащати и ужывати, не будучый повинен с того нам и никому инному ничего давати и жадное повинности полнити, ани юрисдиктыи ниякой, окром своей духовней, яко з добрь церковных, подлегати, на вси потомные часый.

На то дали ес(ь)мо им сес(ь) наш лист с подписом руки н(а)шое и печат(ь)ю Великоз(о) Князства Литовского.

Писан у Варшаве, лета Божоз(о) нарожен(ь)я 1613, м(е)с(я)ца декабра 20 дня, на сойме вал(ь)ном.

Sigismundus Rex.

Остафий Воловичь, проб(ощ) троц(кий), писар и референдарь.

№ 10

1621 IX 2, Варшава, на сойме.

Жыгімонт III, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, пацвярджае сваё ранейшае наданне Віленскаму Троіцкаму манастыру на сяло Тараканы з прысёлкамі ў Пінскім павеце, а таксама цэсю жыдзічынскага архімандрыта Нікадыма Шыбінскага Віленскаму Троіцкаму манастыру на гэтыя маёнкі.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. 1. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 435—435 об. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 93). 2. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 224 об.—225 об. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 106, у складзе пацвярджальнага прывілея Уладзіслава IV ад 15 сакавіка 1633 г.).

Публікацыі. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Том пятый. 1633—1699. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. С. 11—12 (на аснове копіі 2). Друццэца на аснове копіі 1.

Confirmatia na niektore dobra manastyrowi Zydyczynskiemu nalezące.

Жыггимонт Трэцій.

Ознаймуюм тым листом нашым, кому бы о том ведати належало, иж што которые добра церковные названые село Тороканы с прыселками, и пове-те Пинском лежачые, до манастыра Жыдычынскоз(о) перед тым прыслухаю-чые, надали ес(ь)мо были первой на школу Берестейскую для помножен(ь)я хвалы Божое в набоженстве руском, ино для зейстя с тоз(о) света велебного в Бозе отца Ипатия Потяя, митрополити киевского, тая школа в Берести фун-дована быти не могла, а потом тые добра вышмененные конферовали ес(ь)мо на манастыр Виленский Светое Тройцы на выжывен(ь)е иноков, науками вызволеными бавячыхся. А часов недавных, по смерти архымандрыта жыдычынского небошчыка Балабана, тое архымандрыцтво жыдычынское з добрами, до него належачыми, дали ес(ь)мо побожному отцу Никодыму Шыбинскому, законникови манастыра Виленского Светое Тройцы. Который то отец Никодым Шыбинский, одержавшы от нас тое архымандрыцтво, на

села вышпмененыя Тороканы, Подлесе, Лосины Рог, Осовцы, Тешковичы и Речьцу, в повете Пинскомъ лежачыя, <цессыю>* манастырови Виленському учынивши, на вряде кродском виленскомъ прызналь, яко о томъ шырей данина наша на тые Тороканы манастырови Виленскому и цессыя архымандрыта ждыдчынского в себе описуют(ь). И просили нас законники манастыра Виленского Светое Тройцы, абыхмо им першое право, данину нашу, на тые села манастырови их и цессыю теперешнего архымандрыта ждыдчынского тымъ листомъ нашым утвердили.

Мы, г(оспо)д(а)р, маючы взгляд на то, абы подь щасливым панованемъ нашим в панствах наших хвала Божая помножене брала, проз(ь)бу их видечы быт(ь) слушную, ласкаве на то позволивши, тое право манастырови Виленскому на добра вышпмененыя, от нас даное, и цессыю архымандрыта ждыдчынского тым листомъ нашим во всем ствержаемъ и пры тых добрах манастыр ихъ зоставуемъ на потомные часы.

На твердость того всего сес(ь) привилей рукою нашою подписавшы, печать Великого Князтва Литовского прытиснут(ь) велели ес(ь)мо.

Писан у Варшаве, на сойме вал(ь)номъ, лета от нарожен(ь)я Сына Божого АХКА [1621], м(е)с(я)ца сентебра второ(о) дня.

Sigismundus Rex.

Літаратура і крыніцы

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. — Т. 11. — Вильна: В тип. А. Г. Сыркина, 1890. — XL, 372 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — Т. 4. — СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1848. — VIII, 529, 25, 20 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — Т. 1. — СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1863. — [2], 301, 15 с.
4. Ozorowski, M. Piotr Arkudiusz — Grek na służbie Słowian / M. Ozorowski // Bizancjum—prawosławie—romantyzm: Tradycja wschodnia w kulturze XIX wieku. — Białystok, 2004. — S. 129—138.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 30.04.2021

* У рукапісе пакінута пустое месца для аднаго слова, слова цессыю аднаўляецца згодна з копіяй 2.

ПОСТАЦІ

ДА ЮБЛЕЮ МАРЫІ КАРПАЎНЫ БОБЕР

Адна са старэйшых супрацоўніц Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы, якая працуе ў інстытуце практычна з дня яго стварэння — і зараз з'яўляецца адной з яго навуковых апор, Марыя Карпаўна Бобер у 2021 г. адзначае 80-гадовы юбілей. Этапы вялікага шляху юбіляра — праца ў Міністэрстве вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР, ДOME-музеі I з'езда РСДРП, БелНДДАС. У студзені 1991 г. Марыя Карпаўна стала навуковым супрацоўнікам аддзела архівазнаўства БелНДДАС, з красавіка 2010 г. яна — старшы навуковы супрацоўнік. Першым значным плёнам працы М. К. Бобер у інстытуце стаў архіўны даведнік «Документы по истории Беларуси в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Центральном государственном архиве Московской области, Центральном историческом архиве Москвы» (2004), які не страціў сваёй практычнай і навуковай вартасці і да нашых дзён, нягледзячы на імклівае развіццё інфармацыйных тэхналогій. Аснова такой трываласці — адказны падыход да даручанай справы, высокая ступень працавітасці, скрупулёзнае даследаванне праблемы, імкненне ахапіць яе ў максімальнай паўнаце і ва ўсіх нюансах. Новым этапам у навуковай дзейнасці М. К. Бобер стала тытанічная праца ў рамках вялікага праекта па вывучэнні гісторыі органаў дзяржаўнай улады. Артыкулы аўтарства Марыі Карпаўны сталі важнай складовай часткай даведнікаў «Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1965—1991)» (ч. 1—3, 2000), «Органы государственной власти Республики Беларусь (25 августа 1991 г. — 31 декабря 2008 г.)» (т. 1—3, 2019), «Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1944—1964)» (ч. 1—2, 2003), «Органы государственной власти и управления Советской Беларуси. 1917—1920 гг.» (2017), «Органы власти и управления Временного правительства России, германской и польской военных администраций, структур БНР на территории Беларуси (1917—1920 гг.)» (2020). Дзясяткі артыкулаў М. К. Бобер у гэтых выданнях — узор навуковага даследавання, плён шматгадовай працы ў архівах, цудоўнага ведання архіўнага матэрыялу, умения абагульніць яго, вылучыць галоўнае і падаць інфармацыю ў друкаванае выданне ў цікавай і адначасова строгай навуковай форме. Працы М. К. Бобер высока цэняцца не толькі калегамі, супрацоўнікамі БелНДДАС, але і шырокімі навуковымі коламі, зацікаўленымі чытачамі. М. К. Бобер узнагароджана ганаровымі граматамі Дзяржкамархіва (2000), Дэпартаменту па архівах і справаходству (2011). Калегі М. К. Бобер спадзяюцца, што яна яшчэ шмат гадоў будзе ўдзельнічаць у навуковых распрацоўках інстытута, дапамагаць ім у архіўных і бібліятэчных росшуках, раіць у напісанні і афармленні навуковых прац, дапамагаць каштоўнай парадай і ў працы, і ў жыцці.

Супрацоўнікі БелНДДАС

— ◇ —

С. Н. Громыко

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАМАРЫ НИКИТИЧНЫ ЮРЧЕНКО

Время неумолимо движется вперед, и в начале лета 2021 г. исполнилось 80 лет одному из старейших архивистов Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно — Тамаре Никитичне Юрченко.

В жизни каждого человека происходят юбилейные события, дающие оценку как профессиональным качествам и достижениям, так и жизненным вехам.

Пришла Тамара Никитична работать в архив на должность старшего архивариуса в 1959 г. совсем юной. О работе в архиве она уже имела представление из рассказов ее отца и сестры, работавших в филиале ЦГИА БССР в г. Гродно и Государственном архиве Гродненской области. Можно сказать, Тамара Никитична продолжила архивную династию своей семьи.

Со временем она сдает экзамены на заочное отделение Московского государственного историко-архивного института и становится его студенткой. Теоретические основы профессии, получаемые во время учебы в институте, она использовала и совершенствовала в практическом применении на рабочем месте. В этот период и закладывались ее основные профессиональные качества: трудолюбие, скрупулезность и ответственность при выполнении архивных работ.

До 1986 г. Т. Н. Юрченко занимала должности младшего и старшего научного сотрудника отдела научно-справочного аппарата. За достаточно солидный отрезок времени деятельности не перечислить то количество фондов, которое ей довелось обработать и усовершенствовать, количество составленных карточек систематического и именованного каталогов. С 1986 г. до июня 2011 г. Тамара Никитична заведовала отделом учета документов, информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий.

Работая на разных должностях, она накопила знания и опыт, которые стали базой при составлении огромного количества методических пособий, рабочих инструкций, памяток, историко-архивных справок по развитию и совершенствованию научно-справочного аппарата и государственного учета архивных документов.

Тамара Никитична отдала архиву значительный отрезок времени — 57 лет. Мало кто из архивистов может похвастаться таким профессиональным стажем на одном рабочем месте. За многолетний плодотворный труд, добросовестное отношение к своим обязанностям, успехи, достигнутые в развитии архивного дела, Юрченко Тамара Никитична награждена в 2004 г. нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», внесена в справочники «Архивисты Гродненщины» (Гродно, 2004), «Архівісты Беларусі» (Мінск, 2006; 2020).

Бесспорно, стоит отметить не только трудовые заслуги, но и человеческие качества Тамары Никитичны. За более полувека работы в архиве она стала наставником для многих архивистов. На этой стезе проявилось ее искреннее желание и стремление помочь молодым сотрудникам в освоении сложностей архивного дела.

Позволю себе вспомнить, что общение с ней, как с заведующим отделом, учило многому: она щедро делилась своими знаниями и навыками, помогала мне, молодому тогда сотруднику, осваивать азы архивной работы не только ее отдела. Всегда могла подсказать, порекомендовать, как правильно составить тот или иной заголовок дела, документа, каталожной карточки и др. Когда делались первые шаги в направлении автоматизации работы архива, она смело взялась изучать и осваивать соответствующий работе отдела программный модуль архива. Про таких людей говорят, что они работают с огоньком, отдавая делу всего себя, при этом молоды душой, полны оптимизма и всегда готовы к новаторству и инновациям.

Но самое главное ее достоинство — то, что она оптимист по жизни, жизнерадостный человек. Тамара Никитична всегда занимала активную жизненную позицию. Несмотря на житейские невзгоды, она своих коллег поддерживала и до сих пор поддер-

живае в трудную минуту сочувствием, советом либо простым человеческим пониманием, даже находясь на заслуженном отдыхе.

От всей души коллектив Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно поздравляет Тамару Никитичну с юбилеем!

Желаем счастья и здоровья!
Желаем бодрости и сил!
Чтоб каждый день обычной жизни
Вам только радость приносил!

— ♦ —

Г. В. Запарыка

КІСЯЛЁВЫ

*(да 90-годдзя з дня нараджэння Генадзя Васільевіча Кісялёва
і 80-годдзя з дня нараджэння Яніны Міхайлаўны Кісялёвай — беларускіх архівістаў)*

Яны заўсёды і ўсюды былі разам — Генадзь Васільевіч і Яніна Міхайлаўна Кісялёвы: у навуковай працы, у архіўных пошуках, у клопаце пра сям’ю. Доўгі час была знаёма з імі «паасобку». Генадзя Васільевіча ведала як выдатнага вучонага, навуковага супрацоўніка Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы НАН Беларусі і аўтара многіх «праграмных» для архівістаў зборнікаў дакументаў. Яніну Міхайлаўну — як калегу па архіўнай практыцы, супрацоўніцу Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа НАН Беларусі. Усведамленне, што ўяўляць іх адзін без аднаго немагчыма, прыйшло пазней і набыло асаблівую выразнасць з прыходам у 2002 г. у калектыву Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва Яніны Міхайлаўны. З таго часу мы былі сведкамі, як Генадзь Васільевіч штодзень сустракаў Яніну Міхайлаўну з працы. Яны ішлі разам па вуліцах старога Мінска, шпацыравалі да Свіслачы, вярталіся да Рагушы. Шлях гэты мог мяняцца, але нязменнымі пасля працы заставаліся прагулкі ўдвая.

Імя *Генадзя Васільевіча Кісялёва* цвёрда ўвайшло ў гісторыю як імя вучонага-архівіста, які першым «працерабіў» многія архіўныя сцежкі, распрацаваў цяжкадаступныя і працаёмкія дзялянкі. З яго мы і сёння бяром прыклад, вучымся настойлівасці ў пошуках. «Падгледзец у працах Кісялёва» — было і застаецца тым надзейным прыёмам, з якога нараджаецца поспех. Усё намнога прасцей і выразней, калі маеш пад рукой «Пачынальнікаў», «Сейбітаў вечнага», «Пудывінамі Янкі Купалы», «Ад Чачота да Багупшэвіча», «З думай пра Беларусь». Не адмаўляў Генадзь Васільевіч у дапамозе нікому. І быў заўсёды чаканым і сваім у любой архіўнай установе.

Яго жыццё было моцна звязана з архівамі, і быў ён сам як па адукацыі, так і па найвышэйшым прадвызначэнні, выдатным архівістам. Толькі адзін эпізод з гісторыі Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, які многае гаворыць пра вучонага і архівіста Кісялёва. У 2002 г. Генадзь Васільевіч даў згоду ўвайсці ў склад Навуковай рады архіва-музея і з таго часу стаў пастаянным дарадцам у справе падрыхтоўкі архіўных зборнікаў, стварэння навукова-даведчаных выданняў. З вялікім энтузіязмам прыняў ідэю падрыхтоўкі да выдання творчай спадчыны Браніслава Эпімах-Шыпілы. Пастаянна клапаціўся пра напаўненне зборніка, падказваў месцы захоўвання крыніц, прымаў удзел у выпрацоўцы канцэпцыі. Вялікім яго жаданнем было прыцягнуць у зборнік дакументы дзвюх унікальных спраў, якія захоўваюцца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Санкт-Пецярбурга: «Дело студента Б. И. Эпимах-Шыпилло» і «Дело библиотекаря Б. И. Эпимах-Шыпилло». Справа ішла марудна, атрымаць факсімільныя копіі было складана. З некаторых, як нам уяўлялася, самых значных дакумен-

таў, былі зроблены рукапісныя копіі. Але Генадзь Васільевіч, дапускаючы, што ў такім выпадку могуць быць недакладнасці, суб'ектыўзм у адборы крыніц, увесь час настойваў на поўных копіях. І такі выпадак надарыўся. У пачатку 2008 г., дзякуючы спрыянню многіх людзей, у архіве-музеі з'явіліся ксеракопіі гэтых каштоўных для нас крыніц. Першае, што зрабіла, патэлефанавала Генадзю Васільевічу. Папрасіў на нейкі час пагарташ. Была ўпэўнена, што неўзабаве патэлефануе і парайць, якія дакументы і якім чынам размясціць у зборніку. Да майго вялікага здзіўлення, разам з копіямі я атрымала ад яго вялікі ліст, у якім Генадзь Васільевіч выказаў свае захапленні і падрабязна апісаў свой пункт гледжання археаграфічнай апрацоўкі і месца дадзеных спраў у будучым зборніку. Каб я магла тады ведаць ці прадчуваць, што гэта будзе апошні яго ліст, апошняя парада. Ён вельмі чакаў і жадаў убачыць Шыпілаву спадчыну выдадзенай. Яшчэ за пару гадоў да згаданага падзеі напісаў да зборніка грунтоўную прадмову пад назвай «Падзвіжнік нацыянальнага Адраджэння».

Генадзь Васільевіч Кісялёў нарадзіўся 19 сакавіка 1931 г. у г. Каломна Маскоўскай вобласці ў сям'і служачых. Яго дзяцінства, у сувязі з частымі пераходамі бацькі па службе, звязана са многімі мясцінамі: Каломнай, Царыцыным, Рэуравым пад Масквой. У Царыцыне пайшоў у школу. Перад вайной скончыў два класы. У жніўні 1944 г. сям'я пераехала ў Беларусь, на радзіму маці. Жылі ў Лепелі і Віцебску. У 1948 г. Генадзь Васільевіч скончыў сярэдняю школу ў Віцебску і паступіў у Маскоўскі гісторыка-архіўны інстытут. Пасля яго сканчэння ў 1953 г. быў накіраваны на працу ў архіўныя ўстановы Літвы. У 1956—1959 гг. вучыўся ў аспірантуры пры Маскоўскім гісторыка-архіўным інстытуце. Пасля аспірантуры працаваў старшым навуковым супрацоўнікам Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Літоўскай ССР. Варта згадаць, што яшчэ ў школе ў ім абудзілася вялікая цікавасць да гісторыі Беларусі, яе літаратуры і культуры. Пісаць і актыўна друкавацца пачаў з 1958 г. Галоўнымі героямі яго публікацый часцей за ўсё становіліся выдатныя дзеячы беларускай гісторыі: Кастусь Каліноўскі, Францішак Багушэвіч, Ян Чачот, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч і многія іншыя. Нераспрацаваных беларускіх матэрыялаў у гістарычным архіве Літвы і іншых архівах было многа, і менавіта Генадзь Васільевіч вяртаў іх з нябыту, даваў навуковае жыццё невядомым архіўным крыніцам. Яго артыкулы з сенсацыйнымі звесткамі можна прачытаць у часопісах таго часу «История СССР», «Дружба народов», беларускім часопісе «Польша», газеце «Літаратура і мастацтва», зборніку «Славянский архив» і інш. Ужо ў 1963 г., будучы стальым супрацоўнікам гістарычнага архіва Літвы, ён падрыхтаваў і выдаў сваю знакамітую кнігу «Сейбіты вечнага: артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячаў рэвалюцыйнага руху 1863 г.». Вельмі хутка пасля выхаду гэтага зборніка Г. В. Кісялёў быў прыняты ў Саюз пісьменнікаў БССР, абараніў кандыдацкую дысертацыю. Яго праца, скіраваная на даследаванне беларускай гісторыі і дзейнасці яе герояў, мацвала кантакты з акадэмічнымі беларускімі інстытутамі, архівамі. І ён вёў актыўную перапіску з беларускімі калегамі, пра што сведчыць багаты эпістальярый яго архіўнага асабістага фонду, што не так даўно з'явіўся ў Беларуска-літоўскім архіве-музеі літаратуры і мастацтва. Беларуска-літоўская навука ў яго асобе набыла вялікага падзвіжніка, дагледлівага даследчыка. І ў гэты час стала зразумелым, што пераезд у Мінск непазбежны. Так, у 1971 г. Генадзь Васільевіч быў прыняты, а дакладней — запрошаны на працу старшым навуковым супрацоўнікам Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Акадэміі навук Беларусі. У беларускае літаратуразнаўства ён прыйшоў са сваёй тэмай, на той час ужо выдатна ім распрацаванай, тэмай пра беларуска-руска-польскія літаратурныя і рэвалюцыйныя сувязі. Вялікую ўвагу аддаваў вывучэнню жыцця і дзейнасці Кастуса Каліноў-

скага і яго эпохі, упершыню абнародаваў многія факты біяграфіі Я. Купалы, Я. Коласа, В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча (падрыхтаваў змястоўныя зборнікі пра іх), апублікаваў невядомыя дакументы па гісторыі паўстання 1863 г., а яго даследаванні пра аўтарства ананімных паэм «Энеіда навыварат» і «Тарас на Парнасе» адкрылі для беларускай літаратуры новыя імёны. Многія працы Г. В. Кісялёва перакладзены на літоўскую, польскую, рускую і іншыя мовы. У Інстытуце літаратуры імя Янкі Купалы ён працаваў да апошніх дзён жыцця, цалкам аддаўшы ўсяго сябе беларускай навуцы. Генадзь Васільевіч Кісялёў памёр 14 лістапада 2008 г.

Спакойны, стрыманы, нешматслоўны ў жыцці, настойлівы, руплівы, дакладны ў навуцы, ён быў і застанеца ўвасабленнем інтэлігента і інтэлектуала. Яго праца была адзначана многімі ўзнагародамі, а ў 1990 г. Г. В. Кісялёў стаў лаўрэатам Дзяржаўнай прэміі Беларусі імя Якуба Коласа за кнігі «Адшукваецца класік...» і «Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча».

Яніна Міхайлаўна Кісялёва (дзяв. Мажэйка) нарадзілася 21 студзеня 1941 г. у в. Гіры Астравецкага раёна Гродзенскай вобласці. У 1960 г. скончыла сярэдняю школу ў п. Марыямполе Вільноскага раёна Літоўскай ССР. У гэтым жа годзе паступіла на гісторыка-філалагічны факультэт Вільноскага ўніверсітэта па спецыяльнасці «літоўская мова і літаратура». Яшчэ падчас вучобы ўладкавалася на працу старшым лабарантам у Навукова-даследчы інстытут школ Літвы, дзе адпрацавала два гады. У 1966 г. стала супрацоўнікам Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы, спачатку захавальнікам фондаў, пасля навуковым супрацоўнікам. Займалася навукова-тэхнічнай апрацоўкай фамільных архіваў Агінскіх, Радзівілаў, Плятэраў, Тышкевічаў. Праца ў архіве паспрыла і яе асабістаму лёсу, бо менавіта тут яна сустрэлася з вядомым ужо тады гісторыкам і архівістам Генадзем Васільевічам Кісялёвым. У 1972 г. сям'я Кісялёвых пераехала ў Мінск. У 1974 г. Яніна Міхайлаўна ўладкавалася на працу ў аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў Фундаментальнай бібліятэкі АН Беларусі (цяпер Цэнтральная навуковая бібліятэка НАН Беларусі). Працавала рэдактарам, навуковым супрацоўнікам, загадчыкам сектара рукапісаў. Займалася камплектаваннем і навуковай апрацоўкай рукапісных матэрыялаў. Апрацавала асабістыя архівы Я. Брыля, А. Вечара, М. Гарэшкага, Л. Геніюш, М. Грынבלата, А. Грыневіча, Я. Драздовіча, А. Клімовіча, І. Краскоўскага, М. Машары, А. Станкевіча, Я. Шутовіча, калекцыю матэрыялаў па гісторыі, навуцы, культуры і літаратуры і інш. Прымала ўдзел у апрацоўцы асабістых архіваў Ю. Гаўрука, П. Глебкі, У. Дубоўкі, У. Караткевіча, К. Крапівы, акад. І. Краўчанкі, М. Лужаніна, А. Пальчэўскага, Ю. Пшыркова і інш. У 1998 г. па сумяшчальніцтве працавала ў БелНДІДАС. Разам з В. Скалабанам падрыхтавала да друку па рукапісных матэрыялах архіва М. Улашчэка яго кнігі: «Працы па археаграфіі і крыніцазнаўстве гісторыі Беларусі» (1999); «Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі» (1999) і «Краязнаўства» (1999).

Пасля амаль трыццацігадовай працы ў бібліятэцы мела права на заслужаны адпачынак і вырашыла гэтым правам скарыстацца. Але літаральна праз некалькі месяцаў зразумела, што сышоўшы з бібліятэкі, дзе займалася праблемамі асабістых архіваў, не можа ўяўляць сваё жыццё без працы і менавіта без архіўнай працы. А тут зусім блізка ад дома, літаральна на суседняй вуліцы, такая вядомая і такая знаемая ёй і Генадзю Васільевічу архіўная ўстанова — Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Так у чэрвені 2002 г. Яніна Міхайлаўна стала супрацоўнікам архіва-музея. За дванаццаць гадоў працы ў архіве-музеі займала пасады вядучага архівіста аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў, вядучага архівіста і

галоўнага архівіста аддзела ведамасных архіваў, камплектавання і экспертызы каштоўнасці дакументаў, вядучага навуковага супрацоўніка аддзела забеспячэння захаванасці дакументаў. З вялікім поспехам яна спраўлялася са многімі абавязкамі: была рэдактарам і адным са складальнікаў зборнікаў матэрыялаў навуковых канферэнцый, узвышаўскіх чытанняў «Пра час “Узвышша”» (2002, 2005), членам рэдакцыйнай калегіі гэтых выданняў, адным з укладальнікаў матэрыялаў навуковых канферэнцый «Архіўныя чытанні I—III» (2006), прымала ўдзел у падрыхтоўцы выстаўкі «Беларускі Пецярубург», правяла экспертызу каштоўнасці і апрацавала дакументы асабістых архіваў А. Багатырова, Д. Бічэль-Загнетавай, А. Кавалок, Г. Кісялёва, Л. Літвінава, А. Мальдзіса, А. Петрашкевіча, М. Сяднёва, І. Холадавай, Д. Чаркасавай, Ф. Янкоўскага, калекцыю дакументаў музея Тэатра імя Янкі Купалы і інш.

Я. М. Кісялёва з’яўляецца выдатным даследчыкам і публікатарам многіх архіўных крыніц, папулярызатарам архіўнай спадчыны беларускага народа. Яе артыкулы пастаянна змяшчаліся ў перыядычным друку, яна нястомна працавала над пошукам звестак пра многіх дзеячаў і падрыхтавала дзясяткі артыкулаў для энцыклапедычных выданняў. З’яўлялася членам рэдакцыйнай калегіі энцыклапедычнага даведніка «Хто ёсць хто сярод беларусаў свету» (Ч. I. Беларусь і ўраджэнцы Беларусі ў памежных краінах, 2000). Падрыхтавала для гэтага даведніка каля сарака артыкулаў аб беларусах і ўраджэнцах Беларусі ў Літве.

Я. М. Кісялёва дасканала валодае беларускай, польскай, літоўскай мовамі, якія шырока выкарыстоўвала ў сваёй працы. Пераклала з літоўскай мовы шэраг нарысаў і артыкулаў, асобныя аповяданні пісьменнікаў А. Поцоса, Э. Легутэ, з польскай мовы — успаміны М. Маліноўскага.

Праца Я. М. Кісялёвай была адзначана многімі граматамі і падзякамі, а ў 2010 г. яна была ўзнагароджана нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі». З 2014 г. Яніна Міхайлаўна Кісялёва на заслужаным адпачынку. Але і да гэтага часу здараюцца тэлефонныя кансультацыі, парады і так патрэбныя ў архіўнай працы яе ўспаміны-згадкі пра тых, каго яна добра ведала і чые асабістыя архівы становяцца аб’ектамі ўвагі Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва.

—♦—

М. Ф. Шумейка

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КАРЕВА

7 октября 2021 г. ушел из жизни Дмитрий Владимирович Карев, доктор исторических наук, профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, руководитель Гродненского регионального отделения Археографической комиссии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, член редколлегии «Беларускага археаграфічнага штогодніка» (начиная с 4-го выпуска (2003)). В его лице историческая наука Беларуси потеряла одного из лучших своих историографов, владевших глубокими источниковедческими познаниями, опиравшимися в свою очередь на архивно-археографические традиции, приобретенные во время обучения в Московском историко-архивном институте.

Д. В. Карев родился 25 декабря 1949 г. в г. Уфе (Россия). После окончания в 1973 г. факультета архивного дела Московского историко-архивного института работал до 1979 г. научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР (г. Владивосток), одновременно преподавал в местном университете. Переехав в г. Гродно, Дмитрий

Владимирович продолжил свою научно-педагогическую деятельность в качестве преподавателя Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. В декабре 1983 г. им была успешно защищена в Институте истории АН СССР кандидатская диссертация «Академик М. К. Любавский как историк феодальной России», продолжившая цикл работ о выдающихся историках. Несомненной заслугой Д. В. Карева, что в свою очередь сделало его имя широко известным в научных кругах Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины, других стран, стала его инициатива по проведению, начиная с 1990 г., в Гродно регулярных международных научных конференций по проблемам истории и культуры Беларуси, историографии, источниковедения, археографии. По итогам работы этих форумов им составлялись и редактировались материалы под названием «Наш радавод», ставшие широко известными как в нашей стране, так и за ее пределами. Он привлек к участию в конференциях коллег не только из Беларуси, но и из Литвы, Польши, России, Украины, других стран Европы, Северной Америки, сделав эти научные мероприятия своего рода явлением в белорусской историографии. Благодаря им получили путевку в науку многие начинающие исследователи. А маститые ученые на них отработывали и совершенствовали новейшие приемы и методы исторического исследования, которые затем выливались в монографии, научные статьи. В 5-й книге «*Нашага радавода*» (1993) была опубликована и монография самого Дмитрия Владимировича под названием «Белорусская историография конца XVIII — начала XX веков (Политика царизма и формирование исторической науки Беларуси)», ставшая основой докторской диссертации, которую он успешно защитил в Институте истории НАН Беларуси в 1996 г.

Обладая колоссальной энергией, Дмитрий Владимирович принимал активное участие в подготовке научных кадров, руководил работой аспирантов, магистрантов, принимал деятельное участие в работе специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при Белгосуниверситете, Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Он находил время и для руководства созданным им в 1995 г. Западно-белорусским гуманитарным центром исследований Восточной Европы. В 1996 г. им совместно с российскими коллегами был подготовлен к изданию увидевший свет в этом же году труд М. К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века»; в 2007 г. была опубликована авторская монография «Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XIX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев».

Наряду с отечественной историографией Д. В. Карев внес значительный вклад и в историографию архивоведения, археографии и архивного дела Беларуси. Он являлся автором глав «Архивное наследие Великого Княжества Литовского и архивы Беларуси в конце XVIII — начале XX в.», «Собирание, изучение и публикация исторических источников в Беларуси и Литве в конце XVIII — начале XX в.» в коллективной монографии «Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в.—1991 г.)», изданной в 1999 г. под грифом Белорусского НИИ документоведения и архивного дела; им были подготовлены к изданию в 11-м выпуске «Беларускага археографічнага штогодніка» (2010) лекции М. К. Любавского, которые ученый читал на архивных курсах Централрхива России в 1928—1929 гг.

В личной библиотеке пишущего эти строки находятся многие опубликованные работы Дмитрия Владимировича, с дарственными надписями, сделанными его размашистым почерком; в личном архиве хранятся письменные и визуальные источники,

запечатлевшие наше полувековое общение, переросшее в дружбу, начиная со студенческих времен и до ставшей последней встречи, состоявшейся на кафедре источниковедения истфака БГУ весной этого года. Они всегда будут напоминать об этом доброжелательном и общительном человеке, талантливым ученом, заботливым семьянине, верном друге.

М. Ф. Шумейка

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЖУМАРЯ

19 мая 2021 г. не стало Сергея Владимировича Жумаря, видного белорусского историка-архивиста, заместителя директора Белорусского НИИ документоведения и архивного дела, кандидата исторических наук. С его именем связана подготовка многочисленных научных исследований, нормативных правовых актов, методических рекомендаций, справочников по архивоведению и архивному делу Беларуси.

Почти вся сознательная жизнь Сергея Владимировича была связана с архивной отраслью республики, в которую он пришел в 1984 г., с отличием закончив вечернее отделение истфака БГУ им. В. И. Ленина. Проработав в течение 8 лет в качестве практика-архивиста в ведущем архивном учреждении республики — Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства БССР — С. В. Жумарь с созданием отраслевого НИИ документоведения и архивного дела перешел туда в качестве научного сотрудника отдела архивоведения, а через три года возглавил его. Благодаря своим незаурядным способностям исследователя, знанию широкого круга хранящихся в белорусских архивах исторических источников, склонности к аналитической деятельности он сразу же был привлечен к ответственной работе, выполнявшейся институтом — подготовке «Очерков истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.)». Написанные им разделы «Очерков», увидевших свет в 1999 г., отличаются широтой привлеченных источников, их всесторонним анализом, точностью и оригинальностью изложения материала, глубиной мысли.

Не только эта, одна из первых серьезных работ архивоведческого характера, подготовленная С. В. Жумарем, но и другие его исследования как в области архивоведения и архивного дела, так и в сфере историографии, выделяются своей обстоятельностью, надежностью, чего иногда не хватает, к сожалению, современным, особенно начинающим исследователям, стремящимся как можно скорее увидеть опубликованными свои работы, а потому не всегда уделяющим должное внимание их фундированию. В этом смысле Сергей Владимирович являл собой пример настоящего исследователя, пример, достойный для подражания. Он не мог поступать по принципам своего научного ремесла, что порой приводило к задержке с выходом в свет готовившихся им или под его руководством научных работ и, разумеется, вызывало нарекания со стороны руководства института или архивной отрасли. Однако в результате из-под его пера (клавиатуры компьютера) выходил качественный продукт, удовлетворявший самые взыскательные требования пользователей. Это относится ко всем без исключения работам Сергея Владимировича, неполный перечень которых представлен в приставленной биб-

лиографии, помещенной в обоих выпусках им же готовившегося биобиблиографического справочника «Архівісты Беларусі»*. Здесь мы не будем воспроизводить эту информацию, отсылая заинтересующихся читателей «Беларускага археаграфічнага штогодніка» к этим изданиям.

Заметим, что С. В. Жумарь был активнейшим автором археографического ежегодника, начиная с первого выпуска (2000), в котором помещена его обстоятельная статья «Публикация архивных справочников в Белоруссии в 1990-х годах». В следующем году он стал членом его редколлегии, всегда высказывавшим дельные замечания и соображения, способствовавшие повышению научного уровня издания. Возвращаясь к его дебюту в археографическом ежегоднике, отметим, что он самым выгодным образом отличался от подобного рода аналогичных работ других авторов, носивших, как правило, обзорно-информационный характер с ярко выраженным позитивным моментом. Сергей Владимирович поднимает в статье важные научные проблемы, среди которых — несоответствие путеводителей по фондам архивов требованиям современной информационной методологии, субъективное толкование значимости документов, принципы систематизации и аннотирования кинофотофонодокументов и др.

Сегодня, когда особенно актуализировались вопросы взаимодействия архивов, музеев, библиотек как хранилищ социальной памяти человечества, представляется крайне важным его довольно критический анализ изданного в 1995 г. справочника «Документы Национального архивного фонда Республики Беларусь в Национальной библиотеке и музеях системы Министерства культуры и печати Республики Беларусь». Подготовленный работниками Госкомархива на основе статистических сведений и аннотаций, представленных соответствующими организациями, справочник, по мнению автора статьи, лишь в незначительной части способен удовлетворить интерес пользователей. Причина этого состоит в том, что «работники соответствующих учреждений культуры в массе своей довольно прохладно отнеслись к идее его издания». Таким образом, С. В. Жумарь обращает внимание на продолжающую сохранять свою актуальность проблему взаимодействия родственных учреждений в деле собирания, сохранения и использования документальных материалов, т. е. ту проблему, в решении которой было сломано немало копий за 100 лет существования государственной архивной службы республики.

Завершая статью и футуристически заглядывая в будущее, Сергей Владимирович утверждал, что начало XXI века будет знаменовать как повышением качества создаваемых справочников при уменьшении их количества, так и распространением их электронных вариантов, баз данных и других форм. Минувшее же десятилетие, по его мнению, стало «периодом определенного раскрепощения, осознания собственного научного потенциала и возможностей, периодом накопления опыта и «свободного творчества», поиска оптимальных форм и неудовлетворенности стереотипами, общего движения от ученичества к профессионализму». Какая точная и емкая характеристика начала пути коллег-архивистов в суверенной Республике Беларусь и насколько подтверждаются высказанные им два десятилетия тому назад перспективы его продолжения и развития!

* Архівісты Беларусі: Біябібліягр. давед. / склад.: С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДЦДАС, 2006. — С. 105—107; Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік / склад.: С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДЦДАС, 2020. — С. 121—123.

Во 2-м выпуске БАШ (2001) была опубликована статья С. В. Жумаря «Архив Института истории Национальной академии наук Беларуси», которая открывала цикл его публикаций в журнале «Архівы і справаводства» о ведомственных архивах и отраслевых фондах, оформленных затем автором в книгу «Ведомственные архивы и отраслевые фонды Республики Беларусь» (Минск: БелНИИДАД, 2005, 152 с.). В трех первых разделах книги автор познакомил читателей с архивами малодоступных министерств обороны, внутренних дел, иностранных дел, КГБ, а также с архивами Национальной академии наук; в четвертом — с отраслевыми фондами (государственными картографо-геодезическим — с данными о состоянии окружающей среды и ее загрязнении, геологическим фондами, Национальным фондом стандартов); в пятом — с архивами органов ЗАГС и в шестом — с архивом Национальной книжной палаты. Эта работа Сергея Владимировича была с интересом встречена не только профессионалами-архивистами, но и широким кругом читателей, поскольку в определенной степени затрагивала «запретную сферу».

Научному творчеству и административной деятельности С. В. Жумаря был присущ явно выраженный демократизм, который проявлялся даже чисто внешне, в манере выступлений, с его традиционными обращениями «коллега имярек». Занимая должность заместителя директора института, Сергей Владимирович не чурался технической работы: когда бы посетитель ни заглядывал в кабинет отдела архивоведения на первом этаже, он всегда видел его за клавиатурой компьютера, а рядом — неизменная чашка с чаем. Он умел работать в команде, был ее душой, движущей силой, однако, если того требовали обстоятельства, мог стать и одним из ее членов, не считаясь с занимаемым в институте руководящим положением.

Сергей Владимирович щедро делился идеями, которых у него было более чем достаточно, со своими коллегами, подчиненными, не уподобляясь, как писал еще в первой четверти XIX в. профессор Виленского университета Ж. Онацевич по поводу владельца Щорсовской библиотеки Адама Хрептовича, «тем мнимым знатокам, которые подобно стражам Гесперидских садов, укрывают перед любителями редкие вещи, вмняя себе в честь предавать оные ислению в своих неприступных шкафах»*. Его шкафы, заполненные книжными новинками, ксерокопиями архивных документов, собственноручными выписками, были доступны для всех. В личном архиве пишущего эти строки находится немало подобного рода копий документов с оставленными рукой Сергея Владимировича следами в виде обозначения легенд или дописок текстов. Все это — результат совместной деятельности по подготовке коллективных монографий, статей, сборников документов. На многих из них имеются пометы, замечания, предложения, соображения, свидетельствующие о работе его мысли. Нет сомнений в том, что со временем эти документы, равно как и все научное наследие С. В. Жумаря, станут объектом пристального внимания молодых пытливых исследователей, которых воспитывал Сергей Владимирович и которые продолжают его дело, занимаясь изучением архивоведения, истории архивного дела, историографии. И это будет достойным памятником ему, белорусскому историку-архивисту, археографу, историографу.

—◇—

* Цит. по: Эрнст, Н. Л. Библиотека графов Хрептовичей: (К передаче ее Университету св. Владимира) //Русский библиофил. — 1914. — № 6. — С. 20.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ НИКОЛАЕВНЫ ЦАРЁВОЙ

11 августа 2020 г. скоропостижно скончалась заместитель директора — главный хранитель фондов учреждения «Государственный архив Могилевской области» Наталья Николаевна Царёва.

Наталья Николаевна родилась 9 ноября 1977 г. в д. Михлин Чериковского района Могилевской области.

Окончила Соколовскую среднюю школу Чериковского района с серебряной медалью (1994), Могилевский химико-технологический техникум по специальности «производство изделий и покрытий из полимерных материалов» (1997).

Как отмечала сама Наталья Николаевна в автобиографии при трудоустройстве на работу в архив, в июне 2001 г. она уже поступила на исторический факультет Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова.

В первые годы работы на новом месте пришлось сменить ряд должностей в отделе ведомственных архивов (на неполном хозрасчете), отделе комплектования НАФ, отделе по упорядочению документов и даже несколько месяцев трудиться техником.

Но после окончания заочно исторического факультета Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова летом 2007 г. директор архива, Михаил Яковлевич Трухачёв, выдвинул молодого специалиста на должность главного хранителя фондов архива.

Спустя год, в ходе изменений в штатном расписании архива, ее прежняя должность стала «добавочной» к еще более значимой, — заместитель директора — главный хранитель фондов.

Одной из первых ответственных и значимых задач на новой высокой должности была организация работы сотрудников архива над подготовкой путеводителя по фондам архива. Работа над ним завершилась в 2012 г. публикацией «Путеводитель по фондам государственного архива Могилевской области» (Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2012). Наталья Николаевна вошла в состав редколлегии.

Также при ее активном участии была написана первая история архива, которая была издана в виде брошюры к 70-летию архива в 2008 г.

Около 10 лет Наталья Николаевна была председателем экспертно-методической комиссии учреждения «Государственный архив Могилевской области».

Кроме многочисленной внутриархивной работы, Наталья Николаевна долгие годы была членом экспертно-проверочной комиссии отдела по архивам, делопроизводству и юридической экспертизе Главного управления юстиции Могилевского облисполкома, инспектором Государственной инспекции архивов и делопроизводства Республики Беларусь (Госархивнадзора).

А еще она была на удивление мудрым, чутким человеком, всегда готовым прийти на помощь, невзирая на должности работников.

Заслуженными оценками труда Натальи Николаевны стали Благодарственное письмо (2013) и Почетная грамота (2018) Могилевского городского исполнительного комитета.

РЭЗІЮМЭ

Жумар Сяргей Уладзіміравіч. Фотадакументы канца XIX — пачатку XX ст. Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў (да 80-годдзя архіва).

У артыкуле разгледжана калекцыя фотадакументаў канца XIX — пачатку XX ст. (да 1917 г.) Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў, якая налічвае больш за 3000 адзнак захоўвання. Вылучаны групы фотадакументаў: панарамныя фота, архітэктурныя пейзажы, аб'ектныя фота, дакументальныя фота, партрэтныя фота і групы фатаграфій, звязаных адзіным сюжэтам, месцам дзеяння.

Петух Юрый Мікалаевіч. Дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь аб мерапрыемствах у сельскай гаспадарцы Савецкай Беларусі ў 1920-я гг. (да 100-годдзя новай эканамічнай палітыкі).

Артыкул прымеркаваны да стагоддзя з дня абвяшчэння новай эканамічнай палітыкі. У ім даецца кароткая характарыстыка новаўвядзенняў у галіне сельскай гаспадаркі, ажыццёўленых на тэрыторыі Беларусі ў гады НЭП, праводзяцца кароткі разгляд сучаснай гістарыяграфіі пытання і аналіз асноўных фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, якія змяшчаюць матэрыялы аб развіцці сельскай гаспадаркі рэспублікі і аб зменах у гэтай сферы, што адбыліся ў разгляданы перыяд гісторыі. Таксама ў артыкуле даецца характарыстыка некаторым асноўным дакументам, прынятым з мэтай пераходу сельскай гаспадаркі БССР ад надзвычайных мер «васнага камунізму» да новай эканамічнай палітыкі.

Дрожжа Людміла Чаславаўна, Брычкоўскі Вячаслаў Іванавіч, Празаровіч Юрый Эдуардавіч. Актуальныя напрамкі прымянення сучасных праграмных сродкаў для захоўвання і выкарыстання калекцый лічбавых копіі архіўных дакументаў.

У артыкуле прааналізаваны сучасныя інфармацыйныя рэсурсы з ужываннем праграмных сродкаў з адкрытым зыходным кодам для арганізацыі захоўвання і выкарыстання лічбавых копіі калекцый і архіўных апісанняў дакументаў дзяржаўных архіўных устаноў Рэспублікі Беларусь.

Прапанаваныя праграмныя сродкі накіраваны на ўдасканаленне сістэмы прадстаўлення інфармацыйных паслуг у электронным выглядзе і спрашчэнне працэдур доступу патэнцыяльных карыстальнікаў да калекцый лічбавых копіі і апісанняў архіўных дакументаў; іх эфектыўную інтэграцыю з дзеючымі архіўнымі інфармацыйнымі сістэмамі; папулярызаванне рэсурсаў дзяржаўных архіваў сярод даступнага кола грамадскасці.

Дрожжа Людміла Чаславаўна, Празаровіч Юрый Эдуардавіч, Мяцеліца Кірыл Ігаравіч. Рэпрэзентацыя архіўных дакументаў праз інтэрнэт-выстаўкі.

У артыкуле падкрэсліваецца, што на сучасным этапе аічынныя дзяржаўныя архіўныя ўстановы прытрымліваюцца розных палыходаў да арганізацыі інтэрнэт-выставак. У электронных экспазіцыях могуць быць прадстаўлены як копіі асобных архіўных дакументаў, так і цэлыя калекцыі лічбаваных дакументаў і фондаў. Асноўнай мэтай праведзенага навуковага даследавання з'яўляецца павышэнне якасці рэпрэзентацыі дакументаў дзяржаўных архіўных устаноў Рэспублікі Беларусь з дапамогай інтэрнэт-выставак, а таксама сучасных форм зваротнай сувязі паміж дзяржаўнымі архівамі, зацікаўленымі спецыялістамі і шырокім колам грамадскасці.

Аналіз міжнароднай і аічыннай практыкі стварэння і вядзення інтэрнэт-выставак вызначыў шэраг абставін, якія перашкаджаюць паспяховай рэалізацыі такога кіталту праектаў аічыннымі архіўнымі ўстановамі. Адзначаныя праблемы магчыма ўмоўна

падзяліць на дзве групы: аб'ектыўныя (абмежаваная матэрыяльна-тэхнічная база, запозненая інфарматызацыя галіны, адсутнасць кваліфікаваных IT-спецыялістаў) і суб'ектыўныя (фармальны падыход, традыцыйная зачыненасць архіваў для грамадства, інэрцыя архіўнага асроддзя). З улікам вышэйадзначанага аўтарамі даследавання распрацаваны метадычныя рэкамендацыі па стварэнні і выкарыстанні інтэрнэт-выставак у якасці сродкаў рэпрэзентацыі дакументаў дзяржаўных архіўных устаноў Рэспублікі Беларусь.

Іванова Вольга Сяргеёўна. Эвалюцыя тэарэтычных і прававых прынцыпаў доступу да архіваў.

Развіццё грамадства ў апошнія дзесяцігоддзі, а таксама працэсы інфарматызацыі, глабалізацыі і антрапалагізацыі істотна ўздзейнічаюць і на паняцце доступу да архіваў. У артыкуле вызначаюцца асноўныя этапы эвалюцыі падыходаў доступу да архіваў, разглядаюцца асаблівасці савецкай архіўнай сістэмы ў гэтым кірунку, трансфармацыйны этап архіўных рэформ 1990-х гг. у постсавецкіх краінах. Дасяда характарыстыка сучасных тэарэтычных і прававых падыходаў доступу да архіваў і аналіз дзеючага беларускага заканадаўства ў гэтым кірунку.

Грунтоў Сяргей Уладзіміравіч. Пахавальныя фотаздымкі як крыніца для вывучэння мемарыяльных традыцый беларусаў.

Артыкул разглядае патэнцыял пахавальных фотаздымкаў як крыніцы для вывучэння народных традыцый (у першую чаргу пахавальнай абраднасці) і сацыяльнай гісторыі беларусаў. На прыкладах асобных фотаздымкаў паказваецца, якую інфармацыю магчыма атрымаць пра гісторыю сям'і і лакальнай супольнасці, ролю царквы ў грамадстве і развіццё працэсаў секулярызацыі, шляхі ўзаемапранікнення вясковай і гарадской культуры ў Беларусі ХХ ст. Робіцца агляд таго, якую дадатковую інфармацыю могуць даць пахавальныя фотаздымкі пра матэрыяльныя аспекты пахавальнай абраднасці ў беларусаў. Асобная ўвага нададзена каштоўнасці пахавальных фотаздымкаў для вывучэння беларускіх могілак. Яны захоўваюць інфармацыю пра формы і спосабы дагляду за магіламі, віды надмагільных помнікаў і агароджаў, якія дрэнна захаваліся да нашага часу.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Аб ролі і першачарговай значнасці лагічнай функцыі тэарэтычных канструктаў пры фарміраванні тэарэтычных і агульнатэарэтычных ведаў у дакументальна-інфармацыйных навуках.

Раскрываецца першасная роля канструктаў у фарміраванні тэарэтычных і агульнатэарэтычных ведаў у дакументальна-інфармацыйных навуках. На прыкладзе тэарэтычных мадэляў тэорыі кіравання дакументацыяй паказана зрастанне лагічнай функцыі (устараненне супярэчнасцей і несуразмернасцей) па меры павелічэння ступені абагульнення ведаў у сістэмах тэарэтычных ведаў.

Елізараў Сяргей Аляксандравіч. Выканкамы мясцовых Саветаў БССР 1943—1945 гг.: арганізацыйная структура.

Артыкул прысвечаны выяўленню дынамікі змяненняў структуры выканкамаў мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных Беларускай ССР у 1943—1945 гг. Адзначаецца, што ў гэты перыяд пры захаванні ў асноўным ранейшай структуры мясцовых выканкамаў ствараліся новыя ўпраўленні і аддзелы як сродка для вырашэння задач, выкліканых вайной, і аднаўлення эканомікі і сацыяльнай сферы (дзяржаўнае забеспячэнне сем'яў вайскоўцаў і партызан, рэпатрыяцыя грамадзян СССР, мабілізацыя працоўнай сілы, аднаўленне гарадскіх і сельскіх населеных пунктаў і да т. п.). Гэтыя меры

адпавядалі ўяўленню партыйна-савецкага кіраўніцтва аб арганізацыйным фактары як абавязковым і эфектыўным сродку паспяховай рэалізацыі партыйна-дзяржаўных дырэктыў. Захоўвалася высокая ступень драбнення апаратаў выканкамаў мясцовых Саветаў, іх вузкая спецыялізацыя з мэтай ажыццяўлення пастаяннага і ўсеабадымнага кантролю за станам спраў у сферы іх дзейнасці.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч, Краснажонава Алена Яўгенаўна. Аператыўныя зводкі Паўночна-Заходняй групы пры ЦК КП(б)У з 1942 г. як гістарычная крыніца.

Працэс цэнтралізацыі партызанскага руху на акупаванай тэрыторыі БССР пачаўся вясной 1942 г. і звязаны з дзейнасцю Паўночна-Заходняй групы пры ЦК КП(б)У і СНК БССР. Гэта група займалася падрыхтоўкай і адпраўкай кваліфікаваных кадраў (інструктараў, арганізатараў, дыверсантаў, друкароў), узбраення, медыкаментаў у партызанскія атрады Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай абласцей. Група адыграла вялікую ролю ва ўмацаванні партызанскага руху на пазначаных тэрыторыях, а многія яе кіраўнікі і супрацоўнікі затым увайшлі ў склад Беларускага штаба партызанскага руху. У артыкуле разглядаюцца справаздачныя дакументы Паўночна-Заходняй групы — аператыўныя зводкі — адна з найважнейшых крыніц па гісторыі партызанскага руху — за сакавік—верасень 1942 г.

Кудрышкі Аляксей Сяргеевіч. Крыніцы па выяўленні біяграфій добраахвотнікаў інтэрбрыгад Рэспубліканскай арміі Іспаніі.

Выяўленне біяграфій добраахвотнікаў інтэрбрыгад Рэспубліканскай арміі Іспаніі з'яўляецца важнай часткай даследавання ўдзелу замежнікаў у вайне. Матэрыялы архіўных збораў Расіі, Іспаніі, Польшчы, Беларусі з'яўляюцца каштоўнымі крыніцамі біяграфічнай інфармацыі пра беларускіх добраахвотнікаў інтэрнацыянальных брыгад і дазваляюць раскрыць яе з перспектывы як саміх добраахвотнікаў, так і камандавання, і служб інтэрнацыянальных брыгад, паліцэйскіх камендатур, партыйных камітэтаў, сваякоў добраахвотнікаў і г. д. Праца з гэтымі крыніцамі прадугледжвае вырашэнне шэрагу праблем з-за выкарыстання добраахвотнікамі псеўданімаў і легенд, якія скажаюць біяграфічныя звесткі ў дакументах.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Нарматыўнае рэгуляванне арганізацыі дзейнасці органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскімі веравызнаннямі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.

У артыкуле разглядаюцца арганізацыйныя аспекты дзейнасці кансісторый хрысціянскіх канфесій на падставе нарматыўных дакументаў Расійскай імперыі. Аўтарам вылучаны пяць асноўных напрамкаў рэгламентацыі: вызначэнне юрысдыкцыі, функцый і штатаў кансісторый, іх фінансавання і арганізацыі справаводства і архіваў. Пры гэтым прасочваецца залежнасць адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення ад рэалізацыі інтарсаў унутранай палітыкі, а астатнія напрамкі ўніфікаваліся па аналогіі з праваслаўнай царквой. Аднак, калі для апошняй яны вызначаліся Сінодам і толькі адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне нарматыўнымі актамі імперыі, то для інаслаўных канфесій — органамі дзяржаўнай улады, у сферу паўнамоцтваў якіх яны ўваходзілі. Адпаведна на падставе змен у нарматыўным рэгуляванні дзейнасці кансісторый хрысціянскіх канфесій можна вылучыць тры агульныя перыяды: 1772—1841 гг.; 1841—1883 гг.; 1883—1918 гг.

Корбут Кірыл Мікалаевіч. Цэрквы г. Навагрудка XVII—XVIII стст. у святле матэрыялаў генеральных візітацый.

Артыкул прысвечаны даследаванню генеральных візітацый грэка-каталіцкіх цэркваў г. Навагрудка за перыяд XVII—XVIII стст. Прыведзены параўнальны аналіз візітаў розных гадоў, а менавіта 1680—1682, 1754, 1765 і 1798 гг. У артыкуле ўпершыню даецца апісанне і публікуюцца візіты цэркваў г. Навагрудка за 1765 г. Дадзеныя візіты захоўваюцца ў Музеі старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Візіты ўяўляюць сабой падрабязнае апісанне трох парафіяльных цэркваў Навагрудка, што дае магчымасць прымяніць атрыманыя вынікі ў даследаваннях, прысвечаных вывучэнню фарміравання культурнай ідэнтычнасці грэка-каталіцкай царквы.

Насевіч Вячаслаў Леанідавіч, Азаронак Васіль Васільевіч. Раннія крыніцы па гісторыі Лепеля. Частка 1. Да сярэдзіны XVI ст.

Прыводзіцца агляд звестак аб ранняй гісторыі Лепеля, якія захаваліся пераважна ў фондзе Віленскага рымска-каталіцкага капітула (фонд 43 Аддзела рукапісаў Бібліятэкі АН Літвы), а таксама ў дакументах Літоўскай метрыкі, актавых кнігах судовых органаў ВКЛ і іншых крыніцах. Аналізуюцца паўната і дакладнасць ранейшых публікацый, у якіх часткова прыводзіліся гэтыя звесткі. У некаторых выпадках уносяцца істотныя ўдакладненні.

Абгрунтоўваюцца недакладнасць даты першага ўпамінення Лепеля ў 1439 г., распаўсюджанай у папулярных выданнях. Першай надзейнай датай упамінення Лепеля трэба лічыць 1 жніўня 1503 г., хаця паселішча безумоўна існавала ў XV ст. Папярэджаннем раней выказаная думка, што першыя ўпамінанні адносяцца да паселішча, якое існавала паблізу сучаснай вёскі Стары Лепель, на паўвостраве Лепельскага возера. З моманту першага ўпамінення гэта паселішча належала Віцебскаму касцёлу Св. Троіцы. Першае ўпамінанне заснаванага там мястэчка датуецца 1545 г. Удакладняецца дата пераходу Лепельскай воласці ва ўласнасць Віленскага капітула ў 1561 г.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. «... Пакуль ёсць магчымасць, буду працаваць у Мінску»: *Лісты І. І. Замойца Я. Ф. Карскаму 1926—1930 гг. (да 100-годдзя адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта).*

Артыкул уводзіць у навуковы абарот 5 лістоў І. Замойца Я. Карскаму 1926—1930 гг., у якіх асвятляецца навуковая дзейнасць І. Замойца, дзейнасць навуковых устаноў у Беларусі ў гэты перыяд.

Дзярновіч Кацярына Пятроўна. Прывілей Аўгуста Другога 1720 г. малой канцэлярыі Вялікага Княства Літоўскага.

Публікуецца копія прывілея Аўгуста Другога, выдадзенага малой канцэлярыі Вялікага Княства Літоўскага. Прывілей вызваляў камяніцу Шашкевіча па вуліцы Нямецкай у Вільні, дзе размяшчалася канцэлярыя малой пчаткі, ад знаходжання ў ёй суддзяў Галоўнага Літоўскага Трыбунала.

Пазднякоў Валерый Сямёнавіч. Берасцейская семінарыя і Пётр Аркудзіі (*дакументы 1598—1621 гг.*).

Артыкул асвятляе першыя гады дзейнасці ў Беларусі Пятра Аркудзія (каля 1563—1633) і заснаванне Берасцейскай семінарыі (1598).

РЕЗЮМЕ

Жумарь Сергей Владимирович. Фотодокументы конца XIX — начала XX в. Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (*к 80-летию архива*).

В статье рассмотрена коллекция фотодокументов конца XIX — начала XX в. (до 1917 г.) Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, которая насчитывает более 3000 единиц хранения. Выделены группы фотодокументов: панорамные фото, архитектурные пейзажи, объектные фото, документальные фото, портретные фото и группы фотографий, связанных единым сюжетом, местом действия.

Петух Юрий Николаевич. Документы Национального архива Республики Беларусь о мероприятиях в сельском хозяйстве Советской Беларуси в 1920-е гг. (*к 100-летию новой экономической политики*).

Статья приурочена к столетию со дня провозглашения новой экономической политики. В ней дается краткая характеристика нововведений в области сельского хозяйства, осуществленных на территории Беларуси в годы НЭП, проводятся краткое рассмотрение современной историографии вопроса и анализ основных фондов Национального архива Республики Беларусь, содержащих материалы о развитии сельского хозяйства республики и об изменениях в данной сфере, произошедших в рассматриваемый период истории. Также в статье дается характеристика некоторым ключевым документам, принятым с целью перехода сельского хозяйства БССР от чрезвычайных мер «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Дрожжа Людмила Чеславовна, Бричковский Вячеслав Иванович, Прозорович Юрий Эдуардович. Актуальные направления применения современных программных средств для хранения и использования коллекций цифровых копий архивных документов.

В статье проанализированы современные информационные ресурсы с применением программных средств с открытым исходным кодом для организации хранения и использования коллекций цифровых копий и описаний архивных документов государственных архивных учреждений Республики Беларусь.

Предлагаемые программные средства направлены на совершенствование системы предоставления информационных услуг в электронном виде и упрощение процедур доступа потенциальных пользователей к коллекциям цифровых копий и описаний архивных документов; их эффективную интеграцию с действующими архивными информационными системами; популяризацию ресурсов государственных архивов среди исследователей и широкого круга общественности.

Дрожжа Людмила Чеславовна, Прозорович Юрий Эдуардович, Метелица Кирилл Игоревич. Репрезентация архивных документов посредством интернет-выставок.

В статье подчеркивается, что на современном этапе отечественные государственные архивные учреждения придерживаются различных подходов к организации интернет-выставок. В электронных экспозициях могут быть представлены как копии отдельных архивных документов, так и целые коллекции оцифрованных документов и фондов. Основной целью проведенного научного исследования является повышение качества репрезентации документов государственных архивных учреждений Республики Беларусь посредством интернет-выставок, а также современных форм обратной связи между государственными архивами, заинтересованными специалистами и широким кругом общественности.

Анализ международной и отечественной практики создания и ведения интернет-выставок определил ряд обстоятельств, которые препятствуют успешной реализации такого рода проектов отечественными архивными учреждениями. Отмеченные проблемы можно условно разделить на две группы: объективные (ограниченная материально-техническая база, запоздалая информатизация отрасли, отсутствие квалифицированных IT-специалистов) и субъективные (формальный подход, традиционная закрытость архивов для общества, инерция архивной среды). С учетом вышеизложенного авторами исследования разработаны методические рекомендации по созданию и использованию интернет-выставок в качестве средств репрезентации документов государственных архивных учреждений Республики Беларусь.

Иванова Ольга Сергеевна. Эволюция теоретических и правовых принципов доступа к архивам.

Развитие общества в последние десятилетия, а также процессы информатизации, глобализации и антропологизации оказывают существенное влияние на концепцию доступа к архивам. В статье определены основные этапы эволюции подходов доступа к архивам, рассмотрены особенности советской архивной системы в этом направлении, трансформационный этап архивных реформ 1990-х гг. в постсоветских странах. Дана характеристика современных теоретических и правовых подходов доступа к архивам и анализ действующего белорусского законодательства в этом направлении.

Грунтов Сергей Владимирович. Похоронные фотографии как источник для изучения мемориальных традиций белорусов.

Статья рассматривает потенциал похоронных фотографий как источника для изучения народных традиций (преимущественно похоронной обрядности) и социальной истории белорусов. На примере отдельных фотографий показывается, какую информацию возможно получить по истории семьи и локального сообщества, роли церкви в обществе и развитии процессов секуляризации, путей взаимопроникновения деревенской и городской культуры в Беларуси XX в. Делается обзор того, какую дополнительную информацию могут дать похоронные фотографии о материальных аспектах похоронной обрядности белорусов. Отдельное внимание посвящено ценности похоронных фотографий для изучения белорусских кладбищ. Они сохраняют информацию про формы и способы ухода за могилами, виды надгробных памятников и оград, которые плохо сохранились до нашего времени.

Нестерович Юрий Владимирович. О роли и первостепенной значимости логической функции теоретических конструктов при формировании теоретических и общетеоретических знаний в документально-информационных науках.

Раскрывается первостепенная роль конструктов в формировании теоретических и общетеоретических знаний в документально-информационных дисциплинах. На примере теоретических моделей теории управления документацией показано возрастание логической функции (устранение противоречий и несообразностей) по мере увеличения степени обобщения знаний в системах теоретических знаний.

Елизаров Сергей Александрович. Исполкомы местных Советов БССР 1943—1945 гг.: организационная структура.

Статья посвящена выявлению динамики изменений структуры исполкомов местных Советов депутатов трудящихся Белорусской ССР в 1943—1945 гг. Отмечается, что в этот период при сохранении в основном прежней структуры местных исполкомов создавались новые управления и отделы как средство для решения задач, порожденных

войной, и восстановления экономики и социальной сферы (государственное обеспечение семей военнослужащих и партизан, репатриация граждан СССР, мобилизация рабочей силы, восстановление городских и сельских населенных пунктов и т. п.). Эти меры соответствовали представлениям партийно-советского руководства об организационном факторе как обязательном и эффективном средстве успешной реализации партийно-государственных директив. Сохранялась высокая степень дробления аппаратов исполкомов местных Советов, их узкая специализация с целью осуществления постоянного и всеобъемлющего контроля за состоянием дел в сфере их деятельности.

Кулинок Святослав Валентинович, Красноженова Елена Евгеньевна. Оперативные сводки Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б в 1942 г. как исторический источник.

Процесс централизации партизанского движения на оккупированной территории БССР начался весной 1942 г. и связан с деятельностью Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б и СНК БССР. Эта группа занималась подготовкой и отправкой квалифицированных кадров (инструкторов, организаторов, диверсантов, печатников), вооружения, медикаментов в партизанские отряды Витебской, Минской и Могилевской областей. Группа сыграла большую роль в укреплении партизанского движения на обозначенных территориях, а многие ее руководители и сотрудники затем вошли в состав Белорусского штаба партизанского движения. В статье рассматриваются отчетные документы Северо-Западной группы — оперативные сводки — один из важнейших источников по истории партизанского движения — за март — сентябрь 1942 г.

Кудрицкий Алексей Сергеевич. Источники по установлению биографий добровольцев интербригад Республиканской армии Испании.

Установление биографий добровольцев интербригад Республиканской армии Испании является важной частью исследования иностранного участия в войне. Материалы архивных собраний России, Испании, Польши, Беларуси являются ценными источниками биографической информации о белорусских добровольцах интернациональных бригад и позволяют раскрыть ее с перспективы как самих добровольцев, так и командования, и служб интернациональных бригад, полицейских комендатур, партийных комитетов, родственников добровольцев и т. д. Работа с этими источниками предполагает решение ряда проблем из-за использования добровольцами псевдонимов и легенд, которые искажают биографические сведения в документах.

Антонович Зинаида Васильевна. Нормативное регулирование организации деятельности органов епархиального управления христианских конфессий в конце XVIII — начале XX в.

В статье исследуются организационные аспекты деятельности консисторий христианских конфессий на основе нормативных актов Российской империи. Автор выделил пять основных направлений регулирования: определение юрисдикции, функций и состава консисторий, их финансирование и организация делопроизводства и архивов. При этом прослеживается зависимость административно-территориального деления от реализации интересов внутренней политики, а остальные направления были унифицированы по аналогии с православной церковью. Однако, если для последней они определялись Синодом и только административно-территориальное деление нормативными актами империи, то для неправославных конфессий — органами государственной власти, в ведении которых они находились. Соответственно на основании изменений в нор-

мативном регулировании деятельности консисторий христианских конфессий можно выделить три основных периода: 1772—1841 гг.; 1841—1883 гг.; 1883—1918 гг.

Корбут Кирилл Николаевич. Церкви г. Новогрудка XVII—XVIII вв. в свете материалов генеральных визитаций.

Статья посвящена исследованию генеральных визитаций греко-католических церквей г. Новогрудка за период XVII—XVIII вв. Приведен сравнительный анализ визит разных лет, а именно 1680—1682, 1754, 1765 и 1798 гг. В статье впервые дается описание и публикуются визиты церквей г. Новогрудка за 1765 г. Данные визиты хранятся в Музее древнебелорусской культуры Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Визиты представляют собой подробное описание трех приходских церквей Новогрудка, что дает возможность применить полученные результаты в исследованиях, посвященных изучению формирования культурной идентичности греко-католической церкви.

Носевич Вячеслав Леонидович, Азоронок Василий Васильевич. Ранние источники по истории Лепеля. Часть 1. До середины XVI в.

Приводится обзор сведений о ранней истории Лепеля, сохранившихся преимущественно в фонде Виленского римско-католического капитула (фонд 43 Отдела рукописей Библиотеки АН Литвы), а также в документах Литовской метрики, актовых книгах судебных органов ВКЛ и других источниках. Анализируются полнота и точность прежних публикаций, в которых частично приводились эти сведения. В некоторых случаях вносятся существенные уточнения.

Обосновывается недостоверность даты первого упоминания Лепеля в 1439 г., распространенной в популярных изданиях. Первой надежной датой упоминания Лепеля следует считать 1 августа 1503 г., хотя поселение несомненно существовало в XV в. Подтверждается ранее высказывавшееся мнение, что первые упоминания относятся к поселению, существовавшему поблизости современной деревни Старый Лепель, на полуострове Лепельского озера. С момента первого упоминания это поселение принадлежало Витебскому костелу Св. Троицы. Первое упоминание основанного там местечка датируется 1545 г. Уточняется дата перехода Лепельской волости в собственность Виленского капитула в 1561 г.

Шумейко Михаил Федорович. «... Пока есть возможность, буду работать в Минске»: *Письма И. И. Замотина Е. Ф. Карскому 1926—1930 гг. (к 100-летию открытия Белорусского государственного университета).*

Статья вводит в научный оборот 5 писем И. Замотина Е. Карскому 1926—1930 гг., в которых освещается научная деятельность И. Замотина, деятельность научных учреждений в Беларуси в этот период.

Дернович Екатерина Петровна. Привилей Августа Второго 1720 г. меньшей канцелярии Великого Княжества Литовского.

Публикуется копия привилей Августа Второго, выданного меньшей канцелярии Великого Княжества Литовского в 1720 г. Привилей освобождал каменщику Сташкевичу по улице Немецкой в Вильно, где размещалась канцелярия меньшей печати, от нахождения в ней судей Главного Литовского Трибунала.

Поздняков Валерий Семенович. Берестейская семинария и Петр Аркудий (*документы 1598—1621 гг.*).

Статья освещает первые годы деятельности в Беларуси Петра Аркудия (около 1563—1633) и основание Берестейской семинарии (1598).

SUMMARY

Siarhei Zhumar. Photographic documents of the late 19th — early 20th century of the belarusian state archives of films, photographs and sound recordings (*to the 80th anniversary of the archives*).

The article deals with a collection of photographic documents of the late 19th — early 20th centuries (until 1917) of the the belarusian state archives of films, photographs and sound recordings, which has more than 3,000 storage units. The groups of photographic documents are distinguished: panoramic photos, architectural landscapes, object photos, documentary photos, portrait photos and groups of photos connected by a single plot, scene of action.

Yury Petukh. Documents of the National Archive of the Republic of Belarus on the activities of the in agriculture of Soviet Belarus in 1920s (*for the 100th anniversary of the new economic policy*).

The article is dedicated to the centenary of the proclamation of the new economic policy. It provides a brief description of the innovations in the field of agriculture carried out on the territory of Belarus during the NEP, provides a brief review of the modern historiography of the issue, analyzes the main funds of the National Archive of the Republic of Belarus, containing materials on the development of agriculture in the republic and on changes in this area that occurred during the period of history under review. The article also describes some of the key documents adopted for the transition of the BSSR agriculture from the emergency measures of «war communism» to the new economic policy

Liudmila Drozhzha, Vyacheslav Brichkovsky, Yuri Prazarovich. Current directions of application of modern technologies software tools for storing and using collections digital copies of archival documents.

The article analyzes modern information resources with the use of open source software tools for organizing the storage and use of collections of digital copies and descriptions of archival documents of state archival institutions of the Republic of Belarus.

The proposed software tools are aimed at improving the system of providing information services in electronic form and simplifying the access procedures for potential users to collections of digital copies and descriptions of archival documents; their effective integration with existing archival in-formation systems; popularization of the resources of state archives among researchers and the general public.

Liudmila Drozhzha, Yuri Prazarovich, Kiryl Miatselitsa. Representation of archival documents through online exhibitions.

The article emphasizes that at the present stage, domestic state archival institutions adhere to different approaches to the organization of online exhibitions. Electronic expositions can include both copies of individual archival documents and entire collections of digitized documents and collections. The main purpose of the research, reflected in this article, is to improve the quality of representation of documents of state archival institutions of the Republic of Belarus through online exhibitions, as well as modern forms of feedback between state archives, interested specialists and a wide range of the public.

The analysis of the international and domestic practice of creating and maintaining Internet exhibitions has identified a number of circumstances that determine the successful implementation of such projects by domestic archival institutions. The mentioned problems can be divided into two groups: objective (limited material and technical base, late informatization of the industry, lack of qualified IT-specialists) and subjective (formal approach, traditional closeness of archives to society, inertial position of the archival environment). Taking into account all

the above, the authors of the study developed methodological recommendations for the creation and use of online exhibitions as a means of representing documents of state archival institutions of the Republic of Belarus.

Volha Ivanova. The evolution of theoretical principles and legacy of the access to the archives.

The development of society in recent decades, as well as the processes of informatization, globalization and anthropologisation have a significant impact on the concept of access to archives. The article identifies the main stages of the evolution of approaches to access to archives, considers the features of the Soviet archival system in this direction, the transformational stage of archival reforms of the 1990s in post-Soviet countries. The characteristic of modern theoretical and legal approaches to access to archives and the analysis of the current Belarusian legislation in this direction are given.

Siarhei Hruntou. Funeral photographs as a source for studying commemorative traditions of Belarusians.

The article examines the potential of funeral photographs as a source for the study of folk traditions (mainly funeral rituals) and the social history of Belarusians. Using the examples of selected photographs, it is shown what information can be obtained on the history of the family and the local community, the role of the church in society and the development of secularization processes, the ways of interpenetration of rural and urban culture in Belarus in the twentieth century. An overview is made of what additional information funeral photographs can give about the material aspects of the funeral rituals of Belarusians. Special attention is devoted to the value of funeral photographs for the study of Belarusian cemeteries. They preserve information about the forms and methods of caring for graves, types of gravestones and fences that have been poorly preserved to our time.

Yury Nietsiarovich. On the role and paramount importance of the logical function of theoretical constructs in the formation of theoretical and general theoretical knowledge in documentary and information sciences.

The important role of constructs in the formation of theoretical and general theoretical knowledge in the sciences of documentary information is revealed. Theoretical models of the documentation management theory are analyzed. The increase of the logical function in the systems of theoretical knowledge is shown as the degree of generalization of knowledge increases.

Siarhei Yelizarau. Executive committees of local Soviets of the BSSR in 1943—1945: organizational structure.

The article is devoted to identifying the dynamics of changes in the structure of the executive committees of local Soviets of workers' deputies of the Belarusian SSR in 1943—1945. It is noted that during this period, while maintaining mainly the same structure of local executive committees, new depts and departments were created as a means to solve the problems created by the war and the tasks of restoring the economy and social sphere (state support for families of military personnel and partisans, repatriation of soviet citizens, mobilization of labor, restoration of urban and rural settlements, etc.). These measures corresponded to the ideas of the party-soviet leadership about the organizational factor as a mandatory and effective means of successful implementation of the party-state directives. There is still a high degree of fragmentation of the apparatus of the executive committees of local councils, their narrow specialization in order to carry out constant and comprehensive control over the state of affairs in the sphere of their activities.

Svaytoslav Kulinok, Elena Krasnozhnova. Operational reports of the North-Western Group under the Central Committee of the KP(b)B in 1942 as a historical source.

The process of centralization of the partisan movement in the occupied territory of the BSSR began in the spring of 1942 and was associated with the activities of the Northwest Group under the Central Committee of the Communist Party(b)B and the Council of People's Commissars of the BSSR. This group was engaged in the training and sending of qualified personnel (instructors, organizers, saboteurs, printers), weapons, medicines to partisan detachments of the Vitebsk, Minsk and Mogilev regions. The group played a large role in strengthening the partisan movement in the designated territories, and many of its leaders and employees then became part of the Belarusian headquarters of the partisan movement. The article deals with the reporting documents of the North-Western Group—operational reports— one of the most important sources on the history of the partisan movement for the period of March-September 1942.

Aliaksei Kudrytski. Sources for researching of biographies of volunteers of international brigades of the Spanish Republican Army.

Researching the biographies of volunteers in the international brigades of the Spanish Republican Army is an important part of the study of foreign participation in the war. Materials from archival collections of Russia, Spain, Poland, Belarus are valuable sources of biographical information about Belarusian volunteers of international brigades and reveal it from the perspective of both the volunteers themselves and the command and services of International Brigades, police offices, party committees, relatives of volunteers, etc. Working with these sources involves solving a number of problems due to the use of pseudonyms and legends by volunteers, which distort biographical information in documents.

Zinaida Antonovich. Legal regulation of the organization of the diocesan administration bodies of Christian confessions in the late 18th—early 20th centuries.

The article examines the organizational aspects of the activities of the consistories of Christian confessions on the basis of the legal of the Russian Empire. The author identified five main directions of regulation: the definition of the administrative-territorial division, the functions and composition of the consistories, their financing and the organization of records management and archives. At the same time, the dependence of the administrative-territorial division on the realization of the interests of domestic policy is traced, and the rest of the directions were united by analogy with the Orthodox Church. However, if for the latter they were determined by the Synod and only the administrative-territorial division by the normative acts of the empire, then for non-Orthodox confessions— by the state bodies. Accordingly, in the normative regulation of the activities of the consistories of Christian confessions, three main periods can be distinguished: 1772—1841; 1841—1883; 1883—1918.

Kiryl Korbut. Churches of Novohrudok of the 17th—18th centuries in the light of materials of general visits.

The article is devoted to the study of general visits of the Greek Catholic churches of Novohrudok in the 17th—18th centuries. The article provides a comparative analysis of visits to various years, namely: 1680—1682, 1754, 1765 and 1798. It should be noted that the article first described and published visits to churches in Novohrudok in 1765. These visits are kept in the Museum of Ancient Belarusian Culture of the Center for the Study of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus. The visits provide a detailed description of the three parish churches of Novohrudok, which makes it possible to

apply the results in studies that study the formation of the cultural identity of the Greek Catholic Church.

Viachaslau Nasevich, Vasil Azaronak. Early sources on the history of Lepel. Part 1. By the middle of the 16th century.

The article provides a review of information about the early history of Lepel, preserved mainly in the collection of the Vilna Roman Catholic Chapter (fund 43 of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences of Lithuania), as well as in the documents of the Lithuanian Metric, the act books of the judiciary of the Grand Duchy of Lithuania and other sources. The completeness and accuracy of previous publications, which partially contained this information, are analyzed. In some cases, significant clarifications are made.

The unreliability of the date of the first mention of Lepel in 1439, which was widespread in popular publications, is substantiated. The first reliable date for the mention of Lepel should be considered August 1, 1503, although the settlement undoubtedly existed in the 15th century. The previously expressed opinion is confirmed that the first mentions refer to a settlement that existed near the modern village of Stary Lepel, on the peninsula of Lake Lepel. From the moment it was first mentioned, this settlement belonged to the Vitebsk Church of the Holy Trinity. The first mention of the town founded there dates back to 1545. The date of the transfer of the Lepel volost to the ownership of the Vilna chapter in 1561 is specified.

Michail Shumeyka. «... As long as there is an opportunity, I will work in Minsk»: *Letters from I. Zamotin to E. Karsky, 1926—1930. (To the 100th anniversary of the opening of the Belarusian State University).*

The article introduces into scientific circulation 5 letters of I. Zamotin to E. Karsky 1926—1930, which cover the scientific activities of I. Zamotin and scientific institutions in Belarus during this period.

Ekaterina Dernovich. Privilege of Augustus II in 1720 to the minor chancery of the Grand Duchy of Lithuania.

A copy of the privilege of Augustus II, issued to the minor chancery of the Grand Duchy of Lithuania in 1720, is published. Privilege freed Stashkevich's stone house on Nemetskaya Street in Vilna, where the office of the minor chancery press was located, from the presence of the judges of the Main Lithuanian Tribunal in it.

Valery Pazdniakou. Berestye Seminary and Peter Arkudiy (*documents of 1598—1621*).

The article covers the first years of Peter Arkudiy's (about 1563—1633) activity in Belarus and the foundation of the Berestye Seminary (1598).

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылкаў.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацый артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыйнай на беларускай (рэзюме), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацый дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главай 5 Інструкцыі па афармленні дысертацый і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).

14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniid.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- С. В. Жумарь**. Фотодокументы конца XIX — начала XX в. Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (к 80-летию архива)..... 5
- Ю. Н. Петух**. Документы Национального архива Республики Беларусь о мероприятиях в сельском хозяйстве Советской Беларуси в 1920-е гг. (к 100-летию новой экономической политики) 13
- Л. Ч. Дрожжа, В. И. Бричковский, Ю. Э. Прозорович**. Актуальные направления применения современных программных средств для хранения и использования коллекций цифровых копий архивных документов 21
- Л. Ч. Дрожжа, Ю. Э. Празаровіч, К. І. Мяцеліца**. Рэпрэзентацыя архіўных дакументаў праз інтэрнэт-выстаўкі..... 33
- В. С. Иванова**. Эвалюцыя тэарэтычных і прававых прынцыпаў доступу да архіваў..... 43
- С. У. Грунтоў**. Пахавальныя фотаздымкі як крыніца для вывучэння мемарыяльных традыцый беларусаў..... 51
- Ю. В. Нестерович**. О роли и первостепенной значимости логической функции теоретических конструктов при формировании теоретических и общетеоретических знаний в документально-информационных науках..... 58
- С. А. Елизаров**. Исполкомы местных Советов БССР 1943—1945 гг.: организационная структура..... 70
- С. В. Кулинок, Е. Е. Красноженова**. Оперативные сводки Северо-Западной группы при ЦК КП(б)Б в 1942 г. как исторический источник 78
- А. С. Кудрицкий**. Источники по установлению биографий добровольцев интербригад Республиканской армии Испании..... 83
- З. В. Антановіч**. Нарматыўнае рэгуляванне арганізацыі дзейнасці органаў епархіяльнага кіраўніцтва хрысціянскімі веравызнаннямі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. 89
- К. М. Корбут**. Цэрквы г. Навагрудка XVII—XVIII стст. у святле матэрыялаў генеральных візітацый..... 101
- В. Л. Насевіч, В. В. Азаронак**. Раннія крыніцы па гісторыі Лепеля. Частка 1. Да сярэдзіны XVI ст. 116

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

- М. Ф. Шумейко**. «... Пока есть возможность, буду работать в Минске»: Письма И. И. Замотина Е. Ф. Карскому 1926—1930 гг. (к 100-летию открытия Белорусского государственного университета)..... 125
- Е. П. Дернович**. Привилей Августа Второго 1720 г. меньшей канцелярии Великого Княжества Литовского..... 142

<i>В. С. Пазднякоў. Берасцейская семінарыя і Пётр Аркудзій (дакументы 1598—1621 гг.)</i>	146
ПОСТАЦІ	
Да юбілею Марыі Карпаўны Бобер	163
<i>С. М. Громыко. К 80-летию со дня рождения Тамары Никитичны Юрченко</i>	163
<i>Г. В. Запартыка. Кісялёвы (да 90-годдзя з дня нараджэння Генадзя Васільевіча Кісялёва і 80-годдзя з дня нараджэння Яніны Міхайлаўны Кісялёвай — беларускіх архівістаў)</i>	165
<i>М. Ф. Шумейко. Памяти Дмитрия Владимировича Карева</i>	168
<i>М. Ф. Шумейко. Памяти Сергея Владимировича Жумаря</i>	170
<i>А. В. Петухов. Памяти Натальи Николаевны Царёвой</i>	173
Рэзюмэ	174
Резюме	178
Summary	182
Правілы для аўтараў	186

CONTENTS

ARTICLES

- [S. Zhumar]** Photographic documents of the late 19th — early 20th century of the belarusian state archives of films, photographs and sound recordings (*to the 80th anniversary of the archives*)..... 5
- Yu. Petukh.** Documents of the National Archive of the Republic of Belarus on the activities of the in agriculture of Soviet Belarus in 1920s (*for the 100th anniversary of the new economic policy*) 13
- L. Drozhzha, V. Brichkovsky, Yu. Prazarovich.** Current directions of application of modern technologies software tools for storing and using collections digital copies of archival documents..... 21
- L. Drozhzha, Yu. Prazarovich, K. Miatselitsa.** Representation of archival documents through online exhibitions..... 33
- V. Ivanova.** The evolution of theoretical principles and legacy of the access to the archives..... 43
- S. Hruntoi.** Funeral photographs as a source for studying commemorative traditions of Belarusians..... 51
- Yu. Niestiarovich.** On the role and paramount importance of the logical function of theoretical constructs in the formation of theoretical and general theoretical knowledge in documentary and information sciences..... 58
- S. Yelizarau.** Executive committees of local Soviets of the BSSR in 1943—1945: organizational structure..... 70
- S. Kulinok, E. Krasnozhenova.** Operational reports of the North-Western Group under the Central Committee of the KP(b)B in 1942 as a historical source..... 78
- A. Kudrytski.** Sources for researching of biographies of volunteers of international brigades of the Spanish Republican Army 83
- Z. Antonovich.** Legal regulation of the organization of the diocesan administration bodies of Christian confessions in the late 18th — early 20th centuries..... 89
- K. Korbut.** Churches of Novohrudok of the 17th—18th centuries in the light of materials of general visits..... 101
- V. Nasevich, V. Azaronak.** Early sources on the history of Lepel. Part 1. By the middle of the 16th century..... 116

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- M. Shumeyka.** «... As long as there is an opportunity, I will work in Minsk»: *Letters from I. Zamotin to E. Karsky, 1926—1930. (To the 100th anniversary of the opening of the Belarusian State University)*..... 125
- E. Dernovich.** Privilege of Augustus II in 1720 to the minor chancery of the Grand Duchy of Lithuania 142
- V. Pazdniakoŭ.** Berestye Seminary and Peter Arkudiy (*documents of 1598—1621*)..... 146

PERSONALITIES

On the Anniversary of Mary Karpovna Bober.....	163
S. Gromyko. For the 80 th anniversary of Tamara Nikitichna Yurchenko.....	163
H. Zapartyka. The Kisyalyoŭs (to the 90 th anniversary of Genadz Vasilevich Kisyalyoŭ and the 80 th anniversary of Yanina Mikhailovna Kisyalyova — Belarusian archivists).....	165
M. Shumeyka. In memory of Dmitry Vladimirovich Karev.....	168
M. Shumeyka. In memory of Sergei Vladimirovich Zhumar.....	170
A. Petukhov. Natalia Nikolaevna Tsareva.....	173

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 22

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 11.11.2021. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Умоўн. друк. арк. 11,16. Улік.-выд. арк. 12,13.
Тыраж 100 экз. Зак. 6.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, выптворчы
і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/229 ад 24.03.2014.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.